

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Новикова Кристина Александровна

**СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
АВТОРСКОГО ЭНИГМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Олейник Марина Алексеевна,
доктор филологических наук, доцент

Краснодар
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭНИГМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	10
1.1 Понятие «энигматический текст» в лингвистических исследованиях.....	10
1.1.1 Конститутивные признаки энигматического текста.....	13
1.1.2 Функциональный потенциал энигматического текста.....	22
1.1.3 Структура энигматического текста.....	29
1.2 Проблема дихотомии «народная загадка – авторская загадка»	42
1.3 Коммуникативно-прагматическая категория адресованности в энигматическом тексте.....	58
Выводы	67
2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ЭНИГМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	70
2.1 Способы экспликации адресованности авторского энигматического текста.....	70
2.1.1 Лексико-грамматические маркеры адресованности.....	70
2.1.2 Интертекстуальные маркеры адресованности.....	82
2.1.3 Заголовки как маркеры адресованности.....	101
2.2 Прагматика субъектной структуры авторского энигматического текста.....	117
2.2.1 Энигмат как субъект речи.....	117
2.2.2 Эксплицитный нарратор как субъект речи.....	129
2.2.3 ИмPLICITный нарратор как субъект речи.....	145
2.2.4 Полисубъектность авторского энигматического текста.....	149
Выводы	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	157
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	162

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию авторских энигматических текстов в аспекте их прагматического потенциала. Обращение к данной теме обусловлено общенаучной тенденцией к антропоцентризму, важным проявлением которого в лингвистике является фокусирование научного интереса на коммуникативно-прагматических возможностях языковых единиц и на взаимодействии субъекта речи с адресатом. Энигматические тексты с присущей им диалогичностью и ориентацией на адресата служат ценным материалом для изучения в данном аспекте.

Степень изученности проблемы. Энигматические тексты представляют интерес и для отечественных, и для зарубежных ученых. Разнообразные аспекты исследований данных текстов включают анализ структурно-семантических [Волоцкая 1983, Денисова 2008, Журинский 1989, Кенгес-Маранда 1978, Левин 1978, Тунин 2012, Mainberger 2011, Tomasek 1994, Schönfeldt 1978] и когнитивно-прагматических особенностей [Головачева 1994, Селиванова 2014, Семенов 2011, Филиппов 2000, Gabriel 2013], лингвокультурологический анализ [Ковшова 2019, Кондрашева 2017, Орлова 2020, Сибирцева 2003, Файзуллина 2019, Шестеркина 2018], анализ ритуально-мифологического контекста [Топоров 2004], анализ функционально-семантического и исторического плана народной загадки [Митрофанова 1978, Сендерович 2008, Schitteck 1990], изучение интертекстуальных связей [Солдаева 2018], типологии литературных стихотворных энигматических текстов [Струкова 2019], метаязыковой рефлексии [Шумарина 2011], их семиотической природы [Лекомцева 1994, Grzybek 1987], анализ загадки как типа текста [Бирр-Цуркан 2014, Левченко 2011, Fix 2000]. Значительное количество исследований и их многоаспектность свидетельствуют о высокой степени изученности энигматических текстов. Однако средства реализации прагматического

потенциала этих текстов исследованы недостаточно. Они лишь упоминаются в некоторых работах в рамках изучения структурных элементов [Петш 1899, Селиванова 2014, Файзуллина 2019].

Актуальность исследования определяется тем, что оно выполнено в русле антропоцентрического подхода к изучению языка. В центре внимания находятся энигматические тексты, отражающие специфику человеческого мышления и тесную взаимосвязь языка и культуры. Данные особенности обуславливают применение актуального в современном языкознании междисциплинарного подхода к анализу эмпирического материала. В рамках коммуникативно-прагматического подхода в работе раскрываются особенности способов экспликации прагматического потенциала авторских энигматических текстов. Принцип диалогизма, характерный для энигматических текстов, представляет особый интерес в аспекте изучения соотнесенности «автор – текст – адресат».

Объектом исследования выступают разноструктурные единицы языка, реализующие прагматический потенциал авторского энигматического текста, а **предметом** – особенности актуализации прагматического потенциала авторского энигматического текста.

Материалом для исследования послужили энигматические тексты, изданные в сборниках «Deutsches Rätselbuch» под редакцией Ф. Шуппа и «Flog Vogel federlos» под редакцией Й. Перфаля, а также размещенные на интернет-сайтах janko.at, blueprints.de, raetselstunde.de, friedrich-schiller-archiv.de. Методом направленной выборки был сформирован корпус из более чем 1000 стихотворных энигматических текстов, к которым относятся классические загадки, загадки с омонимичными отгадками, палиндромы, шарады, логогрифы и анаграммы. Авторы данных текстов – писатели и поэты второй половины XVIII – первой половины XX вв. Ф. Brentano (1838–1917), Э. Бушор (1886–1961), И. В. фон Гёте (1749–1832), И. Ф. Кастелли (1781–1862), К. Т. Кёрнер (1791–1813), Ф. Рюккерт (1788–1866), К. Тёпфер (1792–1871), И. Г. Тиле (1745–1824), И. П. Хебель (1760–1826), Ф. Шиллер (1759–

1805), Ф. Шлейермахер (1768–1834) и др. Все немецкоязычные тексты сопровождаются переводом, выполненным автором настоящего исследования.

В основе исследования лежит следующая **гипотеза**: способы выражения адресованности и субъектная организация являются ключевыми средствами формирования прагматического потенциала авторского энигматического текста.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении и описании средств экспликации прагматического потенциала авторского энигматического текста.

Поставленная цель предопределила постановку и решение следующих **задач**:

- 1) проанализировать соотношение понятий «энигматический текст» и «загадка», «народная загадка» и «авторская загадка»;
- 2) исследовать конститутивные признаки и структурно-функциональные особенности энигматического текста;
- 3) рассмотреть подходы к исследованию коммуникативно-прагматической категории адресованности;
- 4) выявить и проанализировать способы выражения адресованности в авторском энигматическом тексте и их функции;
- 5) дифференцировать типы субъектной структуры и коммуникативные роли субъектов авторского энигматического текста;
- б) определить прагматические интенции, реализуемые совокупностью маркеров адресованности и субъектной организации авторского энигматического текста.

Поставленные цель и задачи исследования обусловили применение таких **общенаучных методов**, как описательный, сопоставительный, классификационный, методы аналитического обобщения и количественного анализа. Из **частнонаучных методов использованы**: структурно-семантический, интерпретативный, контекстуальный и

лингвокультурологический анализ. Отбор данных проводился методами сплошной и направленной выборки.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых в следующих областях:

– исследование энигматических текстов (Е. А. Денисова, Э. Кенгес-Маранда, М. Л. Ковшова, С. С. Кондрашева, Ю. И. Левин, М. Н. Левченко, Е. А. Селиванова, С. Я. Сендерович, А. А. Солдаева, Т. В. Струкова, В. Н. Топоров, Н. И. Файзуллина, U. Fix, R. A. Georges, A. Dundes, R. Lasclo, Ch. Scott, C. Schitteck, A. Schönfeldt, V. Schupp, T. Tomasek и др.);

– изучение категории адресованности (Н. Д. Арутюнова, О. П. Воробьева, Е. В. Комлева, Т. А. Митрофанова, В. В. Митрофанова, М. А. Олейник, О. Ю. Подъяпольская, А. В. Полонский, Н. Л. Романова, И. Д. Чаплыгина, С. А. Шантарович и др.);

– теория интертекстуальности (Н. А. Кузьмина, С. Т. Нефедов, Н. С. Олизько, Н. А. Фатеева, С. Г. Филиппова, U. Fix, W. Heinemann, G. Weise и др.);

– фразеология (Л. С. Великоредчанина, К. И. Декатова, И. Г. Жирова, В. Н. Телия, М. А. Фокина, H. Burger, M. Heinz 1994);

– ономастика (В. В. Катермина, Т. М. Николаева, А. В. Суперанская, Д. М. Токмашев, А. В. Юдин);

– теория текста (И. В. Арнольд, М. М. Бахтин, Н. С. Валгина, Л. А. Исаева, В. И. Карасик, Б. О. Корман, А. В. Кузнецова, В. А. Лукин, В. Е. Чернявская, Т. М. Николаева, И. А. Щирова, У. Эко, K. Adamzik, R. A. De Beaugrande, W. U. Dressler и др.);

– нарратология (Е. В. Падучева, В. И. Тюпа, В. Шмид).

Научная новизна исследования заключается в том, что:

– коммуникативно-прагматическая категория адресованности впервые комплексно исследована на материале авторских энигматических текстов;

– впервые изучены и описаны типы интертекстем и заголовков как маркеров адресованности авторского энигматического текста;

– разработана классификация типов субъектной структуры авторского энигматического текста с описанием особенностей их прагматической нагрузки;

– определены коммуникативные роли субъектов авторского энигматического текста.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что подробное описание и анализ способов репрезентации адресованности в авторских энигматических текстах расширяет представления о спектре изученных способов выражения адресатного плана и их функционального потенциала, а также вносит вклад в углубление теории коммуникативно-прагматической специфики разных типов текстов. Для лингвопрагматической научной парадигмы теоретически значимо выделение типов субъектной структуры и определение реализуемых коммуникативных ролей субъектов авторского энигматического текста.

Практическая значимость настоящей работы заключается в том, что представленные в ней материалы и результаты могут быть использованы при подготовке лекционных и практических занятий по теории языка, стилистике, лингвистическому анализу текста, лингвострановедению, лингвопрагматике, истории языка, а также для развития навыков письменного перевода поэтических текстов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Реализация прагматического потенциала авторских энигматических текстов детерминируется их субъектной организацией и средствами выражения адресованности.

2. Адресованность эксплицируется внутритекстовыми, межтекстовыми и паратекстовыми актуализаторами. К внутритекстовым актуализаторам относятся вокативные конструкции и высказывания с побудительной модальностью и с модальностью содействия. Межтекстовыми маркерами

адресованности выступают интертекстемы (аллюзивные онимы, фразеологизмы, цитаты). Паратекстовыми актуализаторами служат заголовки. Насыщенность текста средствами выражения адресованности разных языковых уровней усиливает прагматическое воздействие на адресата.

3. Прагматический потенциал авторского энигматического текста определяется полифункциональностью средств выражения адресованности, которые выполняют фатическую, аппеллятивную, экспрессивную, аттрактивную, эстетическую функции, функцию упрощения и функцию усложнения процесса декодирования энигмата.

4. Внутритекстовые средства выражения адресованности репрезентируют субъект речи (нарратор-энигмат, эксплицитный нарратор, имплицитный нарратор), а также его коммуникативные роли и роли адресата (нарратора): роль загадывающего лица, роль отгадывающего лица, роль объекта повествования, роль описывающего себя как объект повествования, роль описывающего энигмат как объект повествования. В зависимости от субъекта речи выделяются четыре типа субъектной структуры авторских энигматических текстов, характеризующихся различными видами внутритекстовой коммуникации нарратора и нарратора. В текстах с эксплицитным нарратором, текстах с энигматом в роли нарратора и полисубъектных текстах реализуется больше прагматических интенций, чем в текстах с имплицитным нарратором.

5. Прагматическими интенциями авторского энигматического текста являются «поддержка», «вовлечение в игру», «предоставление подсказок», «вовлечение в фиктивную коммуникацию с энигматом», «введение в заблуждение», «проверка эрудиции», «испытание когнитивных способностей».

Апробация результатов исследования проводилась на международных научно-практических конференциях «Германистика в современном научном пространстве» (Краснодар, 2015, 2016, 2017, 2020, 2021 гг.), «Проблемы исследования и преподавания иностранных языков в поликультурном

пространстве» (Краснодар, 2019 г.), на Международном филологическом конгрессе «Филология в контексте коммуникации и современной культуры» (Краснодар, 2020 г.), на научном семинаре кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета (Краснодар, 2020, 2021, 2023 гг.), Международном научном онлайн-семинаре аспирантов (Варшава, Краков, Краснодар 2021, 2022 гг.), на Пятигорском лингвистическом конгрессе «Языки мира – мир языков» (Пятигорск, 2022 г.), на Международных научных конференциях «Текст – Дискурс – Культура» (Краснодар, 2023 г.), «Язык и литература в синхронии и диахронии» (Краснодар, 2023 г.).

Основные положения исследования отражены в 16 научных публикациях, пять из которых представлены в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы. Общий объем диссертации составляет 191 страницу; список литературы включает 288 наименований; работа содержит 4 таблицы и 12 рисунков.

1. ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭНИГМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1 Понятие «энигматический текст» в лингвистических исследованиях

В современных лингвистических исследованиях, посвященных изучению загадок, часто используется термин «энигматический текст», что является оправданным, поскольку слово «энигматический» происходит от древнегреческого слова «αἴνιγμα» и означает «загадочный, таинственный». Некоторые исследователи применяют понятие «энигматический текст» как полный синоним загадки. Н. И. Файзуллина, например, называет энигматическими текстами русские, татарские и английские народные загадки [Файзуллина 2019], Н. Г. Титова – русские и английские народные загадки [Титова 2010], А. Е. Тунин – новогреческие, балканославянские и турецкие загадки [Тунин 2012], Н. И. Голияд – английские загадки [Голияд 2014], Е. А. Казанцева – русские, польские и белорусские загадки [Казанцева 2006], Т. А. Панасенко – русские, украинские, английские и французские загадки [Панасенко 2012].

Ряд лингвистов (Т. В. Струкова, Е. А. Селиванова, М. В. Волкова, С. Я. Сендерович, Е. А. Денисова) рассматривают понятие «энигматический текст» намного шире. С. Я. Сендерович обращается к терминам «энигматика» и «энигматический жанр» в рамках исследования морфологии народной загадки. Энигматика трактуется ученым как «область загадочных вопросов, включающих множество жанров – от священных до профанных» [Сендерович 2008, с. 14]. К таковым наряду с народными загадками относятся литературные (в различных источниках также «авторские») загадки, ребусы, шарады, скандинавские кеннинги, вопросы в ведийских гимнах, таинственные

вопросы на состязаниях мудрецов в буддийской традиции, философские вопросы, задаваемые друг другу древнегреческими мыслителями, «шееспасительные» загадки (Halslösungsrätsel), от разгадки которых зависела дальнейшая судьба вопрошаемого; развлекательные вопросы на сообразительность, касающиеся чисел, слов и букв. По словам С. Я. Сендеровича, жанровое разнообразие энигматики также отмечали собиратели и исследователи загадок XIX и XX столетий И. Элерс, Г. Парис, С. Новакович, Э. Х. Майер, Р. Петш, А. Тэйлор [Сендерович 2008].

Е. А. Селиванова вводит понятие «энигматический дискурс», трактуя его как «коммуникативное событие, знаковым посредником которого служит энигматический текст». Его основными характеристиками исследователь считает «интеллектуальный тренинг, развлечение, поиск и познание новой информации, игру, основанную на смекалке, сообразительности, знаниях в различных сферах, чувстве юмора» [Селиванова 2014, с. 186]. Энигматический текст, как отмечает Е. А. Селиванова, характеризуется интерактивностью, поскольку «его полная знаковая репрезентация возможна при непосредственном участии адресата, выполняющего стратегическую программу адресанта, направленную на разгадывание заданий, поставленных в тексте» [Селиванова 2014, с. 186]. По мнению автора, энигматическим текстам также присущи парадоксальность как способ кодирования информации и криптографичность, причем относительная простота криптограмм энигматики обусловлена «желанием» текста быть разгаданным. В основу классификации энигматических текстов положен тип кода, посредством которого зашифрована предназначенная для разгадывания информация. Различаются числовые (судоку, виндоку, какуро, пятнашки, сан-го-ку, числовые кроссворды), словесные (литературные и народные загадки, разные виды кроссвордов, головоломки, шарады, логогрифы, анаграммы) и смешанные (ребусы, ключворды, филворды, головоломки с использованием цифр и слов, кроссворды с использованием цифр и рисунков, кроссворды и сканворды с использованием в качестве заданий фотографий, рисунков,

математических символов) энигматические тексты [Селиванова 2014]. Е. А. Селиванова полагает, что функциональный потенциал энигматических текстов (интеллектуальная разминка, развлечение, приобретение знаний) и рост спроса в обществе на данные тексты являются причиной их разнообразия и увеличивающегося количества на современном этапе развития.

Е. А. Денисова использует термин «энигматический текст» для обозначения загадок и кроссвордов. Она выделяет четыре конститутивных признака энигматического текста:

- 1) вопросно-ответную структуру;
- 2) коммуникативную функцию, реализуемую в процессе взаимодействия адресанта и адресата;
- 3) содержательную завершенность и информационную самодостаточность;
- 4) невозможность определения принадлежности текста конкретному автору [Денисова 2008].

Вслед за Е. А. Денисовой М. В. Волкова применяет понятие «энигматический текст» к загадкам и кроссвордам и отмечает, что этот термин отражает их «онтологическую сущность» [Волкова 2011, с. 35].

В исследовании Т. В. Струковой на материале загадок, шарад, анаграмм, метаграмм, логогрифов и монограмм русских поэтов XVIII в. фигурируют термины «энигматический жанр», «энигматический дискурс», «энигматический текст». Автор полагает, что определение энигматических жанров как системы не представляет проблемы, так как для всех данных жанров характерно наличие двух неотъемлемых структурных компонентов (кодирующей части и отгадки) и сходного функционального потенциала [Струкова 2019]. Различие жанров Т. В. Струкова видит в способах создания имплицитного образа, «обуславливающих композиционное и логическое развертывание энигматической структуры» [Струкова 2019, с. 14].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что термин «энигматический текст» функционирует в современной лингвистике как

синоним термина «загадка», а также применяется для обозначения текстов, схожих с загадкой как главным представителем энигматики в структурном и функциональном аспектах. Данный вывод свидетельствует о целесообразности использования понятия «энигматический текст» для номинации разнообразных «загадочных» текстов немецкоязычных авторов конца XVIII – начала XX в., которые послужили материалом нашего диссертационного исследования.

1.1.1 Конститутивные признаки энигматического текста

Главным репрезентантом энигматических текстов является народная загадка, ведущая свою историю с дописьменных времен. Поэтому основные теоретические положения в области изучения данных текстов отражают результаты исследований преимущественно народных загадок, которые ряд ученых считают истинными по сравнению с другими энигматическими текстами. Однако существует мнение, что накопленная теоретическая база может применяться и при исследовании литературных (авторских) загадок [Вьюгин 2004].

О трудности определения того, что есть загадка, и об отсутствии общепризнанной научной дефиниции пишут многие авторы исследований энигматических текстов. Среди причин данной проблемы чаще всего называют разнообразие структурных и функциональных особенностей загадки [Сендерович 2008, Абдрашитова 2012, Оглоблин 1984, Селиванова 2014, Кенгес-Маранда, Scott 1969, Tomasek 1994, Grzybek 1987]. Кроме того, некоторые авторы полагают, что загадка не нуждается в научном определении. Э. Кенгес-Маранда объясняет свою позицию тем, что при изучении «класса явлений, созданных носителями определенной культуры, любое априорное определение было бы теоретически не оправдано» [Кенгес-Маранда 1978, с. 251]. Эмпирические данные, по ее мнению, показывают, что загадка

одинаково верно идентифицируется носителями культуры и исследователями без употребления дефиниции [Кенгес-Маранда 1978]. Взгляды Ч. Скотта на поиск единой научной дефиниции загадки демонстрируют сходство с мнением Э. Кенгес-Маранда: «Все, что имеется в руках исследователей, это основанная на эмпирических фактах или интуитивно выведенная характеристика, имеющая силу исключительно в определенном ограниченном контексте» [Scott 1969, S. 131]. К. Д. Эванс видит причину тщетных попыток дать определение загадки в «присущей ей простоте структуры» [Evans 1976, p. 169].

Обращение к дефинициям понятия «загадка» в научной литературе позволяет выявить наличие «ключевых слов», иллюстрирующих многообразие взглядов на данное понятие: «текст» [Левин 1978, Николаева 1994, Лукин 1999, Денисова 2008], «тип текста» [Цивьян 1994, Левченко 2011, Fix 2008, Tomasek 1994], «паремический жанр» [Семененко 2011], «фольклорный жанр» [Аникин 1957, Сендерович 2008, Солдаева 2018], «произведение иносказательного характера» [Абдрашитова 2012], «тип вербальных энигматических текстов» [Тунин 2012], «художественное высказывание» [Цаллагова 2010], «особый род дискурсивного образования» [Филлипов 2000], «речевая форма» [Schitteck 1991]. Тем не менее большинство дефиниций загадки объединяют такие ее характеристики, как «двучастная структура» [Левин 1978, Мечковская 1998, Сендерович 2008, Селиванова 2014, Семененко 2011, Топоров 1994 и др.], «зашифрованное описание объекта человеческого опыта» [Левченко 2011, Селиванова 2014, Фролова 2018, Янович 1997, Schitteck 1991, Schönfeldt 1978, Tomasek 1994 и др.], «побуждение адресата к "расшифровке" закодированного предмета или явления» [Денисова 2008, Левин 1978, Оглоблин 1984, Schitteck 1991, Tomasek 1994].

На основе результатов анализа научных исследований вышеназванных авторов мы выделяем пять конститутивных признаков энигматического текста.

1. Двусоставность является признаком, характерным, в том числе, для древнейших реконструированных форм данных текстов. Как отмечает

В. Н. Топоров, единство загадывающей и ответной составляющих представляет собой фундаментальный элемент загадки и детерминирует ее другие особенности [Топоров 2004]. Данный элемент берет начало в архаических ритуалах, характерных для ступени развития общества, с «дуальным типом организации, функционирующим и контролируемым при помощи универсального обмена – вещами, женщинами, словами и т. п.» [Елизаренкова, Топоров 1984, с. 21]. Однако определение загадки исключительно как вопросно-ответного конструкта, имеющее место во многих исследованиях, по мнению С. Я. Сендеровича, является неполным. Ученый считает, что загадка представляет собой бинаминальную форму высказывания, между частями которой существует логическое несоответствие: загадывающая часть одновременно описывает и скрывает предмет, отгадка может быть не единственной. Поэтому загадку нельзя считать совокупностью логически поставленного вопроса и логического ответа, это скорее «погудка и отклик». При этом автор подчеркивает неравенство данных составляющих: «погудка» (загадывающая часть) характеризуется комплексной структурой, «отклик» (отгадка) – простой. Более верным определением загадки С. Я. Сендерович называет «диалог, игровой обмен репликами» [Сендерович 2008, с. 158]. Интерес для исследования представляет взгляд С. Майнбергер на описываемые составляющие загадки как на термин (отгадка) и его неконвенциональную дефиницию (загадывающая часть). Такая дефиниция, в отличие от словарных дефиниций, чаще содержит не значимые признаки дефинируемого объекта, а характеристики чувственного уровня и нетипичные понятия [Mainberger 2011].

С целью лаконичного наименования описанных составляющих энигматического текста используем термины Е. А. Денисовой, опирающиеся на древнегреческое слово «αἴνιγμα» (загадка): загадывающую (вопросную) часть мы будем называть энигматором, загаданный объект – энигматом [Денисова 2008].

2. Следующий конститутивный признак энигматического текста – зашифрованность его загадывающего компонента. Исследователи наряду с термином «зашифрованность» используют в этом контексте его синоним «закодированность». Т. Томашек вслед за А. Шёнфельдом полагает, что в загадке понятие или слово зашифровывается в виде текста. При этом необходимым условием для признания данного шифрования загадкой является его соотнесенность с отгадкой, т. е. возможность быть отгаданным [Tomasek 1994, S. 28]. Е. А. Селиванова, разделяя мнение о логической соотнесенности зашифрованного текста с отгадкой, подчеркивает, что возможность расшифровки энигмата предусмотрена «стратегической природой» загадки [Селиванова 2014, с. 152]. Соотнесенность зашифрованного объекта и способа его кодирования поддается анализу и установлению определенных закономерностей [Фролова 2018]. В кодировании проявляется амбивалентная сущность загадки: дать информацию об объекте и одновременно завуалировать ее. В основе кодирования, по мнению ученых, лежат прямые и не прямые характеристики загадываемого объекта. Различие между ними заключается в характере номинативных средств: для прямых характеристик используются единицы, закрепленные в языке за обозначаемым объектом; для не прямых характеристик применяются единицы вторичной номинации. Прямые характеристики загадываемого объекта часто основываются на явлениях полисемии и омонимии, а также на смещении фокуса с основных признаков объекта на второстепенные [Ковшова 2019, Орлова 2020, Селиванова 2014, Тунин 2012, Tomasek 1994]. Основным способом реализации не прямых характеристик является метафора, причем лингвисты подчеркивают отдаленность аналогий между зашифрованным объектом и иносказательным образом [Ковшова 2019, Орлова 2020]. При этом целостность ряда метафорических характеристик становится очевидной только после дешифровки энигмата [Schrott 2016]. Не прямые характеристики осуществляются также с помощью метонимии, парадокса, каламбура, гиперболы, эпитетов, сравнения [Волкова 2011, Селиванова 2014, Устиева

2011, Mainberger 2011, Tomasek 1994]. Следует отметить, что кодирование в рамках одной загадки часто происходит посредством и прямых, и непрямых характеристик [Орлова 2020, Tomasek 1994]. На наш взгляд, данная особенность усложняет процесс декодирования энигмата: адресату загадки необходимо понять, осуществлялось ли шифрование с помощью однозначных, многозначных, иносказательных языковых единиц или их совокупностью. Необходимо также подчеркнуть, что в большинстве загадок кодируется несколько признаков энигмата. Из этого следует, что дешифровка загаданного объекта осуществляется посредством разгадывания нескольких загадок, т. е. дешифровки каждого отдельного признака [Mainberger 2011].

Полагаем, что именно зашифрованность энигматора позволяет ученым рассматривать энигматический текст в аспекте постулата (максимы) ясности речи. По мнению В. З. Санникова, загадка – это «особый литературный жанр, построенный всецело на нарушении постулата ясности, намеренно вводящий в заблуждение» [Санников 2002, с. 401]. Яркими примерами несоблюдения данного постулата автор считает «загадки с "двойным дном"»: такие тексты воспринимаются как неприличные, но зашифрованный энигмат оказывается нейтральным [Санников 2002]. К. Шиттек, придерживаясь аналогичных взглядов, называет загадки единственными речевыми формами, нарушающими постулат ясности, которые, вопреки своей неоднозначности и непонятности, признаются языковыми и общественными нормами [Schitteck 1991]. Постулат ясности наряду с постулатами истинности, релевантности и информативности является составляющим описанного Г. П. Грайсом принципа кооперации, соблюдение которого детерминирует успешное достижение целей участников коммуникации [Грайс 1985]. Постулат ясности включает несколько частных постулатов: «избегай непонятных выражений», «избегай неоднозначности», «избегай ненужного многословия», «будь организован» [Грайс 1985, с. 221]. И только один из перечисленных частных постулатов, а именно постулат лаконичности, частично соблюдается в энигматических текстах: народные загадки

характеризуются краткостью, в то время как авторские стихотворные энигматические тексты состоят минимум из четырех строк. А. Шротт подчеркивает, что модель Принципа Кооперации предусматривает нарушение постулатов. В случае нарушения говорящим какого-либо постулата адресат предполагает, что данное обстоятельство релевантно. Следовательно, адресату необходимо «перевести» сказанное в подразумеваемое и понять намерение адресанта. А. Шротт считает, что в случае с энигматическим текстом адресат осознает нарушение постулата ясности, но исходит из того, что, несмотря на данное нарушение, действия адресанта рациональны и направлены на кооперацию. Поэтому адресат способен понять подразумеваемое, а значит, и цели коммуникации могут быть достигнуты. С точки зрения А. Шротт, постулат ясности сформулирован Г. П. Грайсом с ориентацией на говорящего: адресанту необходимо прилагать усилия для того, чтобы его речь была ясной, связной и понятной адресату. Реализация загадки в речи является успешной, если постулат ясности ориентирован и на реципиента. По мнению исследователя, загадка акцентирует усилие адресата в понимании «неясной речи» [Schrott 2016].

3. Перформативность рассматривается нами как следующий конститутивный признак ввиду диалогичного характера энигматического текста и его тесной связи с ритуалом на ранних этапах развития. Применительно к тексту перформативность понимается как способность текста быть коммуникативным действием, «сопровождать говоримое его исполнением» [Четыркина 2006, с. 56]. Двусоставный акт загадывания и разгадывания загадки представляет собой неповторимое событие, происходящее однократно и не являющееся повторением ранее совершенного [Топоров 2004, с. 600]: это позволяет рассматривать загадку как случай совпадения речевого акта с речевым жанром [Санников 2019] и подчеркивать ее перформативный характер в момент воспроизведения [Селиванова 2014, Gamper 2017, Kaivola-Bregenhøj 2018]. По мнению С. С. Кондрашевой, для реализации загадки как коммуникативного действия, побуждающего к

ответному действию, большое значение имеют побудительные формулы-обрамления, выделенные Р. Петшем как рамочные элементы: « Say what I am called» («Скажи, как меня зовут»); « Say who I am» («Скажи, кто я»); «Guess this riddle and I'll give you my hat» («Отгадай эту загадку, и я подарю тебе свою шляпу»). Исследователь акцентирует внимание на том, что в процессе воспроизведения загадка организует интеракционное единство, включающее загадывающую часть как инициативное действие и отгадку как ответную реакцию [Кондрашева 2017, с. 23, 24].

4. Следующий конститутивный признак энигматического текста – фасцинативность. Некоторые ученые характеризуют загадку как фасцинативный текст [Кондрашева, Палашевская, 2017]. В. И. Карасик определяет фасцинативность как «совокупность характеристик текста, превращающих этот текст в объект притяжения для адресата» [Карасик 2009, с. 326]. Фасцинативным текстам присущи сложность перевода на другой язык, невозможность компрессии в силу зависимости от своей формы и возрастание значимости при повторном обращении к ним [Карасик 2004]. Для энигматического текста такими фасцинативными характеристиками являются прежде всего яркие и эмоционально наполненные образные изображения энигматов, кажущиеся на первый взгляд непостижимыми и невероятными [Кондрашева, Палашевская, 2017]. Обращение ученых-языковедов к древним загадкам позволяет выделить такой фасцинативный признак, как характерная для заговоров и молитв интонационно-ритмическая организация текстов, которая способствует созданию особого эмоционального состояния, связанного с сопричастностью к тайному знанию о мироустройстве. Помимо того, признаками фасцинативности считаются олицетворение неодушевленных предметов и представителей растительного и животного мира, сигналы сексуального призыва, сенсорного прельщения, жалости, устрашения. Следует подчеркнуть также амбивалентную природу фасцинативов, удивляющих, вводящих в замешательство и в то же время выступающих в качестве подсказок [Кондрашева 2017].

5. К конститутивным признакам энигматического текста мы относим и характеристику его игровой сущности. Й. Хейзинга полагает, что загадка на ранних ступенях развития занимала пограничную позицию между игровой сферой и сферой серьезного, изначально представлявших собой духовное единство, из которого произошла культура. По мнению ученого, загадка, как и пари или судебное разбирательство, являла собой игру, т. е. соглашение о проведении по соответствующим правилам в определенных временных и локальных условиях некоего события, лежащего за рамками повседневности и снимающего присутствующее напряжение. При этом выигрыш имел второстепенное значение [Хейзинга 2004]. В. Н. Топоров считает, что загадка «унаследовала» от игры следующие свойства: установка на тотальность и универсальность, агональная структура, актуализация нематериального, открытость, свободный характер, импровизационность, двойственность, динамизм, праздничность. Данные свойства загадка приобретала именно в том объеме, который был необходим для ее дальнейшего развития в оригинальной форме, отличающей ее от игры [Топоров 2004, с. 624]. М. Р. Шумарина видит игровое начало загадки в «толковании наоборот»: в естественной коммуникации обычно требуется дефинировать определенное понятие, а не искать понятие определенной дефиниции, осложненной метафорическим описанием и приемами языковой игры, что происходит в процессе отгадывания и создает неестественную, игровую ситуацию [Шумарина 2011, с. 157]. В. С. Филиппов именуется процесс загадывания и разгадывания «игрой в загадки» и выделяет ряд ее правил, которые различаются в зависимости от типа загадок, обусловленного контекстом реализации данной игры (загадка-испытание, загадка-способ передачи знаний, загадка-развлечение). Общим правилом для игры в загадки является соглашение об игре, предваряющее ее начало. Игра в загадки-испытания предполагает, что количество участников и ходов оговаривается до начала игры, а загадывающий говорит только то, что признается любым значимым человеком, не принимающим участия в игре. Помимо того, отгадывающий обязуется говорить только то, что может принять

загадывающий, а загадывающий, в свою очередь, не может принять неверный ответ или не принять верный. Решение загадывающего при этом не подлежит оспариванию. Игроки в другие типы загадок (загадка как способ передачи знаний, загадка-развлечение) придерживаются правил о том, что участниками игры могут становиться только «свои»; загадывающий транслирует только ту информацию, которую слышал ранее, а цель отгадывающего заключается в стремлении говорить то, что может быть принято загадывающим. Кроме того, загадывающий обязуется исправить неверный ответ или подтвердить верность правильного ответа. Отгадывающий должен акцептировать решение загадывающего, которое подлежит дальнейшему воспроизведению [Филиппов 2000]. Н. Н. Семененко подчеркивает амбивалентность игровой сущности загадки: на формально-ситуативном уровне игровой момент проявляется в том, что загадка представляет собой диалог-состяжание; на языковом уровне актуализация игрового начала осуществляется посредством языковой игры [Семененко 2011, с. 130]. Языковая игра считается одним из способов кодирования энигмата и, как и сама игра в загадки, подразумевает интеракцию адресанта и адресата, при которой эксплицируются их знания о языковых нормах и возможностях отступления от них. Широко распространенными способами реализации языковой игры в загадках исследователи признают полисемию и различные виды омонимии: лексическую омонимию, омонимию словоформ и словосочетаний, омофонию [Денисова 2008, Кондрашева 2017, Сибирцева 2003, Шумарина 2011]. Например, в загадке «По чему ходят люди?» (По земле) обыгрываются омофоны «почему» и «по чему» (пример Сибирцевой); в загадке «What has a mouth but not eat?» («Что имеет рот, но не может есть?») (River / река) – омонимы «рот» и «устье» [пример из Кондрашева 2017]. Языковая игра в загадках также может базироваться на эффекте обманутого ожидания: реципиенты, привыкшие к декодированию объектов окружающей их действительности, не ожидают, что энигматор представляет собой, например, высказывание о языке и им необходимо назвать в качестве отгадки

определенную букву. Примером данного вида языковой игры может служить энигматический текст Э. Вёббе с энигматом «der Buchstabe A» («буква А»):

Augsburg, Breslau, Hamburg, Halle Haben mich, mich kennen alle. Nürnberg, München, Köln und Bingen Konnten nimmer mich erringen. Doch in Danzig, Altona Bin ich wieder lustig da [Wöbbe].	Я есть в Аугсбурге, Бреслау, Гамбурге, Галле, меня все знают. Нюрнберг, Мюнхен, Кёльн и Бинген Никогда не могли меня завоевать. А в Данциге и Алтоне я снова появляюсь в веселом расположении духа.
--	---

Таким образом, энигматический текст представляет собой интеракционное единство вопросной и ответной частей, обладающее игровыми характеристиками в экстралингвистическом и лингвистическом аспектах. Зашифрованность вопросной части обуславливает фасциативность энигматического текста, проявляющуюся в образном, вводящем в заблуждение, неправдоподобном представлении энигматов.

1.1.2 Функциональный потенциал энигматического текста

Функциональный потенциал энигматического текста неразрывно связан с историей его развития. Некоторые основные функции соответствовали определённым этапам исторического развития загадки и приходили на смену друг другу; другие, присущие самой природе загадки, сопровождали её на протяжении всего существования.

Вопрос о происхождении загадок затрагивался многими учеными-фольклористами и лингвистами, и несмотря на то, что однозначный ответ на данный вопрос не был найден, доступный исследователям материал свидетельствует о том, что загадки были частью культуры большинства народов мира. По мнению К. Шиттек, исследуемый материал не даёт полного представления о данном явлении, так как загадки, будучи частью устного

народного творчества, только в устном употреблении могут проявлять свой смысл и исполнять свои функции, а в письменных источниках они появлялись только с целью их сохранения и изучения [Schitteck 1991, S. 10].

Основные этапы исторического пути загадки кратко и очень ёмко охарактеризовал В. Н. Топоров: «Между игрой и ритуалом, ритуалом и фольклорным бытием, фольклорным бытием и забавой-развлечением <...>» [Топоров 2004, с. 628]. Т. Томашек, подробно исследовавший европейские средневековые загадки, описывает данные этапы следующим образом. На ранних ступенях исторического развития загадка была неотъемлемой частью ритуала, призванного преодолеть хаос и структурировать окружающее человека пространство. Процесс «разритуализации» (термин «Entritualisierung» принадлежит Т. Томашеку) начался в Древней Греции, когда загадка стала популярной компанейской, в том числе застольной, игрой. Вторая фаза данного процесса относится к началу XX столетия и связана с широким распространением загадок в средствах массовой информации. Глобальное изменение функций загадки, по мнению ученого, повлекло за собой и смену «адресантно-адресатного поля» этого жанра: от диалогического в ритуальном употреблении к групповому в развлекательной форме и далее к индивидуальному в печатных изданиях [Tomasek 2005, S. 332]. Н. Н. Семененко, обобщая взгляды российских лингвистов на изменение функционального поля загадки в связи с этапами её развития, определяет следующие изменения коммуникативного предназначения загадки: от ритуально-магического к ритуально-игровому, в рамках которого загадка выступала как вербальный диалогический акт с целью обучения, развития или организации досуга, и далее к современному коммуникативному назначению, связанному с преобладанием дидактической функции и с «реализацией прецедентного потенциала не только конкретных текстов, но и стереотипной формы загадки» [Семененко 2011, с. 130]. С точки зрения П. Гжибека, при описании универсальных функций загадки необходимо учитывать не только диахронические, но и межкультурные различия. Ученый подчеркивает, что

загадка характеризуется полифункциональностью в каждом определенном обществе на каждом определенном этапе его развития [Grzybek 1987].

Рассмотрим названные функции подробнее.

Обрядовую (ритуальную) функцию выделяют исследователи древнеиндийских загадок [Елизаренкова, Топоров 1984, Löwenthal 1914], немецкоязычных народных песен и баллад, сопровождающих различные общественные и семейные события и изобилующих загадками [Röhricht 2002], загадок некоторых народностей Индонезии [Оглоблин 1984], древнерусского фольклора [Мечковская 1998, Морохин 1986, Аникин 1957]. Значимая роль загадки в свадебных и предваряющих таковые обрядах отмечается в этнографических исследованиях разных народов: испытание жениха или невесты загадками в тюркских племенах, у татар и русских, в африканских племенах, загадки как неотъемлемая часть ритуала ухаживания у филиппинцев. В настоящее время реализация обрядовой функции загадки наблюдается лишь во время некоторых свадебных церемоний [Сендерович 2008, с. 123].

Тесно связана с названной социодифференцирующая функция загадки. В обрядовых событиях разгаданная загадка служила основанием для принятия «чужого, незнающего» в круг людей, «обладающих знанием», или подтверждением «мудрости знающих» для «незнающих» [Сендерович 2008, Аникин 1957, Тунин 2012, Абдрашитова 2012].

Развлекательная функция загадки объясняется её природой, в сущности, загадка есть игра в игре – играя со словами и смыслами, загадка в то же время вовлекает в игру загадывающего и его адресата. Игровую природу загадки, как уже отмечалось, считают одной из главных ее особенностей. Некоторые ученые рассматривают загадку как игровой тип текста [Лушникова 2011, Мухтаруллина, Туктарова 2017, Струкова 2019, Fix 2008]. Среди текстовых характеристик, актуализирующих игровую функцию, выделяют языковую (фонетическую, словообразовательную, смысловую) игру и метафоризацию, к прагматическим характеристикам относят такие коммуникативные интенции

адресанта, как направленность на поддразнивание, достижение развлекательного эффекта [Лушникова 2011, Струкова 2019, Сендерович 2008]. Т. Томашек, однако, подчеркивает, что игровая функция выступает факультативной на протяжении многих веков и выходит на первый план лишь в XIX столетии [Tomasek 1994].

Рассматривая энигматический текст как игру-состяжание, обнаруживаем еще одну его функцию – агональную, раскрывающуюся в противоборстве и соревновательном духе, которые присущи процессу загадывания и разгадывания [Сендерович 2008, Топоров 2004, Schupp 2002].

На начальных ступенях своего развития загадка также выполняла функцию обучения тайной речи. Связь загадки с древними табуистическими языками упоминается в работах В. П. Аникина, В. В. Митрофановой, А. В. Юдина, Д. К. Зеленина, А. Е. Тунина, С. Сендеровича. Так, например, В. П. Аникин говорит о вере первобытных людей в то, что они ежедневно сталкиваются с «враждебной живой сознательной силой» и только условная тайная речь способна выступить защитой от действий этой силы. Молодым людям, желающим быть признанными членами взрослого коллектива, необходимо пройти испытание загадками, чтобы подтвердить знания тайной речи [Аникин 1957, с. 56, 57].

По нашему мнению, функцию обучения тайной речи следует рассматривать как часть дидактической функции, присущей загадке, независимо от того, частью культуры какой эпохи она является. В педагогике бесписьменных и малописьменных народов загадкам уделялось большое внимание. Так, у многих народов Западной Африки проходили состязания по отгадыванию загадок, основной целью которых было обучение молодежи правилам жизнедеятельности в общине, знакомство с явлениями природы и бытовыми ритуалами [Барабанова 1984]. К. Шиттек также считает, что данная функция заключается в трансляции и передаче накопленного опыта. Схожее мнение высказывает и С. Я. Сендерович, подчеркивая, что загадка в естественных условиях – это не средство тренировки интеллектуальных

способностей, а процесс передачи знаний [Сендерович 2008]. Конкретные дидактические методы применения загадок в немецкой гимназии XVIII в. описывает Ф. Шупп: на уроках латыни ученики переписывали с доски загадку на латинском и немецком языках с целью развития каллиграфических и орфографических навыков. Для тренировки грамматических явлений склонялись и спрягались выписанные из текста лексические единицы. Затем разгадывались загадки и формулировались поучительные выводы [Schupp 1972]. Помимо передачи конкретных знаний и расширения кругозора загадке присуще «обучение» поэтическому взгляду на действительность, развитие образного мышления и сообразительности [Аникин 1957, Барабанова 1984, Цивьян 1994, Тунин 2012, Цаллагова 2010, Морохин 1986, Семененко 2011].

Развитие образного мышления и поэтического восприятия действительности описывается как образно-номинативная функция, выделяемая в рамках дидактической. Данная функция, по словам Н. Н. Семененко, реализуется посредством «образной номинации в процессе логического соотнесения семантических признаков слова-отгадки и иносказательной части» [Семененко 211, с. 132].

Функция обучения и передачи знаний неразрывно связана с когнитивной функцией загадки. Считается, что именно благодаря способности загадки выступать источником познания данный жанр продолжает свое существование с дописьменных времен [Schitteck 1991]. Установление связей между понятиями, их классификация детерминируют отражение в загадках языковой картины мира как результата его языковой структуризации [Тунин 2012, с. 6]. О структурировании знаний об определенных фрагментах мира говорит и М. Л. Ковшова, рассматривая реализацию когнитивной функции в способности загадки воспроизводить и сохранять своеобразие народного мировосприятия [Ковшова 2019]. Н. Н. Семененко называет данную функцию «функцией производства нового знания с опорой на четко категоризованные в этноязыковом сознании элементы» [Семененко 2011, с. 131]. Подчеркивается, что загадки, выступая средством языковой категоризации и концептуализации

действительности, одновременно являются и их продуктом [Седакова, Толстая 1999].

К когнитивным относится и моделирующая функция. Г. Л. Пермяков definiрует ее как умение «задавать словесную (или мыслительную) модель (схему) той или иной жизненной (или логической) ситуации» [Пермяков 2001, с. 299]. Н. Н. Семененко подчеркивает, что опорой для подобного моделирования выступают не типичные повседневные ситуации, а воображаемые или предположительно связанные с характеристиками закодированного объекта. «Цель моделирования ситуации заключается не в ее типизации, как у пословиц, а в демонстрации уникальности денотата, выдвигающегося из ряда других, с аналогичными признаками, но ситуативно... иначе обусловленных» [Семененко 2011, с. 132]. Моделирование необычных уникальных ситуаций отмечает и М. О. Абдрашитова, считающая загадку способной на создание мира, в котором возможно сочетание несочетаемого. Реализуя моделирующую функцию, загадка «учит ориентироваться в пространстве противоречивых сущностей, видеть за нетипичностью представления характерные стороны реалий» [Абдрашитова 2012, с. 9].

По мнению ряда исследователей загадка реализует метаязыковую функцию. Э. Кенгес-Маранда объясняет понимание загадки как своеобразного метаязыка тем, что она выступает средством анализа основных характеристик определенного языка [Кенгес-Маранда 1984]. Считается, что данная функция, получившая классическое определение у Р. Якобсона как объясняющая употребление языковых знаков, «целиком и полностью относится к любой загадке, поскольку первичной функцией загадки остается верифицировать, используют ли говорящие (загадывающий загадку и отгадывающий ее) один и тот же язык, употребляют ли они выражение языка в одном и том же смысле» [Лекомцева 1994, с. 218]. Одним из оснований для выделения метаязыковой функции служат различные виды языковой игры, с помощью которых происходит кодирование энигмата загадки. Они рассматриваются как

показатели метаязыковой рефлексии, свидетельствующие о «внимании носителя языка к свойствам языковых единиц». Сама загадка характеризуется как метаязыковой текст, будучи «толкованием наоборот», она создает ситуацию поиска слова к «готовому» толкованию. Загадки о языке и речи обозначаются как рефлексивы-тексты, реализующие метаязыковые суждения о каких-либо языковых или речевых явлениях [Шумарина 2011, с. 22]. Экспликация метаязыковой функции затрагивается и в связи с метафорической составляющей загадки. Адресату необходимо распознать «произвольную и непрозрачную» метафору, функционирующую как код энигмата, найти эквивалент кода [Федорова 2003, с. 154]. Существует мнение, что актуализация метаязыковой функции присуща исключительно «настоящим» загадкам, овладение которыми представляется частью изучения языка. Те энигматические тексты, которые не реализуют эту функцию, не могут считаться «подлинными загадками». К таковым относятся тексты, направленные на проверку наличия у адресата фактических знаний, арифметических навыков, смекалки и находчивости [Солдаева 2018].

Говоря о функциональном пространстве энигматического текста, целесообразно упомянуть точку зрения В. Н. Топорова. Ученый полагает, что при наличии достаточно большого количества работ, посвященных функциям загадки, не были предприняты попытки составить перечень функций с выделением ключевой и определить их соотношение. Предлагаемая В. Н. Топоровым классификация, состоящая из шести блоков, могла бы послужить своего рода обобщением перечисленных функций, упоминаемых в исследованиях отечественных и зарубежных исследователей. Функции первого блока относятся к «стратегической все-функции». Среди функций данного блока выделяются «хранительно-спасительная», организующее-упорядочивающая, эвристическая, прагматическая. «Все функции этого блока служат делу, самой ближайшей и самой насущной практической потребности: не будь этой функции, все остальные потеряли бы смысл... сама прагматическая установка функций этого блока диктует формирование целого

круга подсобных функций, из которых каждая по-своему позволяет подхватить эту исходную установку на прагматичность, на дело, на результат» [Топоров 2004, с. 634]. Второй блок – логико-гностический, «связанный с познанием и его логической структурой», объединяющий классификационно-таксономическую, аналитически-синтетическую, познавательную, дидактически-учительную, «энциклопедическую» функции. Информационно-коммуникативный блок представлен информационно-кумулятивной, кодирующее-декодирующей и проверочно-испытательной функциями. «Лингвистический» блок включает языковые, тексто-строительные и семиотические функции. «Мета-функцию», относящуюся к данному блоку, ученый характеризует «как умение не только фиксировать элементы «объектно-языкового» уровня, но и формировать «мета-объектный» уровень». К пятому блоку принадлежат, по мнению В. Н. Топорова, магическая, религиозная (мифо-ритуальная), символическая, развлекательно-игровая функции. И последний блок представляет аксиологическая функция, заключающаяся в способности загадки формировать «представления о ценности всего мира» и их иерархии [Топоров 2004, с. 633–637].

1.1.3 Структура энигматического текста

По мнению Т. Томашека, загадка характеризуется полной свободой структуры текста, что является отражением критерия нерегулярности, лежащего в основе ее природы. Загадки могут быть написаны в трех грамматических лицах, проявлять различия в объеме текста, соотношении грамматического рода загаданного объекта и его субституционных средств, в способах кодирования энигмата и синтаксическом оформлении. Данная свобода текстовой организации ограничивается одним условием – реализацией шифрования загаданного объекта [Tomasek 1994]. Г. Л. Пермяков также подчеркивает структурное многообразие загадки, указывая на

различные типы предложений, эксплицирующие вопрос, отличающуюся ритмическую и фонетическую организацию, разнообразные логические модели [Барабанова 1984].

Тем не менее в отечественном и зарубежном языкознании существует большое количество исследований, в которых предпринимаются попытки описания универсальной структуры загадки.

Одно из первых описаний структуры народной загадки принадлежит Р. Петшу. Следует отметить, что ученый не учитывает в своем анализе ответную часть загадки. В загадывающей части он выделяет несколько основных («Kernelemente») и рамочных («Rahmenelemente») структурных элементов, подчеркивая, что наличие их всех в одной загадке – редкое явление. Среди основных элементов Р. Петш различает называющие и описательные элементы, которые встречаются как изолированно, так и в сочетании друг с другом. Называющие элементы представляют собой языковые единицы, замещающие загаданный объект и содержащие в себе одну из его характеристик, например, тип походки (Wickelwackel (качающийся, с нетвердой походкой) – Bach (ручей)); звуки, возникающие при движении (Plitschplatsch (источник брызг) – Ente (утка)); характерные звуки (Pieper (писклявое создание) – Maus (мышь); функцию (Hitzgeber (дающий тепло) – Ofen (печь)). Описательные элементы охватывают одну или несколько характеристик энигмата и отличаются семантическим, грамматическим и стилистическим разнообразием. В ряде загадок описание одного признака представляется противоречащим описанию другого признака. Подобные кажущиеся несоответствия и парадоксы, создающие дополнительные трудности в процессе разгадывания, Р. Петш называет затрудняющим элементом (hemmendes Element). К рамочным элементам причисляются вводные и заключительные формулы, реализующие ориентацию загадки на адресата и, как правило, не связанные с образным представлением энигмата, создаваемым основными элементами. По утверждению Р. Петша, рамочные

элементы, как и затрудняющий элемент, факультативны и количество содержащих их загадок незначительно [Petsch 1899].

Идеи Р. Петша получили развитие в последующих лингвистических исследованиях. Так, А. Тэйлор считал, что истинная загадка состоит из двух описательных элементов: положительного и отрицательного, соответствующего затрудняющему элементу у Р. Петша. Положительный элемент представляет метафорическое описание загаданного объекта или его характеристик, а отрицательное описание употребляется в буквальном смысле. В качестве примера автор приводит загадку о картофеле: «Something has eyes and cannot see» («Что-то имеет глаза, но не может видеть»). Описательным положительным элементом выступает слово «eyes» («глаза»), отрицательным – «cannot see» («не может видеть») [Taylor 1938]. Р. А. Жорж и А. Дандес, анализируя структуру загадки, также используют только два элемента из пяти, выделенных Р. Петшем: описательный и затрудняющий. Описательный элемент образуют тема и комментарий. Тема – это то, что предполагается описанием, т. е. загаданный объект. Комментарий – утверждение о теме, касающееся формы, цвета, предназначения, действия темы. Вводные и заключительные рамочные элементы авторы называют стилистическими приемами, а не структурными элементами. Представленная А. Тэйлором структура, по мнению Р. А. Жоржа и А. Дандеса, не универсальна, поскольку большое количество загадок, в том числе включенных в сборник А. Тэйлора и рассматриваемых им как истинные, не содержат метафорических положительных элементов и отрицательных элементов в прямом значении. Отрицательный (затрудняющий) элемент также может выражаться метафорой или отсутствовать в загадке, а положительный элемент реализовываться языковыми единицами в прямом значении [Dundes 1963].

Описательные элементы как структурные составляющие загадки анализируются и в работе А. Шёнфельда. Ученый полагает, что кодирование в загадке осуществляется совокупностью описательных элементов, каждый из

которых указывает на одну из характеристик загаданного понятия или слова. Один описательный элемент, как правило, недостаточен для успешного шифрования: если описываемая характеристика однозначна и присуща единственно возможному объекту, то шифрование не реализовывается; если она соотносится с несколькими предполагаемыми объектами, то код не подлежит расшифровке. А. Шёнфельд отмечает значимость способов сочетания указываемых характеристик и их последовательность в загадке. Вслед за Р. А. Жоржем и А. Дандесом исследователь различает метафорические и неметафорические загадки в зависимости от вида описательных элементов. В неметафорических загадках описательные элементы содержат прямые и однозначные указания на качества энигмата – цвет, величину, количество, функцию, род деятельности. В этом случае речь идет об эксплицитном наименовании семантического признака. В метафорических загадках непрямое наименование признака затрудняет разгадывание. Но, по утверждению А. Шёнфельда, многочисленные повторения наименований признаков, присутствующие в авторских сборниках загадок или сборниках определенных географических ареалов, позволяют понять, какие признаки предпочитаются загадывающим и тем самым становятся более вероятными для отгадывающего. Наряду с предложенными Р. А. Жоржем и А. Дандесом метафорическими и неметафорическими описательными элементами А. Шёнфельд выделяет описательные элементы, способные указывать не на отдельный семантический признак, а на совокупность всех семантических признаков, относящихся к этому слову, что приводит к необходимости поиска синонима. Ученый иллюстрирует такой случай примером, в котором метафоричность / неметафоричность не имеет значения: «Zum Auerochs noch Blätter tu, so hast du eine Zeitlang Ruh» («Добавь к зубру листья, и на некоторое время ты обрешь покой»). В этой загадке совокупность синонимов лексических единиц «Auerochs» («зубр») и «Blätter» («листья»), а именно «Ur» и «Laub» соответственно, порождает синоним к выражению «eine Zeitlang Ruh» («покой на некоторое время») – «Urlaub»

(«отпуск»). Так как ответом является не определенное понятие или объект, а слово, то эта загадка не может быть переведена на другой язык. Кроме того, в загадках, в которых обыгрывается явление омонимии, описательные элементы (в приведенном далее примере – «König» («король»), «Knechte» («слуги»)) не затрагивают семантические признаки, а указывают на слова, имеющие то же буквенное выражение: «Was für ein König ist ohne Thron? Was für Knechte haben keinen Lohn?» («Что это за король без трона? Что это за слуги без жалованья?») («Kartenkönig» («Карточный король»), «Stiefelknecht» («Скамеечка для снятия сапог»)). Что касается затрудняющего элемента, А. Шёнфельд не разделяет взгляда Р. Петша на него как на усложняющий процесс отгадывания. По мнению А. Шёнфельда, затрудняющий элемент указывает на признак, «сообщающий» адресату о нахождении на ложном пути декодирования загаданного объекта. Для загадок с затрудняющим элементом типично то, что совокупность нескольких признаков делает очевидным якобы единственно возможный ответ, который опровергается с помощью последнего признака. В некоторых загадках, как отмечает ученый, не следует явного исключения предполагаемого ответа. Подобные загадки допускают два ответа: первый, более очевидный, относится к сексуальной сфере, второй, указываемый как отгадка, – нейтральный [Schönfeld 1978, S. 69–72].

Э. Кенгес-Маранда, в отличие от Р. Петша, А. Тэйлора, Р. А. Жоржа, А. Дандеса и А. Шёнфельда, включает в структуру загадки отгадку и выделяет простые, сложные и цепные загадки. Для номинации структурных элементов Э. Кенгес-Маранда использует термины логики. Простая загадка, с ее точки зрения, состоит из четырех компонентов: явного термина, скрытого термина, истинной посылки, переменных посылок. В сложных загадках одна из структурных составляющих распространяется, в цепных загадках образная часть и отгадка всегда многосоставны. Данные компоненты автор описывает на примере загадки о финском плуге: «Одна свинья, два рыла». Ядром образной части загадки выступает явный термин, служащий означаемым метафоры («свинья»). Скрытый термин составляет означаемое, то есть отгадку

(«плуг»). Истинная посылка является верной и для означающего, и для означаемого («имеет рыло»). Скрытая переменная посылка присутствует в загадке имплицитно с целью передачи информации адресату о несоответствии содержания в образной части действительности («свинья имеет одно рыло»). Явная переменная посылка приводит к верному ответу, выражая условие, при котором метафора оказывается истинной («два рыла»). Явный термин, истинную посылку и явную переменную посылку транслирует загадывающий загадку, скрытая переменная посылка находится отгадывающим, что приводит его к скрытому термину. Э. Кенгес-Маранда подчеркивает значимость переменных посылок в структуре загадки, называя их «ключами» к отгадке [Кенгес-Маранда 1978, с. 256, 257].

Структурная соотнесенность явного и скрытого термина находится в центре исследования и З. М. Волоцкой. Она выделяет два уровня приемов, кодирующих скрытый термин. К приемам первого уровня З. М. Волоцкая относит введение явного термина и обозначение его качественных, количественных, релятивных, функциональных признаков. При этом разграничиваются объекты кодирования: явный термин обозначает или сам загаданный объект, или его часть, или предмет неотъемлемой принадлежности объекту. Наличие нескольких явных терминов также может означать, что в загадке зашифровано несколько денотатов (термин «денотат» З. М. Волоцкая использует в отношении энигмата). В случае экспликации явного термина неодушевленным существительным семантика данного имени сужается и происходит акцентирование признаков, общих и для него, и для кодируемого денотата. З. М. Волоцкая отмечает, что одна языковая единица способна кодировать различные объекты. Кроме того, для большинства загадок характерна персонификация загадываемых объектов. Если явный термин выражен одушевленным существительным, то детерминированность выбора кодирующей номинации менее выражена и одно наименование может соотноситься с большим количеством скрытых терминов. Наименование признаков (второй прием первого уровня), как подчеркивает З. М. Волоцкая,

характеризуется двунаправленностью при наличии явного термина в тексте загадки. Так, в загадке о яйце «белый дом без двери» определение «белый» семантически связано и с явным термином «дом», и со скрытым термином «яйцо». Приёмами второго уровня исследователь называет оппозицию, сравнение и негацию. Оппозиция заключается в противопоставлении признаков загаданного объекта. Цель этого противопоставления – акцентуализация важности данных признаков для декодирования денотата. Негация выполняет такую же функцию и представляет собой отрицание наличия у загаданного объекта какого-либо признака, сегмента, функции или возможности совершения определенного действия. Сравнение чаще всего присутствует в загадках без явного термина. Загаданный объект и его составляющие сравниваются с предметами, названными в кодирующей части и употребленными в собственном денотативном значении, на основании наличия общих признаков. В результате проведенного исследования З. М. Волоцкая приходит к выводу, что кодирование одного объекта обычно осуществляется посредством нескольких приемов, при этом наличие или отсутствие определенных приемов взаимообусловлено [Волоцкая 1983].

Ю. И. Левин рассматривает формальную семантическую структуру загадки как замкнутого текста. Поскольку загадка является «трансформированным» изображением загаданного объекта, ученый считает целесообразным при синтезе загадки исходить из «нетрансформированного» описания объекта (загаданный объект → его описание → текст загадки) и анализировать преобразование описания в текст загадки. Для обозначения описательных элементов загаданного объекта и типов их преобразования Ю. И. Левин использует латинские буквы и представляет любую загадку в виде формулы. В описание загаданного объекта могут быть включены характеристики его свойств, частей, отношений между его частями или его отношений с другими объектами. Каждый элемент описания может подвергаться таким преобразованиям, как тождественное преобразование, аннулирование, замена произвольным, замена сходным (конкретизация,

переход к другому виду того же рода, обобщение, переход к другому значению того же слова). Например, для демонстрации тождественного преобразования элемента описания «часть загаданного объекта» приводится загадка «Четыре ноги, да не зверь; есть перья, да не птица» (кровать с периной) с формулой « $A \rightarrow A$ ». Загадка «На всех зла и всем мила» (редька) выражается формулой « $a \rightarrow a\bar{}$ », где « a » – признак объекта, тип преобразования – замена сходным (горькая $\rightarrow$ злая). Ю. И. Левин отмечает, что синтез загадки не ограничивается преобразованиями описательных элементов. Загадки включают в себя различные типы негаторов, эксплицирующих отрицание заключения, к которому могут привести преобразованные описания. Данная структурная составляющая соответствует затрудняющему элементу, выделенному Р. Петшем. Говоря о внутренней структуре загадки, Ю. И. Левин вводит понятие *point* – «структурное начало в загадке, обычно несущее в себе элемент неожиданности – то, что выделяет загадку из класса обычных фраз, делая ее художественно значимой» [Левин 1978, с. 293].

Рассмотрение внутреннего семантического *point'a* осуществляется в отрыве от отгадки и только с семантической точки зрения. Создание этого *point'a*, по мнению Ю. И. Левина, происходит при наличии минимум одного из двух свойств, присущих загадке: структурности (наличию в основе некоторых формальных семантических механизмов, например, антитезы, контраста, каламбура) и нереалистичности описанной ситуации. Внешний семантический *point* выражается в «неожиданности соотношения текста загадки и отгадки» [Левин 1978, с. 301]. Наличие этого компонента, с точки зрения ученого, определяется возникновением у отгадавшего загадку или узнавшего правильный ответ понимания этой неожиданности. Согласно Ю. И. Левину, это явление чаще всего присутствует, когда предполагается одна отгадка, а дается другая. Речь идет об эффекте обманутого ожидания, что типично для загадок с эротическим подтекстом, имеющих на самом деле вполне невинный ответ, а также для загадок, связанных с наличием у адресата определенных «формальных установок»: предположений о том, что загадан

один объект, а не несколько или что следует отгадать реальный предмет, а не отдельную букву [Левин 1978, с. 283–302].

Семантическую структуру загадки и типы преобразований описательных элементов также анализирует А. Н. Журинский. Ученый модифицирует схему синтеза загадки Ю. И. Левина «загаданный объект → его описание → текст загадки» и представляет ее следующим образом: исходная ситуация (ИС) → преобразованная ситуация (ПС), при этом переход от ИС к ПС состоит из кадрирования (выбор фрагмента ИС, к которому применяются преобразования) и преобразования. Термин «исходная ситуация» включает первые две составляющие схемы Ю. И. Левина, поэтому отгадку А. Н. Журинский рассматривает не как отдельный объект с описанием, а как ситуацию. Пример ИС – «кошка ловит мышей», загаданный объект – «кошка», описание – «ловит мышей». Из этого следует, что указанные в сборниках загадок отгадки не являются полными аналогами исходных ситуаций. В ИС А. Н. Журинский включает все элементы, вошедшие в преобразованную ситуацию. Так, ИС «человек доит корову» соответствует несколько загаданных объектов: «человек и корова», «доение коровы», «руки и вымя». По мнению ученого, процесс разгадывания загадки – это поиск именно исходной ситуации, а не отдельного объекта, определение связи между элементами ИС и ПС. В случае равнозначной сегментации и неосложненного преобразования ИС и ПС изоморфны. Примером изоморфного преобразования служит африканская загадка о хвосте попугая «Лист ямса ценнее, чем сам ямс» с формульной записью «А. а → Х. х», где «А» – основной из рассматриваемых объектов (ямс), «а» – его часть (лист ямса), «Х» – элемент ПС, соответствующий «А» (серый попугай), «х» – элемент ПС, соответствующий «а» (красный хвост серого попугая, служащий для изготовления талисмана). Нарушение изоморфизма ИС и ПС происходит, если в случае преобразования изменяются отношения между элементами ИС или объем ИС [Журинский 1989].

А. Е. Тунин разделяет взгляды А. Н. Журина на структуру загадки и использует его терминологию для анализа новогреческих, турецких и балканославянских загадок. Он делает вывод о том, что исходная ситуация репрезентирует сегмент реального мира, описываемый определенной загадкой. ИС характеризуется пространственной и временной неограниченностью и способностью включать произошедшие и предстоящие события [Тунин 2012, с. 86].

Лаконично вбирает в себя перечисленные компоненты загадки структура, предложенная А. Р. Мухтаруллиной и Г. Р. Туктаровой. Первым элементом называется денотат – зашифрованный объект (ср. скрытый термин, основной элемент исходной ситуации), второй элемент – заместительный объект, обладающий общими с денотатом характеристиками (ср. называющий элемент, явный термин) и третий элемент – «образ», описание, истинное и для денотата, и для заместительного элемента (ср. истинные и переменные послышки, описательные элементы) [Мухтаруллина 2007, с. 129].

В современных лингвистических исследованиях структура загадки изучается также с когнитивной точки зрения [Алефиренко 2010, Ковшова 2019, Мухтаруллина 2017, Дзюба 2019]. Такой подход, по мнению А. Р. Мухтаруллиной, даёт возможность рассматривать загадки как «сложные знаки с номинативно-когнитивной функцией, участвующие в порождении и закреплении знаний особого рода в том или ином дискурсе» [Мухтаруллина 2017, с. 127]. Данный знак считается намеренно разделенным с целью реализации игровой интенции на две части: исходный денотат (загаданный объект) и преобразованный денотат (образное описание загаданного объекта). Согласно условиям «игры» части комплексного знака разводятся по субъектам (загадывающий – отгадывающий), по темпоральному аспекту (загадывание – отгадывание), по локальному аспекту (ответ размещается отдельно от загадывающей части). Воссоединение знака происходит после завершения «игры» [Ковшова 2020].

Реконструирование кодирования исходного денотата отражается в представленной М. Л. Ковшовой когнитивной структуре загадки, состоящей из следующих компонентов: исходной понятийной области-источника, области-приемника, типового сценария, понятийных компонентов, фреймов, типовых слотов. Содержание данных компонентов демонстрируется на примере когнитивно-культурологического анализа загадки о ребенке в утробе матери «За стеной-стеной – каравашек костяной», который интерпретирует метафорическую организацию загадки как языкового и культурного знака. Энигматор загадки характеризуется как артефактивная и пищевая область-источник, энигмат – как антропная область-приемник. Типовым сценарием для каравая является его нахождение за стенкой печи и превращение в готовый продукт, для ребенка в утробе – нахождение его внутри матери и развитие, рост. Фреймы области-источника и области-приемника также имеют схожие признаки и представлены следующим образом: находится за стеной печи / внутри женщины, скрыт от глаз до момента готовности / рождения, готовится, выпекается / готовится к появлению на свет. Слоты, конкретизирующие фрейм области-источника, – это тесто, мука, приготовление, печь как основа быта, стены печи, внутреннее пространство печи; слоты фрейма области-приемника – это плод мужчины и женщины, развитие, плоть, кровь, кости, мать как основа семьи, стенки матки, материнское лоно. Понятийные компоненты, создающие основу для метафорического переноса, – состояние покоя, формирование, нахождение внутри, закрытость, подготовка к выходу наружу. По утверждению М. Л. Ковшовой, когнитивно-культурологический подход к изучению загадок позволяет выявить механизмы метафоризации и сохранения знаний о мире в языковых знаках и сделать вывод о культурной основе шифрования энигмата [Ковшова 2019, с. 104, 105].

При рассмотрении энигматического текста с перспективы теории речевых актов как комплексного речевого акта представляется возможным описание его структуры по доминирующим пропозициональным, иллокутивным и локутивным актам. Определяющей энигматический текст

пропозицией считается латентное (неосознанное, нереализованное) знание, которое адресант намерен активировать у адресата. При этом латентное знание должно основываться на общем для адресанта и адресата опыте и может касаться любой жизненной сферы. Иллокуцией является постановка вопроса, призывающего к ответу, причем данный вопрос характеризуется важной особенностью, а именно содержанием в себе ответа. Данная особенность отличает вопросы энигматического текста от других вопросов и тесно связана с локутивной сферой: языковые характеристики и способ формулировки подсказывают ответ или в некоторых случаях определяют его. Спецификой ответа, в свою очередь, называется активизация латентного знания [Fix 2008, S. 199–201].

Энигматический текст представляет интерес и с точки зрения субъектной структуры (также используются термины «субъектная организация», «субъектная архитектура»). Под субъектной структурой понимается «соотнесенность текста с субъектами речи» [Корман 1972, с. 43]. Она включает «коммуникативную рамку (автор – адресат) и внутритекстовые субъекты», характеризующиеся определенными признаками в создаваемом автором мире [Сидорова 2022].

Разнообразие позиций субъекта речи и типов его взаимодействия с загаданным объектом и адресатом отмечается уже в древних загадках. Как показывает исследование В. Келлинг, в большинстве загадок римского поэта Симфония повествование ведется от лица персонифицированного энигмата. Кроме того, в некоторых подобных текстах повествующий обращается к адресату, что способствует возникновению определенной коммуникативной ситуации. Нейтральное описание энигмата в третьем лице присутствует в небольшом количестве проанализированных исследователем загадок [Kelling 2010]. К. Уильямсон, исследуя загадки Эксетерского кодекса (X в.), называет тексты, в которых субъектом речи выступает загаданный объект, проективными (*projective riddles*). В непроективных загадках (*nonprojective riddles*) повествование ведется или от лица рассказчика, сообщающего, что он

сам видел или слышал о загаданном объекте, или энигмат описывается без ссылки на рассказчика. В обоих типах загадок подчеркивается наличие прямого обращения к разгадывающему лицу [Williamson 1977]. Т. С. Кузнецова и С. С. Кондрашева при анализе древних и современных английских загадок приходят к сходным выводам. Они выделяют три типа презентации нарратора: субъектом речи является загаданный объект (1) или рассказчик, который слышал, видел или знает какую-либо информацию о загаданном объекте (2), или «голос» рассказчика отсутствует в загадке (3) [Кузнецова 2008, Кондрашева 2017]. Похожей субъектной организацией характеризуются и энигматические тексты русских авторов XVIII–XX вв. По утверждению Т. В. Струковой, большая часть авторских энигматических текстов написана от первого лица, что является существенным отличием от народных загадок, для которых характерно повествование от третьего лица. Подобные тексты обладают объектно-субъектным строем, так как загаданный объект является не только объектом авторского описания, но и субъектом речи в описываемой ситуации. Таким текстам часто свойственны обращения субъекта речи к разгадывающему загадку с целью привлечения внимания к описываемому объекту и вовлечения реципиента в процесс познания. Т. В. Струкова называет данное явление субъектно-адресатными отношениями, которые подчеркивают двусоставную природу энигматических текстов, эксплицируют их интерактивность [Струкова 2019].

Анализ исследований, посвященных конститутивным признакам и структурно-функциональной специфике загадки как основного репрезентанта энигматических текстов, позволяет сделать вывод о том, что энигматический текст – это полифункциональный текст с двусоставной структурой, а именно состоящий из загадывающей части (энигматора) и отгадки, обозначающей энигмат (загаданный объект). Амбивалентность энигматического текста проявляется в том, что энигматор представляет собой вопрос, содержащий ответ в закодированной форме. Таким образом возникает двунаправленная

стратегия данного типа текста: ориентация на скрытие, кодирование информации и на ее возможную декодируемость.

1.2 Проблема дихотомии «народная загадка – авторская загадка»

Отечественные ученые-фольклористы первой половины XX в. М. Л. Рыбникова, В. П. Аникин, В. В. Митрофанова, В. Н. Морохин рассматривают народные загадки как подлинные и считают их источником возникновения авторских (литературных) загадок. На территории России письменная фиксация загадок не была распространена до конца XVII в., а первые образцы случайно попадали в рукописные сборники пословиц и поговорок. Главной причиной отсутствия записей народных загадок ученые называют негативное отношение к ним, как и к народным песням и обрядовым играм, со стороны представителей церкви и правящих кругов. Одним из письменных подтверждений подобного отношения считается грамота 1648 г., изданная царём Алексеем Михайловичем и осуждающая загадывание загадок, уподобляемых «бесовским» песням [Аникин 1957, с. 79]. В. В. Митрофанова выделяет три типа сборников загадок, издаваемых с XVIII в.: собрания подлинных народных загадок без литературной обработки; собрания авторских загадок, представляющих собой развернутые или переработанные народные загадки; «эkleктические» сборники, объединяющие народные и авторские загадки, а также вопросы различного содержания [Митрофанова 1978, с. 156–157]. Следует подчеркнуть, что восприятие авторских загадок исследователями фольклора сходно с восприятием народных загадок в высшем обществе XVII в. Так, В. Н. Морохин с сожалением отмечает включение литературных энигматических текстов в сборники истинных народных загадок [Морохин 1986, с. 21]. В. В. Митрофанова считает появление авторских загадок «неуклюжими» попытками «заставить жанр идти в ногу со временем» [Митрофанова 1978, с. 8]. М. Л. Рыбникова характеризует

новые загадки как теряющие предметность, называет их «рассудительными и болтливыми, избегающими прямоты», а также «пессимистичными или жеманными» [Рыбникова 1932, с. 36]. Таким образом, основные особенности «неподлинных» загадок, на которые указывают фольклористы, касаются и формы, и содержания. Например, подчеркивается увеличение объема текста за счет сложных предложений, включающих вводные и придаточные конструкции, что затрудняет его функционирование в устной речи, а также появление стихотворных текстов [Митрофанова 1978, с. 157]. Тематическая палитра указывает на ориентацию авторских загадок на адресата из дворянской среды [Аникин 1957, с. 80].

Лингвистические исследования энигматических текстов не ограничиваются узким взглядом на авторскую загадку как литературную обработку народной загадки. Авторская загадка, как и народная, имеет глубокие корни. Первыми авторскими загадками считаются тексты Клеобула, тирана родосского города Линдоса (VI в. до н. э.). Ученые также располагают письменно зафиксированными энигматическими текстами Симфония (IV–VI вв.), Альдхельма (VII в.), Алкуина (VIII в.), немецкоязычных поэтов эпохи гуманизма, барокко и Нового времени. [Струкова 2019, Schupp 1972]. По мнению Т. В. Струковой, данный жанр, характеризующийся, в том числе, объединением устных народных и западноевропейских традиций, имел большое значение для русских литераторов эпохи классицизма и получил широкое распространение в литературной среде XVIII–XIX вв. [Струкова 2019, с. 5]. Изучение авторских энигматических текстов этого периода позволило Т. В. Струковой выделить ряд их признаков, существенно отличающихся от характеристик фольклорных загадок. Энигматический текст в стихотворной форме обладает особым потенциалом воздействия на адресата благодаря ритмическим и рифменным связям и бинарной природе кодирования – как поэтического и энигматического текста. Ответная часть текста в некоторых случаях также представляет собой небольшое стихотворение, на основании чего делается вывод об утрате изначального

предназначения загадки и интерпретации ее ценности как художественного текста. По сравнению со статично-номинативной народной загадкой более объемная авторская загадка содержит больше языковых единиц, выраженных глаголами, и обладает динамичностью сюжета, субъективностью, эмоционально-оценочными компонентами. Кроме того, авторский энигматический текст характеризуется расширением концептосферы народной загадки, кодируя абстрактные, религиозные, научные понятия, предметы дворянского быта. Как уже говорилось, это свидетельствует о сужении адресатного поля текста, его направленности на представителей определенного сословия, обладающих широким кругозором. Наряду с перечисленными отличиями отмечается расширение функционального поля загадки посредством реализации текстами дидактической и познавательно-эвристической функций [Струкова 2019]. С. Я. Сендерович также подчеркивает необходимость обладания адресатом авторского энигматического текста некоторой подготовкой, специальными знаниями, пониманием связей между определенными контекстами. Сложность разгадывания народной загадки, напротив, состоит не столько в замысловатости загаданного предмета, сколько в «темном языке» и «неясных образах». Еще одной отличительной особенностью авторской загадки ученый считает ее выборочное географическое и историческое распространение, в то время как народная загадка характеризуется повсеместностью: данный энигматический жанр был найден «на всех континентах и в большинстве типов культуры» [Сендерович 2008, с. 14–22].

Особый интерес представляет тот факт, что в немецкой филологической традиции ставится под сомнение адекватность дихотомии «народная загадка – литературная загадка». Так, например, Т. Томашек аргументирует свою критическую оценку этой дихотомии тем, что сами языковые единицы, обозначающие противопоставляемые понятия, оспаривают существование оппозиции: выражение «народная загадка» отражает в первую очередь социальный компонент понятия, а «литературная загадка» – эстетически-

формальные характеристики. Тем не менее ученый считает, что полный отказ от данных понятий отрицательно сказался бы на исследовании истории немецкой энигматики, поскольку разграничение литературной и народной сфер имеет значение, особенно в изучении ранних этапов развития загадки, когда литературные загадки рассматривались как фрагменты древней народной культуры [Tomasek 1994, S. 65, 66].

Ф. Шупп и К. Шиттек полагая, что противопоставление терминов «народная загадка» – «литературная загадка» / «подлинная, истинная загадка» – «неподлинная загадка» носит спорный характер, рекомендуют исследователям использовать их с осторожностью. В то же время авторы, как и Т. Томашек, подчеркивают их потенциал при изучении загадок в диахроническом аспекте [Schitteck 1991, Schupp 2002]. Понятие «литературная загадка», по мнению Ф. Шуппа, поддается более точному определению. К литературным он относит те загадки, которые, обладая актуальной художественной формой, включены в литературный процесс определенной эпохи. Вопрос о происхождении материала при этом считается нерелевантным, более значимым представляется цель его применения [Schupp 2002, S. 195–197]. Данная дефиниция перекликается с определением Т. Томашека, характеризующего литературные энигматические тексты как соответствующие современным эстетическим нормам определенной эпохи вне зависимости от объема текста, степени образности, детальности, тематики кодируемых объектов [Tomasek 1994, S. 67]. Термин «народная загадка», распространившийся в немецкоязычной среде лишь в XIX в., напротив, вызывает сложности при попытке прийти к однозначному толкованию. Ф. Шупп указывает на то, что данный термин не употреблялся учеными (например, И. Гердером, Я. Гриммом), в круг интересов которых входили, в том числе, загадки, хотя термин «народная песня» уже был в научном обиходе [Schupp 2002, S. 197]. Понятие «народный» интерпретировалось в эпоху романтизма двояко: как «принадлежащий к нации» и как «относящийся к низшему слою населения». Т. Томашек утверждает, что рассматривать первое

значение в отношении загадки было бы невозможно, поскольку тогда бы оно распространялось на культуру и германских племен, и представителей немецкого национального государства XIX в. Второе значение применимо, по его мнению, к текстам только одного издания XIX в., а именно сборника мекленбургских загадок Р. Воссидло, в котором указывается социальное происхождение информантов и область их проживания [Tomasek 1994, S. 68].

При анализе возможностей разграничения народных загадок и авторских загадок К. Шиттек затрагивает историко-моральный аспект. Корни противопоставления «истинная, следовательно, "хорошая" загадка» – «неистинная, следовательно, "плохая" загадка» исследователь видит в философии романтизма, а именно в противопоставлении истинной народной поэзии неистинной художественной, что повлекло за собой «немецкую псевдонародность, воинственность против всего ненационального, всего чужого», пренебрежительное отношение к формам ненародного искусства как к «недушевному и чужеземным» [Schittek 1991, S. 25].

Сложность четкого разграничения народных и авторских загадок также видится в том, что один и тот же энигматический материал зафиксирован и в сборниках фольклорного творчества и в авторских изданиях. При этом ученым не всегда удается доказать «переход» загадки в литературную среду или ее «возвращение» в фольклор. Поэтому при необходимости следует устанавливать различие между народными и авторскими текстами только для конкретного временного периода [Schittek 1991, Schupp 2002]. Эта проблематика ярко проявилась в истории развития немецкоязычных энигматических текстов.

На распространение загадок в европейских языках большое влияние оказал сборник римского поэта Симфония, который датируется в разных источниках IV–VI вв. и является первым дошедшим до нас в полном составе собранием раннесредневековых загадок одного автора. В него входят сто рифмованных загадок, написанных гекзаметром и состоящих из трех строк.

Для стихотворных загадок Симфония характерны такие стилистические средства, как ассонанс, аллитерация, метафора, антитеза, игра слов. Кроме того, отмечается обращение к концептам древнегреческой и древнеримской мифологии, что также прослеживается в исследуемых нами текстах. Тексты Симфония демонстрируют тематическое разнообразие: в загадках кодируются предметы домашнего обихода, орудия труда, природные явления, представители флоры и фауны. Новаторским приемом считается размещение в сборнике метаграммы – энигматического текста, подразумевающего не просто нахождение зашифрованного объекта, а игру с буквами как способ рефлексии над языковыми явлениями. Подтверждением популярности загадок этого поэта является большое количество манускриптов, содержащих данные тексты. Например, популярный в Средневековье и переведенный на многие западноевропейские языки роман неизвестного автора «*Historia Apollonii Regis Tyri*» («История Аполлония, царя Тира») включает 10 загадок Симфония; 5 загадок входят в средневековый сборник *Collectanea Pseudo-Bedaе*; средневековые школьные учебники также содержат загадки из этого сборника [Струкова 2019, Кузнецова 2008, Kelling 2010]. Таким образом, загадки Симфония оказали влияние не только на традиции занятий по риторике и латыни в монастырях, но и на творчество поэтов. В сборниках загадок, появившихся в более позднее время, прослеживается тематическая, композиционная и функциональная ориентация их авторов на загадки Симфония. Значительную роль в развитии энигматических текстов сыграл сборник «*Aenigmatum liber*» епископа Альдхельма фон Мальмесбери (639–709 гг.). Его загадки носили развлекательно-поучительный характер и приобрели популярность среди образованных священнослужителей, некоторые из которых впоследствии также стали авторами «загадочных» текстов. Не менее важное значение приобретает «энигматическое» творчество англосаксонского ученого и теолога Алкуина (730–804 гг.), учителя сыновей Карла Великого, благодаря которому загадки получили распространение при его дворе. Именно загадки из переписки Карла Великого с приближенными учеными Ф. Шупп

считает первыми письменно зафиксированными загадками в Германии, делая акцент на их «ненародном» происхождении [Schupp 2002, S. 198].

Энигматические тексты раннесредневековой латинской монашеской культуры характеризуются как «вопросно-ответная» игра, функция которой заключается в проверке адресата на степень владения материалом научно-теологического характера. Кроме того, их признаками называют отсутствие юмористического компонента и схематичность. Наряду с классическими загадками, в которых кодируются объекты действительности, появляются «буквенные» загадки, для дешифровки которых необходимы перестановка или замена предварительно декодированных букв. Примечательно, что некоторые из этих загадок включены в сборники народных загадок XIX в., например, в собрание народного творчества К. Зимрока «Die deutschen Volksbücher» («Немецкие народные книги»). Считается, что раннесредневековые загадки были распространены не только среди представителей образованного сословия и претерпевали «народное преобразование». В раннесредневековый период, по мнению К. Шиттек, невозможно точное определение принадлежности загадок фольклорному творчеству или их возникновения в ученой среде, так как и их тематическое наполнение и формальные признаки часто совпадали [Schitteck 1991].

Первая эпоха подлинно немецкой загадки связана с творчеством представителей гномической поэзии XIII–XIV вв., воспроизводящих стихотворные загадки в песенной форме на поэтических состязаниях. Загадка этой эпохи представляет собой инструмент борьбы странствующих поэтов, выступающих при дворах и на праздничных мероприятиях перед разной публикой. Победа в подобных соревнованиях позволяла непривилегированным поэтам подняться по социальной лестнице [Schupp 1972, Schitteck 1991].

Ученые обращают внимание на то, что в период позднего Средневековья появляется первый энигматический сборник на немецком языке «Straßburger Rätselbuch» («Страсбургский сборник загадок»), объединяющий как

переведенные классические литературные образцы, так и народные загадки. Данное издание критически оценивается представителями церкви, которые характеризуют его как «лживую книжицу черта», оскверненную «всякого рода непристойностями и грубыми распутными речами» [Schitteck 1991, S. 18]. С целью предотвращения негативного влияния этих текстов на население священнослужители создавали сборники наставительного характера, например: «Ein Christliches Ratbüchlin für die Kinder» (1535) («Христианская книжечка с загадками для детей»), «Christlicher Zeitvertreiber oder geistliches Rätselbuch» (1601) («Христианская книга для времяпрепровождения, или Сборник духовных загадок»). Тем не менее «Страсбургский сборник загадок», успешно распространяемый среди разных слоев населения, стал связующим звеном между энигматическими традициями Средневековья и эпохи гуманизма [Schitteck 1991].

На дальнейшую историю немецкоязычных энигматических текстов оказывает влияние движение гуманизма и развитие книгопечатания. Гуманизм с его обращенностью к античной культуре предопределяет широкое распространение античных загадок и текстов из сборников Симфония и Альдхельма, прежде всего посредством школьных учебников и симбиоза литературных и народных энигматических тем и форм. Приобретают значение также разнообразные типы энигматического текста: логогрифы, шарады, загадки-омонимы, палиндромы, анаграммы. Обзор загадок эпохи гуманизма представлен в сборнике Н. Ройснера «Aenigmatographia» 1599 г., в котором наряду с литературными заимствованиями, их переработками, новыми авторскими текстами встречаются тексты с явно выраженным народным характером. Энигматические тексты этого периода носят в первую очередь образовательно-поучительный характер, представляют собой скорее стилистические упражнения и инструмент отграничения от не владеющих латынью и сложной образной речью [Hain 1966, Schitteck 1991].

В XVII в. немецкая загадка, по словам М. Хайн, отличается бóльшей полнотой и литературной значимостью. Традиция «гуманистической загадки»

находит свое продолжение в данном периоде, являясь литературным жанром, предоставляющим свободу для остроумия, юмора, эксцентричности, но при этом использующим также традиционные формы и мотивы. Энигматические тексты, отражающие сложность языковых явлений (шарады, палиндромы, логогрифы и др.), по-прежнему пользуются популярностью [Hain 1966]. Наряду с текстами на немецком языке издаются латинские загадки. Поэтому отличием от энигматического творчества эрудитов XVI в. считается только использование александрийского стиха. Ф. Шупп называет данный жанр идеальной формой для реализации стремления к галантной свободе, характерной для эпохи барокко. Примером могут служить обценные загадки, намеренно вводящие в заблуждение читателей своей кажущейся непристойностью, но на самом деле имеющие безобидные ответы. Именно такие тексты носят черты народного влияния [Schupp 2002].

Загадка крепко укореняется и в поэзии свадебных обрядов. По причине отсутствия письменных доказательств авторства свадебных загадок, за исключением отдельных примеров, предполагается, что они прошли путь из народного творчества в литературу, где нашли своё выражение в форме александрийского стиха, и обратно в народное творчество, так как печатались в антологиях без упоминания автора. Также существует вероятность, что более поздние народные загадки восходят именно к таким текстам этого периода [Schupp 1972].

Интерес к загадке литературных обществ, созданных, в том числе, с целью развития литературного немецкого языка и поэзии («Плодоносное общество» и Пегницкий Блюменорден под руководством Г. Ф. Харсдёрфера и И. Клая), оказал положительное влияние на развитие данного жанра. Благодаря Г. Ф. Харсдёрферу многие загадки были переведены на немецкий язык. В то же время распространялись поэтические альбомы, создаваемые с развлекательной целью. В них загадки размещались наряду с тостами, шутками, стихотворениями на различные темы. Примером такого рода альбомов стала опубликованная в 1716 г. антология А. Зутора, название

которой метко отражает ее литературные особенности: «*Latinum Chaos, ein Teutsches durcheinander von unterschiedlichen Sachen*» («Латинский хаос, немецкая неразбериха из различных вещей»). Данная книга действительно объединяет разнообразные литературные формы: стихотворения на морально-этические темы на разных языках; изречения о поведении за столом; советы по избавлению от насморка; духовные изречения; стихи о временах года; юмористические вопросы и загадки; изречения оракулов; загадки о сатане [Schupp 1972].

Загадка становится объектом научного интереса в теоретических работах литераторов XVII в. Я. Мазена, Д. Морхофа, Г. Ф. Харсдёрфера, Б. Киндерманна. Ф. Харсдёрфер подробно рассматривает типы иносказаний, а именно метафору, аллегория, сравнение, символ, при этом загадку он выделяет как «совсем неясное иносказание», приводя в пример 12 загадок Симфония. Я. Мазен, опираясь на учения античных грамматистов, формулирует своё определение загадки, подчеркивая, что загадка не может основываться на незнании редких или непривычных вещей, поскольку в таком случае текст перестает быть загадкой. Суть загадки заключается в скрытой или сложной связи, которую имеет загадываемый предмет и его зашифрованные признаки [Hain 1966, Schupp 1972].

Эпоха нормативно-поэтологического анализа загадки закончилась, по мнению Ф. Шуппа, в начале XVIII столетия, когда немецкий историк и языковед Э. Узэ сформулировал постулат неясности и представил составляющие загадки предикатами отгадки: «Фундамент, на котором строится загадка, это изображение славными словами предикатов загадываемой вещи. Начало должно быть сложным, в конце следует представить вещь более понятно. Например, если я хочу загадать загадку о парике, этой вещи у меня бы принадлежали такие предикаты: 1. Парики чаще всего производят в Гамбурге. 2. В них есть круглая дыра, вокруг которой много волос. 3. Парики любимы мужчинами. 4. Парики соединяются с головой и держат ее в тепле. 5. В париках нравишься женщинам» [цит. по: Schupp 1972:

Uhse 1719, S. 81, 82]. Считается, что подобная интерпретация сущности энигматического текста послужила поводом для написания К. Ф. Хунольдом пикантной загадки о парике, которую поэт был вынужден удалить из своего сборника, так как многие, несмотря на приведенную отгадку, приводили непристойный ответ:

Wer glücklich rathen kan: Der thu es sonder Lachen	Кому повезет отгадать, пусть сделает это, не смеясь.
In Hamburg wird man es fast alle Tage machen:	В Гамбурге это делают почти каждый день:
Es ist ein rundes Loch, mit Haaren wohl versehn,	Это круглое отверстие, уютно окруженное волосами,
darnach der Appetit den Männern pflegt zu stehn,	Обычно любимое мужчинами,
des Leibes bester Theil pflegt sich mit ihm zu paaren,	С этим соединяется лучшая часть тела,
und fast ein jeder wünscht mit Freuden hinein zu fahren,	И почти каждый с радостью хотел бы в этом оказаться,
das eng zusammen hält und hübsche Wärme giebt,	Оно крепко прилегает и дарит приятное тепло,
in diesem Loch ist man bey Jungfern sehr beliebt [Uhse].	В этом отверстии пользуешься популярностью у девушек.

Исследователи полагают, что существование такого рода загадок повлияло на отношение общества к литературной загадке в целом. Также причиной постепенного угасания интереса к загадке со стороны поэтов и теоретиков литературы называют позицию представителя немецкого Просвещения и критика литературы барокко И. К. Готтшеда. В сочинении по теории поэзии «Опыт критической поэтики» автор упоминает загадки как тексты, «большой частью глупые и бестолковые, но все-таки какое-то время имеющие своих поклонников». Единственная названная им загадка, «еще имеющая смысл», написана именно К. Ф. Хунольдом, которому

приписывается ключевая роль в поэзии загадок начинающегося века [Gottsched 1962, S. 795]. Как иронично отмечает Ф. Шупп, «"хороший вкус критического поэтического искусства" с полным отсутствием чувства юмора изгнал безобидные творения из литературы» [Schupp 1972, S. 417]. Пренебрежительное отношение к загадке в литературной среде продолжает существовать на протяжении XVIII столетия. Так, К. М. Виланд, поэт, прозаик, издатель первого в Германии литературно-художественного журнала «Германский Меркурий» и автор некоторых загадок, относит логогрифы «и другие подобные глупые изобретения нездорового юмора готическому вкусу Средних веков» и осуждает «Французский Меркурий», в котором «чувство юмора праздных провинциалов всё ещё поддерживается загадками и логогрифами» [цит. по: Schupp 1972, S. 418]. Столетием позже Й. Ц. Бернхер в предисловии к своему сборнику энигматических текстов назовет авторов подобных высказываний «эгоистами, с которыми он не желает спорить и которые переоценивали собственное творчество, принижая при этом литературную ценность загадки» [Bernher 1863, S. 3]. В 1776 г. К. М. Виланд, несмотря на своё отрицательное отношение к загадкам, начинает печатать в своём журнале логогрифы, что, по мнению Ф. Шуппа, было обусловлено отсутствием успеха у читателей «Вопросов и задач из философии жизни». Учитывая известность своей позиции и нуждаясь в оправдании введения в уважаемый литературный журнал стихов, не имеющих места в жанровой типологии, издатель объясняет своё решение просьбой некоего друга. Поэт считает, что «серьёзные читатели» будут перелистывать страницы с логогрифами, в то же время отмечая, что в данной «игре одновременно тренируются память и сила воображения, остроумие и интеллект» [Schupp 1972, S. 418, 419].

Другие известные в XVIII – начале XIX в. журналы и альманахи практически не принимали загадки, в женских журналах им предоставляли место рядом с описанием модных па. Достоверная информация о загадках в салонах или городских культурных центрах исследователям не известна.

Лишь в начале XIX в. источники снова становятся разнообразнее. В 1803 г. писатель и врач из Бохума К. А. Кортум издал том с загадками и другими стихотворениями, которые ранее публиковались в газетах, под названием «Einfälle in frohen jugendlichen Stunden im Kreise seiner Freunde» («Фантазии во времена весёлой молодости в кругу своих друзей»). Данное издание было одним из немногих, благодаря которым ученые имеют представление о загадках того периода [Schupp 1972, Tomasek 1994].

С начала XIX в. немецкая загадка переживает свое возрождение в обществе. Исследователь авторских загадок Б. Арбайтер называет дату постановки драмы «Турандот» Ф. Шиллером – 30 января 1802 г. – «днем рождения немецкой поэтической загадки» [Arbeiter 1939, S. 7], поскольку в пьесу входили три загадки, загадываемые принцессой Турандот принцу Калафу. Кроме того, в каждую из четырех последующих постановок этой пьесы Ф. Шиллер включал новые загадки. Таким образом, широкой публике стали известны 15 энигматических текстов, созданных известным литературным деятелем. Ф. Шупп, однако, не считает эту дату чем-то знаменательным, по его мнению, загадки Ф. Шиллера лишь побудили общество вспомнить о привлекательности жанра, служили запоминающимся примером для подражания. Так, в известных салонах, например доме Райхарда в Галле, стали популярны загадки Ф. Шляейрмахера [Schupp 1972, S. 422]. Заслугой Ф. Шиллера в большей степени считается «реабилитация» образа автора энигматического творчества.

Загадки, став своего рода поэтической салонной игрой, занимали определенное место в творчестве большинства поэтов XIX в.: И. П. Хебеля, Ю. Кернера, А. фон Платена, В. Гауфа, В. фон Гумбольдта, Э. Мёрике, Ф. Рюккерта, философов Н. Ленау, Ф. Brentano и А. Шоппенгауэра и др. [Ш, Шит]. О главной цели создания литературных загадок XIX в. встречаются записи самих авторов. Так, В. Узенер писал, что его шарады – это «развлечение в своем кругу общения, и, возможно, и в дальнейшем они будут служить увеселению в обществе» [цит. по: Schupp 1972, S. 423]. Т. Кёрнер и

Л. фон Гёкинг также отмечали игровой и развлекательный характер своих многочисленных загадок. Л. фон Гёкинг подчёркивал, что «подобные игровые произведения не имеют поэтической ценности, однако, если они хоть на пару минут способны развеять скуку, они заслуживают по меньшей мере терпимого отношения... они составляют конкуренцию карточным играм, газетам и городским новостям» [цит. по: Schupp 1972, S. 423]. И. Хебель так описывал увлечение шарадами: «Шарады в Карлсруэ обрели характер болезненной мании. Кафе Дрекслер стало походить на биржу. Повсюду сидели люди, изучающие что-то в своих бумагах... или обменивающиеся ими с соседями» [цит. по Schupp 1972, S. 424]. Предполагается, что такое «компанейское» увлечение загадками стирало индивидуальный стиль поэтов и приводило к ошибкам в издаваемых сборниках, в которых загадки одних авторов печатались в авторстве других [Schupp 1972].

Со второй половины XIX в. происходит угасание интереса к литературным загадкам. Воодушевленность загадками постепенно покидает взрослых и становится детским увлечением, очаг загадок перемещается из литературных кафе в школы, остроумные, интеллектуальные загадки теряют значимость, простые, прагматичные приобретают популярность. В соответствии с этим претерпевают изменения и темы, и степень сложности загадок. Р. Ласцло предполагает, что всплеск интереса к народным немецким загадкам именно в этот период мог быть связан с изданием в 1842 г. на новоанглийском языке загадок Эксетерского кодекса, которые представляли большую ценность для всеобщей истории загадки [Lascló 2001, S. 71].

К. Шиттек, анализируя загадки XIX в., приходит к выводу, что они, как и авторские загадки более ранних эпох, уступают народным загадкам в степени порождаемого ими напряжения и в проницательности, а также отмечает повышение интереса именно к народным загадкам. Подтверждением тому служат публикации различных исследователей нелитературных загадок. В 1850 г. выходят в свет два тома «Немецких народных книг» К. Зимрока, в которых были собраны все загадки фольклорного творчества того периода,

причем считается, что факт народного происхождения или только передачи определенных загадок народом не имеет значения. Также высказано предположение, что К. Зимрок сам являлся автором некоторых текстов [Schittek 1991, S. 21]. Впоследствии в разных областях Германии издавались более и менее крупные сборники загадок, чье появление инициировалось в основном учителями и пасторами, а сбор материала осуществлялся посредством анкетирования. Самой популярной из подобных книг считается собрание мекленбургских загадок, опубликованное в 1897 г. под редакцией Р. Воссидло и содержащее 2141 загадку. Кроме того, данное издание включает информацию о месте проживания и о социальном статусе анкетлируемых.

Публикации новых авторских загадок становятся редкостью в конце XIX в. Успешным в этом аспекте следует рассматривать сборник Ф. Brentano «Aenigmatias», изданный в 1878 г. и не раз переиздаваемый в последующие десятилетия. Книга Ф. Шефера «Непослушные дети, загадки на каждый день. Настольная книга новых немецких загадок», вышедшая в 1914 г., напротив, не нашла широкого признания. Как предполагает Р. Ласцло, причиной послужило начало Первой мировой войны. При других обстоятельствах содержание данной книги не могло не заинтересовать любителей энигматического жанра, поскольку размещенные в ней загадки отличались новизной формы и содержания, не имели прототипов в немецкой литературе. Своей целью Ф. Шефер видел возведение загадок, ставших за последние десятилетия лишь своего рода интеллектуальной головоломкой, в ранг поэтического художественного произведения с долей остроумия и юмора [Lasclo 2001].

Дальнейшая общественно-политическая обстановка в Германии, а именно устранение последствий Первой мировой войны, инфляция и безработица, начало Второй мировой войны, также не способствовали развитию жанра загадки. На смену загадкам пришли кроссворды и телевикторины, ребусы, новые виды слоговых и числовых загадок, популярность которых, по мнению Шиттек, указывает на изменение

структуры социальной жизни, способа получения знаний и отношения человека к полученным знаниям [Schitteck 1991, S. 23]. Р. Ласцло называет современного автора загадок «поставщиком услуг, которому необходимо наличие элементарных компьютерных навыков, а не литературного таланта» [Lasclo 2001, S. 72]. В 1972 г. издается сборник «Das deutsche Rätselbuch» («Сборник немецких загадок») под редакцией Ф. Шуппа, который содержит наряду с народными загадками, собранными в разных землях Германии, различные типы энигматических текстов Средневековья и последующих эпох, включая творчество поэтов XX в. Поскольку подобные сборники больше не публиковались, позиционирование автором своего труда как «лебединой песни истории немецкой загадки» представляется справедливым [Schupp 2002, S. 208]. Однако авторские сборники энигматических текстов продолжают издаваться в незначительном количестве и в конце XX – начале XXI в. Среди них нами выделены три подгруппы:

1) энигматические тексты для взрослых (Х. Бруннер «Die Sicht der Dinge» («Взгляд вещей»), Д. Хёсс «Wer war's? 150 Rätselreime mit berühmten Leuten» («Кто это? 150 загадок в стихах о знаменитых людях»), Г. Шуриг «Versrätsel für Erwachsene» («Загадки в стихах для взрослых»));

2) энигматические тексты для всей семьи (М. Ригер «Wie der Mops im Haferstroh. Fröhliche Rätselreime für Jung und Alt» («Как кот, который наелся сметаны. Веселые загадки в стихах для любого возраста»), Е. Пфэлер-Баур «Hundert Rätsel für Groß und Klein» («Сто загадок для больших и маленьких»));

3) энигматические тексты для детей (Р. Тайлер «110 Rätselreime. Für Kinder ab 10 Jahre» («110 загадок в стихах. Для детей от 10 лет»), А. Шефер «Kleine feine Rätselreime» («Короткие изящные загадки в стихах»)).

1.3 Коммуникативно-прагматическая категория адресованности в энигматическом тексте

Важным аспектом в исследовании авторского энигматического текста является, на наш взгляд, изучение его прагматического потенциала. Под прагматическим потенциалом вслед за В. Н. Комиссаровым мы понимаем способность текста произвести коммуникативное воздействие на реципиента благодаря выбору автором содержания текста и способа его языкового выражения [Комиссаров 1990, с. 209]. В этой связи рассмотрим коммуникативно-прагматическую категорию адресованности.

Согласно У. Эко, каждый текст представляет собой «синтактико-семантико-прагматическое устройство, чья предвидимая интерпретация есть часть самого процесса его создания» [Эко 2005, с. 25]. Такое определение текста коррелирует с пониманием адресованности как неотъемлемой текстовой характеристики [Арутюнова 1981, Воробьева 1993, Гончарова 2005, Карасик 2004, Комлева 2011, Кожина 1989, Щирова 2017, Beaugrande 2011]. В энигматическом тексте, на наш взгляд, адресованность получает особую актуализацию. Двусоставная структура и зашифрованность энигмата подразумевают обязательное наличие адресата, который декодирует информацию загадывающего компонента и воспроизводит наименование энигмата.

В отечественном языкознании изучение текстовой категории, описывающей ориентацию адресанта на адресата, сопряжено с понятиями «адресованность», «адресатность», «адресация», «адресность». Одни ученые используют эти понятия как синонимы [Вольвак 2004, Каминская 2009, Романова 1997], другие разграничивают их [Блинова 2014, Грушевская 2019, Дунев 2016, Полонский 1999]. Поскольку в наши задачи не входит анализ различий способов номинации данной текстовой категории, ограничимся объяснением Е. С. Грушевской, считающей адресованность свойством текста,

статическим явлением, а адресатность – свойством дискурса, динамическим явлением [Грушевская 2019, с. 72].

В проанализированных нами работах под адресованностью, как правило, понимают свойство текста, «посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате текста и особенностях его интерпретативной деятельности» [Воробьева 1993, с. 2]. Реализация адресованности осуществляется посредством «программы его интерпретации», выраженной набором лингвистических средств, специфичных для разных типов текста. Сигналы адресованности выявляются в тех фрагментах текста, в которых обнаруживаются моделируемые автором неоднозначность или неполнота текста, указания и подсказки для адресата по восприятию текста и преодолению рецептивных трудностей [Воробьева 1993]. При этом считается, что данные лингвистические средства образуют полевую структуру, центром которой являются компоненты, актуализующие эксплицитную обращенность, а периферию занимают единицы разных уровней языка, выполняющие адресатную функцию в определенном контексте [Романова 1997, Чаплыгина 2003].

Лингвистические аспекты адресованности привлекают к себе внимание исследователей художественных, публицистических, рекламных, научных текстов, текстов публичных выступлений [Белоглазова 2001, Бударagina 2006, Викулова 2001, Воробьева 1993, Грушевская 2019, Каминская 2009, Комлева 2015, Олейник 2006, Подьяпольская 2004, Чернявская 2000].

Особенностью реализации категории адресованности в художественном тексте называют применение приемов выдвижения (термин И. В. Арнольд), с помощью которых автор фокусирует внимание адресата на важных смыслах текста [Щирова 2017]. Подтипами выдвижения считаются конвергенция, обманутое ожидание, сцепление, выдающаяся особенность, сильная позиция и др. [Арнольд 1999, с. 195]. Примерами приемов выдвижения являются пунктуационное, типографское или структурное выдвижение, которые способны деавтоматизировать внутреннюю пассивную речь, зрительное

восприятие, рецептивный компонент, связанный с лингвистической и лингвокультурологической компетенцией потенциального адресата. В качестве синтаксического выдвигания рассматривается нарушение или разрушение стандартного синтаксического строя фрагмента текста. Под суперсинтаксическим выдвиганием подразумевается подтверждение или опровержение рецептивных ожиданий адресата, основывающихся на его текстовой компетенции. При этом для каждого способа выдвигания характерно применение разнообразных языковых средств. Результатом классификации средств адресованности является выделение двух крупных групп. Специализированные средства репрезентации адресованности, такие как апеллирующие, констатирующие, характеризующие, непосредственно или косвенно указывают на адресата. Неспециализированные средства соотносятся со способами привлечения внимания адресата к определенным компонентам текста и подразделяются на комментирующие, фокусирующие, ориентирующие, тематизирующие, интегрирующие, сегментирующие и авторизирующие [Воробьева 1993]. Считаем также целесообразным разграничение сигналов адресованности на текстовые (метатекстовые операторы, объем информации, пояснения, оценки и др.) и языковые (лексические, морфологические, синтаксические) [Бударагина 2006].

Языковые средства выражения адресованности в энигматическом тексте не выступают специальным объектом научных исследований, а упоминаются в небольшом количестве работ в аспекте изучения структурных компонентов загадки. Немецкий фольклорист Р. Петш одним из первых описывает вводные и завершающие рамочные элементы загадок как формулы, функционирующие в текстах с целью привлечения внимания адресата и побуждения к разгадыванию. Данная цель реализуется посредством следующих способов:

– призывы к нахождению отгадки: «Was mag das sein?» («Что это может быть?»); «Kannst du das wohl raten?» («Ты можешь угадать?»); «Rate mal, was ist das?» («Угадай-ка, что это?»);

– обещания награды за верное решение («Wer das kann erraten, der soll haben 300 Dukaten und mein Feinsliebchen küssen» («Кто сможет это отгадать, тот получит 300 дукатов и поцелует мою красавицу»); «Wer dies kann denken, dem will ich einen Louisdor schenken» («Кто может назвать это, тому я подарю луидор»); «Wer dieses kann raten, der soll über Nacht bei mir schlafen» («Кто сможет это отгадать, тому я дам ночлег»));

– указания на сложность или легкость загадки («So was habe ich in meinem Leben noch nicht gesehen» («Такого я еще в своей жизни не видел»); «Wenn du nicht erratest, ein Narr bist du» («Если не отгадаешь, значит ты глупец»)) [Petsch 1899, 49].

Мысль Р. Петша об обрамляющих элементах («Rahmenelemente» – термин Р. Петша) как способе реализации обращенности к адресату загадки находит отклик в работах Е. А. Селивановой, Н. И. Файзуллиной, Т. В. Струковой. В рамках исследования данных элементов ученые анализируют прямые обращения к адресату, которые носят формульный характер, императивные, вопросительные, рекомендательные элементы. Так, например, Н. И. Файзуллина выделяет ряд формульных конструкций, эксплицирующих адресованность народной загадки:

1) формулы выражения интенции поиска энигмата «что это такое», «загадаю (закину) я загадку / а не загануть ли загадку», «riddle me» («отгадай меня»);

2) высказывания, содержащие результаты успешного или неуспешного поиска энигмата «Кто отгадет – тому сто рублей, кто не отгадет – тому сто плетей», «If you don't tell me this riddle, I'll ring your nose» («Если ты не назовешь мне ответ, получишь по носу»), «Tell me riddle and I give you a brooch» («Отгадай загадку, и я подарю тебе брошь»);

3) формулы, указывающие на период времени для нахождения ответа «You can guess this by tomorrow night» («Ты можешь отгадать загадку до завтрашнего вечера»), «Tell me that riddle Saturday night» («Дай мне ответ в субботу вечером»);

4) высказывания с семантикой невозможности нахождения энигмата «You can't guess this riddle in two hours» («Ты не сможешь отгадать эту загадку за два часа») [Файзуллина 2019, с. 65–72].

Формульные элементы, выражающие побуждение адресата к поиску энигмата, относят также к средствам адресованности в украинских народных загадках («Одгадай загадочку», «Відгадай – хто ми?») и русских авторских энигматических текстах («Отгадай, как их зовут?», «Читатель! Отгадай», «Скажи читатель! Как особо называюсь?») [Селиванова 2014, Струкова 2019].

Лежащая в основе категории адресованности концепция диалогичности текста М. М. Бахтина является фундаментом другой текстовой категории – интертекстуальности. Данное понятие, как известно, было введено Ю. Кристевой «для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [Паршин 2019, с. 1]. Основной аспект изучения данной текстовой категории – выявление и анализ форм репрезентации интертекстуальности на материале различных текстов. Одной из наиболее полных классификаций интертекстуальных элементов и типов межтекстового взаимодействия представляется классификация Н. А. Фатеевой, опирающаяся на разработки П. Х. Торопа и Ж. Женетта. Она включает следующие пункты: интертекстуальность, образующая конструкции «текст в тексте» (цитаты, аллюзии, центонные тексты); паратекстуальность, понимаемая как отношение текста к заглавию, эпиграфу, послесловию; метатекстуальность (интертекст-пересказ, вариации на тему претекста, дописывание «чужого» текста, языковая игра с претекстами); гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого; архитектстуальность как жанровая связь текстов; иные модели интертекстуальности (интертекст как троп или стилистическая фигура, интермедиальные тропы и стилистические фигуры, звуко-слоговой и морфемный типы интертекста, заимствование приема) [Фатеева 2007, с. 120–150].

В научной литературе интертекстуальность рассматривается с читательской и авторской точек зрения. С позиции адресата интертекстуальность – это ориентация на более глубокую интерпретацию текста и устранение возникающих сложностей при понимании текста посредством определения связей с другими текстами. С позиции автора – способ создания текста «и постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов» [Фатеева 2007].

Ряд ученых считают важной дифференциацию двух видов интертекстуальности: типологической (глобальной, прототипической) и референциальной (линейной) [Нефедов 2014, Чернявская 2009, Fix 2000, Heinemann 1997, Weise 1997]. Типологическая интертекстуальность отражает связь текста с другими текстами одного типа, проявляемую в том, что каждый текст содержит определенные признаки соответствующего текстового образца («Textmuster») [Adamzik 2016, Heinemann 1997]. В. Е. Чернявская видит основу типологической интертекстуальности в «явлении стереотипности компонентов в структурно-композиционной организации соответствующих текстов», а также подчеркивает интертекстуальное соотнесение текста с его канонизированной текстовой моделью порождения и рецепции «родственных» текстов и с другими текстами такого же типа [Чернявская 2009, с. 63]. Референциальную интертекстуальность характеризуют отношением «текст – претекст», т. е. способностью текста «вбирать в себя» элементы других текстов. При этом отмечается различная степень полноты и эксплицитности «заимствованных» элементов. Примерами выражения референциальной интертекстуальности называют аллюзии, реминисценции, цитаты и др. [Чернявская 2009, Fix 2000, Heinemann 1997].

Тесная взаимосвязь категорий адресованности и интертекстуальности объясняется самим процессом создания текста. Согласно У. Эко, в этом процессе автор применяет коды, наполняющие используемые им выражения определенным содержанием, и ориентируется на их идентичность с кодами

потенциального адресата. Кроме того, предполагается, что верно организованный текст предусматривает не только наличие определенной компетенции «внетекстового происхождения» у адресата, которая позволит декодировать авторские коды, но и возможность развития у него текстовыми средствами необходимой компетенции для адекватной интерпретации [Эко 2005, с. 12,13]. Следует подчеркнуть, что «при декодировании текстов требуется... наличие дополнительных знаний о мире в целом, о социальном и культурном контексте, а также хранящейся в памяти различной фоновой информации» [Нечай, Олейник 2016, с. 56]. Ориентация автора на совокупность знаний и компетенций адресата и важность их равенства или сходства с концептосферой адресанта подчеркиваются также в работах отечественных лингвистов [Файзуллина 2019, Полонский 1999, Филиппова 2007, Олейник 2006, Подъяпольская 2004, Караджев 2014, Арнольд 1999]. Интертекстуальные включения рассматриваются, таким образом, как сигналы адресованности, которые воплощают в тексте «иллокутивные установки адресанта» [Караджев 2014, с. 45], отражают не только авторскую оценку когнитивных способностей адресата, но и интеллектуальную самопрезентацию [Подъяпольская 2004]. Декодирование концептов прецедентных текстов, репрезентантами которых выступают интертекстуальные включения, осуществляется в случае наличия данных концептов в картине мира адресата [Филиппова 2007]. Исследование интертекстуальных включений как маркеров адресованности осуществлялось на материале научных [Чернявская 2000] и художественных текстов [Бударагина 2006, Чаплыгина 2002, Щирова 2017], в том числе детской литературы [Ворончихина 2022], текстов эпистолярного жанра [Олейник 2006, Подъяпольская 2004, Чаплыгина 2002] и текстов массовой коммуникации [Каминская 2009, Караджев 2014, Романова 2008]. Энигматический текст в данном аспекте подробно анализируется в работе А. А. Солдаевой. Интертекстуальность, по ее мнению, наряду с другими неотъемлемыми характеристиками энигматического текста вносит свой вклад в его

амбивалентную природу (способность подсказывать и одновременно уводить от загаданного объекта). Введение в энигматический текст интертекстуальных включений представляет собой проверку степени владения адресатом знаниями в рамках картины мира, присущей определенному обществу и состоящей из универсального, национального, языкового, культурного компонентов. Распознавание сигналов адресованности такого рода и способность их дешифрования приближают адресата к верному ответу [Солдаева 2018, с. 64]. Исследователь отмечает, что русские традиционные и современные загадки демонстрируют «внутрижанровые» и «внежанровые» интертекстуальные связи. «Внутрижанровые» связи затрагивают формальную и содержательную стороны и эксплицируются формульными конструкциями, ограниченным количеством логических моделей, повторяющимися семантическими и композиционными компонентами в различных текстах с общим энигматом, одинаковыми текстовыми моделями с различными энигматами. «Внежанровые» интертекстуальные связи проявляются в функционировании загадки как прототекста и метатекста. В качестве прототекста загадку следует рассматривать в случае ее включения как единого текста в сказки и обрядовые песни и ее отдельных компонентов в пословицы, поговорки, эвфемизмы. Как метатекст загадка проявляет себя при заимствовании формульных элементов различных языковых уровней у фольклорных «житий» предметов и растений, которые являются ритуальными текстами и применяются как заговоры в различных бытовых ситуациях [Солдаева 2016].

Вопрос о «внежанровых» интертекстуальных связях энигматического текста затрагивается и в других исследованиях. Так, например, заимствование анекдотом энигматической вопросно-ответной структуры описывается В. И. Карасиком, Е. Я. Шмелевой, А. Д. Шмелевым, Т. М. Николаевой, Е. А. Денисовой, П. Бюргель. Такого рода тексты называют «анекдот-загадка» [Денисова 2008, Карасик 1997, Шмелева, Шмелев 2002], «юмористическая загадка» [Шмелева, Шмелев 2002], «загадкоанекдот» [Николаева 1994].

Анекдоты энигматического типа содержат вопрос, получение верного ответа на который от адресата не ожидается. Ответ воспроизводится адресантом, что способствует реализации юмористической интенции, в том числе посредством создания эффекта неожиданности. Также указывается на их распространенность в разных культурах и наличие национально-специфических характеристик [Денисова 2008, Шмелева, Шмелев 2002]. Включение загадок в летописные предания освещается исследователями памятников древнерусской литературы [Веселовский 2001, Дмитриев, Лихачев 1982, Кургузова 2010, Демин 1988]. Примером присутствия загадок как сюжетных и структурных элементов, влияющих на построение произведения по вопросно-ответной модели сакрального текста, являются близкие по сюжету к новеллистическим сказкам «Сказание о Соломоне и Китоврасе» и «Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле» [Кургузова 2010]. Тесная взаимосвязь текстообразующих элементов прослеживается между энигматическими текстами и эпиграммами. Эпиграмма (от греч. «ἐπίγραμμα» – «надпись»), понимаемая в современной науке как «короткое сатирическое стихотворение, высмеивающее какое-либо лицо или содержащее отклик на злободневные события общественной жизни» [Белокурова 2005], изначально представляла собой посвятельную надпись на надгробиях. Со временем она получила распространение как краткое стихотворное произведение, в том числе застольной поэзии, тематизирующее различные жизненные аспекты и содержащее такие иллокутивные компоненты, как «похвала», «совет», «критика», «предостережение» и др. Сравнительный анализ текстов из собрания античных и средневековых эпиграмм «Греческая антология» (сост. в X в.), эпиграмм римского поэта Марциала (I в. н. э.) и стихотворных загадок Симфония (IV–VI вв. н. э.) демонстрирует функциональное сходство части текстов: и эпиграммы, и загадки декламировались во время Сатурналий с целью увеселения присутствующих. В текстах обоих типов присутствовали заголовки, при этом заголовки эпиграмм разделяются исследователями на две группы: заглавия

первого типа содержат лексему, повторяющуюся в тексте эпиграммы; лексемы заглавий второго типа не повторяются в тексте и могут рассматриваться как загадки. И в загадке, и в эпиграмме характеризуется определенный объект действительности, краткое описание которого опирается на такие стилистические средства, как парадокс, контраст, игру слов, метафору, аллитерацию, ассонанс. В большинстве случаев характеристика дается от первого лица. На основании изложенного ученые делают вывод о том, что в некоторых случаях интерпретация текста как загадки или как эпиграммы определяется степенью зашифрованности описываемого объекта и наличием/отсутствием заглавия [Kelling 2010, Kirstein 2008, Tomasek 2009].

Исходя из анализа представленных подходов к категории адресованности, считаем целесообразным рассматривать средства выражения адресованности в исследуемом материале на внутритекстовом и межтекстовом уровнях, а также на уровне паратекстовых элементов.

Выводы

1. В данной главе были рассмотрены взгляды ученых на понятие «энигматический текст». При изучении различных подходов выявлено, что термин «энигматический текст» используется в современной науке о языке как синоним термина «загадка», а также для обозначения текстов, родственных загадке в структурно-функциональном аспекте. Загадка является основным и наиболее изученным представителем энигматических текстов.

2. Анализ различных работ, посвященных энигматическим текстам, позволяет сделать вывод об отсутствии единой общепризнанной дефиниции данного типа текста. Тем не менее представляется возможным выделение его основных конститутивных признаков: двусоставность (в данной работе мы опираемся на термины Е. А. Денисовой «энигматор» (загадывающая часть) и

«энигмат» (загаданный объект)), зашифрованность, перформативность, фасцинативность, игровой характер.

3. Функциональный потенциал энигматического текста рассматривается с учетом этапов его исторического развития. Так же, как и в аспекте определения основных признаков, среди ученых нет единого мнения о функциональном пространстве энигматических текстов. Проведенный анализ позволил выделить следующие функции: ритуальную, социодифференцирующую, развлекательную, агональную, дидактическую, которая включает в себя функцию обучения тайной речи и образно-номинативную функцию, когнитивную и метаязыковую. Данная полифункциональность свидетельствует о комплексном характере энигматического текста, отражает его многомерность и антропоцентрическую сущность.

4. При изучении трудов ученых, занимающихся исследованием структуры энигматического текста, установлено, что в современном языкознании он исследуется как совокупность энигматора и отгадки, обозначающей энигмат. Обобщение разных подходов к структурным элементам и их наименованиям дает возможность определить ключевые составляющие загадки. Энигмат представлен в энигматоре, как правило, заместительным объектом, имеющим сходные с энигматом признаки. Энигматор содержит также описательные элементы, указывающие на один или несколько признаков энигмата. Таким образом, энигматор представляет собой вопрос, содержащий в себе ответ, но не очевидный на первый взгляд, поскольку описательные элементы и заместительный объект чаще всего закодированы с помощью метафоризации, сравнения, антитезы, языковой игры и других средств.

Анализ работ о субъектной структуре показал, что ученые выделяют в энигматическом тексте три типа субъекта речи:

- 1) персонифицированный энигмат;
- 2) рассказчик, ведущий повествование от первого лица;

3) скрытый рассказчик.

5. В данной главе уделяется внимание вопросу разграничения народных и авторских (литературных) загадок. Основными отличиями авторских загадок являются стихотворная форма, большой объем, динамичность сюжета, расширенная концептосфера, более узкий круг адресатов, локальное распространение. Авторские энигматические тексты имеют такую же многовековую историю, как и народная загадка. На примере истории развития немецкоязычных энигматических текстов нами продемонстрировано соотношение понятий «народная загадка» и «литературная загадка». При этом освещены изменения общественного отношения к авторским энигматическим текстам: в зависимости от ряда историко-культурологических факторов они переживают как периоды популярности, так и стадии забвения.

6. Анализ исследований, посвященных текстовой прагматической категории «адресованность», показывает, что данная категория не изучалась как специальный научный объект на материале энигматических текстов. Некоторые ученые затрагивают вопрос адресованности энигматических текстов при изучении их структурной организации, а именно при анализе формульных элементов.

7. В рамках исследования категории адресованности рассматриваются интертекстуальные включения как маркеры адресованности, так как они отражают оценку адресантом когнитивных способностей адресата и определенные намерения адресанта по отношению к адресату. Важно отметить, что ученые выделяют два типа интертекстуальных связей загадки:

1) «внутрижанровые», например, формульные конструкции, определенное количество «логических моделей», одинаковые энигматоры с различными энигматами;

2) «внежанровые», например, функционирование загадки как прототекста при ее включении в сказки, обрядовые песни, пословицы, анекдоты, летописные предания.

2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ЭНИГМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

2.1 Способы экспликации адресованности авторского энигматического текста

Ориентация на адресата присуща любому тексту, и ее вербальная реализация характеризуется многоуровневой структурой. Анализ авторских энигматических текстов в рамках прагматического подхода позволяет выявить многообразие средств экспликации адресованности на внутритекстовом (лексико-грамматические средства), межтекстовом (интертекстуальные маркеры) и паратекстовом (заголовки) уровнях.

2.1.1 Лексико-грамматические маркеры адресованности

Важной составляющей категории адресованности, выделенной в исследуемом эмпирическом материале на внутритекстовом уровне, выступают вокативные конструкции. Данные конструкции разделены нами на три подгруппы:

- 1) нейтральные вокативы;
- 2) эмоциональные вокативы;
- 3) сюжетные вокативы.

Нейтральные обращения эксплицируют обращенность загадывающего лица к отгадывающему, т. е. выполняют назывную и контактоустанавливающую функции. При этом они не содержат эмоционально-экспрессивной коннотации. К нейтральным вокативам относятся:

- местоимения второго лица «du» («ты») и «ihr» («вы»);
- имя существительное «Leser» («читатель»);

- имя существительное «Rätsellöser» («отгадывающий загадку»);
- имена конкретных личностей, которым посвящены энигматические тексты (Eugenia, Agath').

Эмоциональные вокативы выполняют не только назывную и фатическую функции, но и выражают положительное отношение адресанта к адресату. Данные обращения эксплицированы следующими языковыми единицами:

- именем существительным с положительной эмоциональной окраской, в том числе в сочетании с притяжательным местоимением («Freund/Freunde» («друг/друзья»), «Bruder Matz» («братишка»), «Rätseleisenfresser» («боец с загадками»), «mein Freund» («мой друг»), «mein Klügelchen» («мой умник»));

- субстантивированным именем прилагательным с положительной эмоциональной окраской, в том числе в сочетании с притяжательным местоимением («Lieber» («дорогой»); «mein Lieber» («мой дорогой»));

- именем существительным в сочетании с эмоционально окрашенным именем прилагательным, в том числе с притяжательным местоимением («liebe Leser» («дорогие читатели»), «gute Leser» («милые читатели»), «lieber Freund» («дорогой друг»), «mein lieber Junge» («мой дорогой мальчик»), «meine lieben Herrn» («мои дорогие господа»)).

Сюжетные вокативы встречаются в небольшом количестве энигматических текстов и представляют собой обращения к адресату в роли актанта фиктивной ситуации, созданной для кодирования энигмата: «Moslem» («мусульманин»); «Jäger» («охотник»); «Äskulap» («Эскулап»); «Schiffer» («моряк»); «Mädchen» («девушка»); «Ihr Holden» («ах вы, прелестницы»); «du eigennütziger Tropf» («ты, корыстный простофиля»); «Sterblicher» («смертный»).

Рассмотрим подробнее функционирование сюжетных вокативов в тексте на примере логогрифа К. Й. фон Адельсхайма (энигматы «Klippe» («Утес»), «Lippe» («Губа»)):

Schiffer! komme niemals mir zu nah!	Моряк, никогда не приближайся ко
Denn ich könnte dir das Schiff	мне.
zerstören;	Ибо я мог бы уничтожить твой
Aber steh' ich nun enthauptet da:	корабль;
Mädchen, wirst du mir den Kuss	Но теперь я стою обезглавленный:
verwehren? [Adelsheim b]	Девушка, ты откажешь мне в
	поцелуе?

В энигматоре логогрифа присутствуют два обращения: «Schiffer» («моряк») и «Mädchen» («девушка»). Анализ содержания энигматора в совокупности с энигматами позволяет утверждать, что данный текст адресован не определенному моряку и определенной девушке, существующим в реальности. Выбор данных персонажей обусловлен, на наш взгляд, их смысловой соотнесенностью с энигматами. У адресата при обращении к нему посредством лексемы «моряк» с большой долей вероятности возникнет ассоциативный ряд понятий, относящихся к данному роду деятельности; кроме того, такого рода обращение способно сразу перенести и погрузить его в ситуацию, представленную в энигматоре. Таким образом, адресант облегчает адресату процесс нахождения правильного ответа.

Содержательную соотнесенность с энигматом также демонстрирует вокатив в энигматическом тексте А. Лёвенштайна с омонимичной отгадкой, которая обозначает два энигмата: «Genese» («Выздоровливай») и «Genese» («Генезис, происхождение»):

Trittst, Äskulap, du in des Kranken Haus,	Когда ты, Эскулап,ходишь в дом
Sprichst du im Stillen mich, dein	больного, ты произносишь в
Wünschen, aus.	тишине моё имя, твоё желание.
Doch höher als der Wunsch ist deine	Но выше желания – твой долг.
Pflicht.	
Du willst kurieren, willst vor allen	Ты хочешь излечивать, ты хочешь
Dingen	прежде всего

Das Übel kennen, an die Wurzel dringen;   Познать сущность зла;
 Du kommst zu mir, und ich, ich gebe   Ты приходишь ко мне, и я, я даю
 Licht [Löwenstein].   свет.

Обращение «Äskular» («Эскулап») «превращает» читателя в мифологического персонажа, а именно в бога врачебного искусства. На наш взгляд, пребывание в такой роли упрощает адресату декодирование энигматов при условии, если он способен декодировать данное прецедентное имя.

Следующая составляющая средств репрезентации адресованности в энигматических текстах – высказывания с побудительной модальностью, характеризующиеся синтаксической разнородностью. Такие высказывания мы разделяем на три группы:

- 1) императивные высказывания;
- 2) интеррогативные высказывания;
- 3) повествовательные высказывания.

В первую группу данных средств входят императивные конструкции, содержащие:

- призыв к адресату отгадать закодированный энигмат;
- указание на способ нахождения данного энигмата.

Наиболее частотными языковыми единицами, реализующими побудительную модальность в исследуемых нами текстах, являются глаголы «raten» (отгадывать), «sagen» (сказать), «lösen» (решать), «angeben» (сообщать), «melden» (сообщать), «suchen» (искать), «deuten» (объяснять), «sprechen» (говорить), «nennen» (называть), «ergründen» (выяснять), «sich besinnen» (вспоминать), «zu raten versuchen» (пытаться отгадать), «zu nennen versuchen» (пытаться назвать), «bereit sein zu lösen» (быть готовым решить), «nehmen» (брать), «setzen» (помещать), «versetzen» (перемещать), «lesen» (читать), «umkehren» (переворачивать).

Далее представлены виды предложений с императивными конструкциями, выражающими побуждение адресата к отгадыванию.

1. Простые побудительные предложения:

– «Rat, o Lieber!» («Отгадай, о дорогой!») [Hebel b].

– «Nun rat!» («Ну-ка отгадай!») [Meyer].

2. Простые побудительные предложения с прямым дополнением. В составе этих предложений присутствуют единицы вторичной номинации, указывающие на энигмат:

– «Nenne mir das Wunderwesen!» («Назови мне это чудо!») [Trummer c].

– «Nun lös' des Rätsels Siegel» («Ну-ка сорви печать загадки») [Thamm].

– «Ein Nebenwort der Zeit zu lösen sei bereit» («Будь готов отгадать служебное слово времени») [Castelli h].

3. Сложные побудительные предложения с придаточными изъяснительными (дополнительными):

– «Und nun rat, mein Klügelchen, was ich da wohl meine» («А теперь отгадай-ка, мой умненький, что же я имею в виду») [Deutsches Rätselbuch 1972, S. 239]

– «Nun rate, wer ich sey?» («Ну-ка отгадай, кто я?») [Kortum b].

4. Сложные побудительные предложения с придаточными условными.

– «Sagt heute, wenn ihr wisst» («Скажите сегодня, если знаете») [Deutsches Rätselbuch 1972, S.146].

– «Ratet es, wenn's euch beliebt» («Отгадайте это, если хотите») [Deutsches Rätselbuch 1972, S.142].

Частным случаем реализации призыва адресата к поиску энигмата выступают побудительные предложения с модальным глаголом «sollen» («быть должным по чужой воле»), который усиливает, на наш взгляд, воздействие на адресата благодаря семантике необходимости совершения действия вследствие чужой воли. Такие предложения также различаются по синтаксической структуре.

1. Простые побудительные предложения с прямым дополнением, которое является заместительным объектом энигмата:

– «Zwei Worte sollt ihr deuten» («Вы должны истолковать два слова») [Haug c].

– «Den Bruder sollst dem Frager lächelnd nennen» («Брата ты должен с улыбкой назвать вопрошающему») [Ebersberg].

2. Сложные побудительные предложения с придаточными изъяснительными (дополнительными):

– «Du sollst als künft'ge Köchin sagen, was nimmt die liebe Mutter» («Как будущая кухарка ты должна сказать, что берет милая мама») [Focking].

– «Was nun die drei Kerls taten, sollst du lieber Freund erraten» («И что же делали эти три парня, ты должен отгадать, дорогой друг») [Castelli б].

Императивные конструкции, содержащие руководство по нахождению энигмата, имеют ряд семантических особенностей. Такого рода императивы в большинстве случаев встречаются в логогрифах, палиндромах и анаграммах, поскольку данные виды энигматических текстов подразумевают работу адресата с буквенным составом зашифрованных объектов. Например, в логогрифах после представления первого энигмата следует совет адресату, какую букву в данном слове нужно убрать, добавить, поменять местами или изменить на другую букву, чтобы расшифровать второй энигмат:

– «Das Erste weg und lass das Zweite» («Первое убрать, второе оставить») [Wolf].

– «Veränd're einen Laut, dann wird es froh» («Измени один звук, тогда это порадует») [Bertermann].

– «Acht Zeichen geben etwas an, das such' bei einem Reitersmann. Streich' hinten zwei, nennt's etwas dir» («Восемь знаков обозначают то, что можно найти у всадника. Зачеркни два сзади, и это назовет тебе что-то») [Adelsheim]

– «Zu einem Wort, das einen Gegensatz, das einen Widerspruch geleiten soll, setz eine Letter an den Schluss» («Добавь к слову, обозначающему противоречие, одну букву в конце») [Neumann б].

Как видим, в данных примерах для номинации букв используются нейтральные лексические единицы («Zeichen» («знак»), «Laut» («звук»), «Letter» («буква, знак»), «das Erste» («первое»). В некоторых текстах с этой целью употребляются метафорические номинации, указывающие на

местонахождение называемой буквы в слове. Так, первая буква слова становится «головой» («Kopf»), последующие буквы – «сердцем» («Herz») или «шеей» («Hals»), конец слова – «хвостом» («Schwanz») или «ногами» («Beine»):

– «Nehmt immer mir den Kopf und setzt ihn an den Schwanz» («Всегда берите мою голову и присоединяйте ее к моему хвосту») [Hebel d].

– «Nimm einer Kuh den Kopf und setz' ihr Herz ihr an» («Возьми у коровы голову и присоедини к ней ее сердце») [Moser].

– «ein Wort, dem nimm den Kopf vom Halse fort und häng ihn dreist an seine Bein'» («слово, сними его голову с шеи и смело повесь ее на его ноги») [Jordan].

В подобных инструкциях могут содержаться также указания на количество букв, которые необходимо взять из слова, обозначающего тот или иной объект:

Nimm die Hälf't' von einer Gans,	Возьми половину гуся,
Die Hälf't' von einem Rind,	Половину коровы,
Einen Balg, doch ohne Schwanz,	Шкуру, но без хвоста,
– Was dies für Dinge sind!	– Что это за вещи!
Dann einen Dieb zur Hälf't' dazu,	Потом добавь половину вора,
Das ordentlich zusammentu',	И соедини все это вместе,
So wird daraus ein »Heros« werden,	Вот так и получится из этого
'S gibt so wie er noch mehr auf Erden	«герой»,
Der einem König – in der Tat!	И таких, как он, на земле еще много.
Von Thron und Reich geholfen hat	Кто действительно помог королю
[J. R. aus O...heim].	отказаться от трона.

В приведенном логогрифе адресата призывают взять и соединить друг с другом:

– «die Hälf't' von einer Gans» («половину гуся») – половину букв лексической единицы, обозначающей гуся, т. е. буквы «g» и «a»;

– «die Hälf't' von einem Rind» («половину быка») – буквы «r» и «i»;

– «Einen Balg, doch ohne Schwanz» («шкуру без хвоста») – все буквы лексической единицы, обозначающей шкуру, без последней, т. е. «b», «a», «l»;

– «einen Dieb zur Hälf't» («половину вора») – буквы «d» и «i».

При верном декодировании данной инструкции адресат получает имя загаданного энигмата – «Garibaldi» («Гарибальди», Джузеппе Гарибальди – итальянский полководец, революционер и политический деятель).

Примером более сложного руководства по нахождению энигмата служит энигматический текст А. Нойманна (энигматы «Statist» («Статист»), «Statistik» («Статистика»)):

<p>Sieh im Schauspiel, sieh im Lustspiel auf der Bühne ihn agieren, Selten nur allein, gewöhnlich dicht geschart, <...> Häng an diesen Schlangemenschen noch ein Drittel dessen an, Der zur Sonne lenken wollte seines Fluges kühne Bahn Und mit bösem Ende zahlte, als das Wagnis schwer misslungen; Sonderbar, was nun zu sehen: Alles Leben ist verklungen, Zahlen, tote Zahlen kennt das Neuentstandne nur, Doch von dem, was lacht und lockt, auch nicht die kleinste Spur <...> [Neumann].</p>	<p>Посмотри на него в драме, посмотри на него в комедии, Редко в одиночку, обычно окруженный толпой <...> Прикрепи к этому гуттаперчевому человеку еще третью часть того, Кто смело пытался направить свой полет к солнцу И жестоко поплатился, когда затея не удалась; Странно, что мы видим теперь: Вся жизнь угасла, Цифры, мертвые цифры – все, что знает вновь созданная, Но от того, что смеется и манит, ни малейшего следа <...>.</p>
--	---

Согласно этому руководству для нахождения второго энигмата («Statistik» («Статистика»)) адресату необходимо присоединить к буквенному составу первого энигмата («Statist» («Статист»)) одну третью часть лексической единицы, обозначающей человека, «который отважился полететь

к солнцу» («*der zur Sonne lenken wollte seines Fluges kühne Bahn*»). Таким образом, в данном энигматоре помимо энигматов закодирован еще один объект, «Ikarus» («Икар»), и третья часть букв его имени «ik» при соединении с лексической единицей «Statist» дают наименование второго энигмата – «Statistik».

Императивные конструкции в анаграммах и палиндромах менее разнообразны в содержательном плане и содержат призыв к адресату поменять местами буквы в наименовании закодированного энигмата (в анаграммах) или прочитать его справа налево (в палиндромах):

– «*Versetze meine Zeichen nun, und sprich!*» («А теперь поменяй местами мои знаки и скажи!») [Lohbauer].

– «*So lest mich umgekehrt*» («Прочитайте меня в обратном порядке») [Haug b].

– «*Kehr meinen Namen um*» («Переверни мое имя») [Franz].

– «*Versuche mich von rechts nach links zu schauen*» («Попробуй посмотреть на меня справа налево») [Janitschka].

Ко второй группе высказываний с побудительной модальностью мы относим интеррогативные высказывания. Немаловажное значение вопросительных конструкций в репрезентации адресованности отмечают лингвисты Е. В. Комлева, А. В. Логинов, Д. Б. Никуличева, Н. И. Файзуллина, И. Д. Чаплыгина. Кроме того, ученые подчеркивают схожесть категорий интеррогативности и побудительности, поскольку вопрос, как и побуждение, предполагает ответную реакцию, совершение определенных действий [Комлева 2015, Логинов 2015].

В изучаемых энигматических текстах интеррогативные высказывания, как и императивные, представлены различными моделями.

1. «*Kennen*» («быть знакомым с кем-либо») + личное местоимение «*du / ihr*» («ты / вы») + заместительный объект энигмата:

– «*Kennst du die Magd mit der Laterne?*» («Ты знаешь служанку с фонарем?») [Trummer b].

– «Kennt ihr das Zwillingspaar der Ur-Kosmogonie?» («Вы знакомы с близнецами древней космогонии?») [Baggesen].

2. «Wissen» («знать что-либо») + личное местоимение «du/ihr» («ты / вы») + придаточное предложение с конкретизацией запроса о знании энигмата:

– «Weißt du, welch' Wort dies Zimmer zeigt?» («Ты знаешь, какое слово показывает эта комната?») [Treitschke].

3. Модальный глагол «können» («мочь») + личное местоимение «du / ihr» («ты / вы») + заместительный объект энигмата + смысловой глагол со значением «поиск/номинация ответа»:

– «Die Herde kannst du sie mir deuten?» («Можешь назвать мне это стадо?») [Schiller b].

– «Und kannst du den Kristall mir nennen?» («А можешь ли ты мне назвать кристалл?») [Schiller].

4. Вопросительное местоимение «wer» («кто») + модальный глагол + заместительный объект энигмата + смысловой глагол со значением «поиск/номинация ответа»:

– «Wer kann nun ein Gesetzbuch nennen» («А ну-ка, кто может назвать свод законов») [Hebel c].

– «Wer will mir zeigen jenen Mann» («Кто хочет показать мне того мужчину») [Thiersch b].

– «Wer mag das Ding erraten» («Кто может это отгадать») [Bernher].

5. Вопросительное местоимение «wer» («кто»), «was» («что») + глагол, обозначающий действие энигмата:

– «Was locket Freude Dir auf Deine Wangen?» («Что приносит радость твоим щекам?») [Berger].

– «Wer ist geboren, hat geboren...» («Кто был рожден, кто породил...») [Meynier].

6. Вопросительное местоимение «wer» («кто»), «was» («что») / вопросительное наречие «wie» («как») + глагол со значением «номинация энигмата» (heißen, nennen, sein) + заместительный объект энигмата:

– «Wie heißt mein Rösslein stolz?» («Какое имя гордо носит мой конек?») [Sutermeister].

– «Wie wird nun das genannt, wodurch mein Glück entstand?» («Как называют то, что принесло мне удачу?») [Castelli d].

– «Was ist das für ein toller Mann?» («Что это за замечательный человек?») [Rumpf].

В некоторых энигматических текстах адресованность эксплицируется совокупностью императивных и интеррогативных высказываний, что обеспечивает, на наш взгляд, усиление прагматического эффекта:

– «Ratet aus, ratet ein! Wie heißt des Kaisers Töchterlein? Wie heißt das grausame Mädchen?» («Отгадайте, отгадайте! Как зовут дочурку императора? Как зовут жестокую девочку?») [Hebel e].

– «Nun ratet doch! Wie heißt mein Freund?» («Ну-ка отгадайте же! Как зовут моего друга?») [Kortum c].

– «Nun rat', du kleines Zecherlein! Wer mag das Blumenmädchen sein... ?» («А теперь угадай, пьянчушка! Кто может быть цветочницей... ?») [Güll b].

Третью группу средств репрезентации адресованности с побудительной модальностью образуют повествовательные высказывания, а именно сложные предложения с условными придаточными, в которых реализуется побудительное значение. Данные предложения чаще всего встречаются в палиндромах и шарадах. Адресату сообщается условие, при выполнении которого он получит определенный результат, связанный, как правило, с нахождением наименования второго энигмата. То есть адресата имплицитно побуждают к некоторым действиям.

– «Veränderst du der Silben Stand, so ist's als Karte dir bekannt» («Если ты изменишь порядок слогов, тогда тебе это станет известно как карта») [Körner].

– «Doch wenn ihr beide wollt verbinden, so wird alsbald ein Tier sich finden» («Если же вы объедините обоих, то получится животное») [Fechner].

Наряду с высказываниями, характеризующимися наличием маркеров побудительной модальности, обращенность к адресату в энигматических текстах реализуется посредством предложений, выражающих различные коммуникативные интенции адресанта. Например, в некоторых текстах встречаются высказывания, эксплицирующие уверенность или предположение о знании ответа адресатом. Обращения такого рода демонстрируют, на наш взгляд, определенное представление адресанта о картине мира реципиента и одновременно служат средством психологической поддержки для адресата:

– «Ihr kennt es» («Вы знаете это») [Güll].

– «Du wirst entdecken mich sicher» («Ты наверняка меня найдешь») [Brentano].

– «Du kennst das Haus, das kann ich dir verkünden» («Ты знаешь этот дом, я могу заявить об этом») [Trummer d].

Интенция содействия адресату в декодировании энигмата эксплицируется также в высказываниях, содержащих подсказку в той или иной форме, например, указание на место, где следует или не следует искать энигмат или наименование части речи слова, обозначающего энигмат:

– «Doch nur in Städten wirst du es nicht finden» («Но только ты не найдешь это в городах») [Trummer d].

– «Was ich in beiden Fällen getan, zeigt ein fremdes Zeitwort dir an» («Что я сделал в обоих случаях, покажет тебе иноземный глагол») [Castelli f].

– «Wisst ihr, was in der Bibel steht, so kennt ihr alle drei genau» («Если вы знаете, что написано в Библии, то тогда вы точно знакомы со всеми тремя») [Haug].

Намерение вовлечь адресата в своего рода эвристическую беседу реализуется в предложениях, соответствующих следующей модели:

«перформативный глагол «nennen» + личное местоимение второго лица + заместительный объект энигмата»:

– «Ich nenne dir ein erlauchtes Haus» («Я назову тебе прославленный дом») [Castelli g].

– «Zwei drollige Käuze nenn ich dir» («Двух забавных чудаков назову я тебе») [Kind].

Посредством фразы «Ich nenne dir» («я назову тебе») обращение к неопределенному количеству адресатов фокусируется, и конкретный реципиент воспринимает себя как участника диалога, который получает определенную информацию и от которого ждут соответствующей реакции.

2.1.2 Интертекстуальные маркеры адресованности

На уровне межтекстовых связей обращенность к адресату в энигматических текстах реализуется посредством различного рода интертекстем. Под интертекстемами мы вслед за К. П. Сидоренко понимаем различные элементы текста, являющиеся репрезентантами претекста и «межуровневыми реляционными сегментами содержательной структуры текста, вовлеченными в межтекстовые связи» [Сидоренко 2005, с. 143], и относим к ним аллюзии, реминисценции, цитаты, парафразы, устойчивые выражения, имена собственные. Включение в энигматический текст интертекстем, отсылающих к разнообразным текстам, феноменам, событиям, свидетельствует об ориентации адресанта на наличие у реципиента совокупности знаний и компетенций, идентичных его собственным. В зависимости от степени совпадения концептосфер адресанта и адресата интертекстеми могут вызывать интерпретационные трудности или, напротив, упрощать процесс декодирования энигмата.

Рассмотрим следующие типы интертекстем в авторских энигматических текстах:

- 1) онимы;
- 2) фразеологические единицы;
- 3) цитаты.

К первому типу мы относим имена собственные. Понимание онимов как языковых единиц, «обеспечивающих историческую память нации» [Лучинская 2016, с. 139], «текстов в тексте» [Фатеева Н. А. 2007, с. 122] и «ключей, намекающих на прецедентный текст или прецедентную ситуацию» [Николаева 2009, с. 14], позволяет рассматривать их в качестве маркеров интертекстуальности.

Имена собственные в исследуемых энигматических текстах служат для номинации реальных и вымышленных лиц, географических и культурных объектов, отсылающих к определенным текстам или общественно-историческим фактам, а именно:

– мифологических персонажей (Zeus (Зевс), Oedip (Эдип), Paris (Парис), Pluto (Плутон), Polyhymnia (Полигимния), Psyche (Психея), Ganymed (Ганимед), Philomele (Филомела), Polydeukes (Поллукс), Dionysos (Дионис), Zephyr (Зефир), Hector (Гектор), Atlas (Атлас), Philemon und Baucis (Филемон и Бавкида), Proteus (Протей), Helena (Елена), Sphinx (Сфинкс), Hygieia (Гигиея), Ceto (Кето), Echo (Эхо), Pandora (Пандора), Phönix (Феникс), Phyllis (Филлида), Orion (Орион), Euphorion (Евфорион), Helios (Гелиос), Amor (Амур), Mars (Марс), Äskulap (Эскулап), Venus (Венера), Suada (Суада), Tellus (Теллус), Liber (Либер), Ceres (Церера), Aker (Акер), Merlin (Мерлин), Thor (Тор));

– героев литературных произведений (Harlekin (Арлекин), Max und Moritz (Макс и Мориц), Faust (Фауст));

– библейских персонажей (Jonas (Иона), Eva (Ева), Rebekka (Ребекка), Lot (Лот), Martha und Maria (Марфа и Мария), Lots Frau (жена Лота), Noah (Ной), Elias (Илия), Simson (Самсон), Adam (Адам), Jehova (Иегова));

– исторических личностей и деятелей искусства (Vitruvius (Витрувий), Platon (Платон), Kritias (Критий), Solon (Солон), Phäder (Федр), Krösus (Крөз),

Maro (Виргилий Маро Грамматик), Saffo (Сапфо), Hesiod (Гесиод), Alexander der Große (Александр Великий), Homer (Гомер), Kolumbus (Колумб), Napoleon (Наполеон), Wieland (Виланд), Haug (Гауг), Fichte (Фихте), Brüder Grimm (Братья Гримм), Strauß (Штраус), Haydn (Гайдн), Marschner (Маршнер), Hartmann (Хартманн));

– географических объектов (Rom (Рим), Wien (Вена), Jerusalem (Иерусалим), Konstantinopel (Константинополь), Trier (Трир), Paris (Париж), Suez (Суэц), Thun (Тун), Peterwardein (Петроварадин), der Rhein (Рейн), der Nil (Нил), Phönizien (Финикия), Gethsemane (Гефсимания), Ägypten (Египет), Japan (Япония), Amerika (Америка), Griechenland (Греция), Istrien (Истрия), Chios (Хиос), St. Helena (остров Св. Елены), Rügen (Рюген), Montblanc (Монблан), Jura (Юра), Feldberg (Фельдберг), das Kapitol (Капитолийский холм), Helikon (Геликон), Olymp (Олимп), Troja (Троя), Atlantis (Атлантида));

– архитектурных объектов (Sankt Peters Dom (Собор Святого Петра));

– исторических объединений (die Hanse (Ганза));

– исторических документов (Carolina [Constitutio Criminalis Carolina] (Каролина [Уголовно-судебное уложение Священной Римской империи германской нации])).

Аллюзивные онимы в энигматорах различаются степенью значимости в процессе декодирования энигмата. Рассмотрим текст Ф. Brentano (энигмат «Ameisenbau» («Муравейник»)):

Das Kloster

Ein Haus ich, schlendernd am
Waldesrand, voll lebender
Perlenröppchen fand.
Sie dienen den Müttern mit treuem Sinn
und halten so gute Ordnung drin,
dass jedes Blättchen ohne Säumen,

Монастырь

Дом, который я нашел,
прогуливаясь по опушке леса,
полон живых куколок из бусин.
Они верно служат матушкам

jed' Hälmchen aus dem Weg sie räumen	и поддерживают в нем такой
<...>	порядок, что на полу не найти ни
Nur die Maria im Hause fehlt,	соринки
hier hat die Martha allein gewählt.	<...>
Hast du's erraten, sei gebeten,	Только Марии не хватает в доме,
nie selber in solch ein Kloster zu treten	Здесь Марфа – хозяйка.
[Brentano b].	Если ты отгадал это, то прошу,
	никогда не входи в такой
	монастырь.

Кодирование энигмата «Ameisenbau» («Муравейник») происходит в том числе посредством включения в энигматор аллюзивных антропонимов «Martha» («Марфа») и «Maria» («Мария»). Так, например, одной из характеристик энигмата, представленного как определенное помещение, является отсутствие в нем некой Марии и присутствие Марфы. Данные антропонимы отсылают адресата к Библии, а именно к Евангелию от Луки, согласно которому женщина по имени Марфа приняла в своем доме Иисуса Христа. Заботясь о госте, она сетовала, что ее сестра Мария не помогала ей, а села у ног Иисуса, на что Иисус возразил: «Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благовую часть, которая не отнимется от нее» (Лк 10. 42). Впоследствии сестры становятся любимыми ученицами Христа [Православная энциклопедия]. На основе многочисленных толкований образов этих женщин возникает упрощенная интерпретация: Марфа – символ деятельного служения, Мария – созерцательной жизни. Таким образом, адресату необходимо дешифровать эти женские имена как образы активной деятельности, присущей описываемому помещению, и бездеятельности, отсутствующей в нем. Поскольку в энигматоре содержится целый ряд несложных для интерпретации характеристик энигмата (местонахождение муравейника, размер и род деятельности муравьев и др.), верное декодирование аллюзивных антропонимов не представляется в данном тексте обязательным условием для декодирования энигмата. В то же время для

способных к их декодировке адресатов они выступают в роли индикатора, позволяющего подтвердить или опровергнуть верность предполагаемого ответа.

Более значимую роль при декодировании энигмата играет аллюзивный антропоним «Dionysos» («Дионис»), включенный в энигматор текста А. фон Платена с полисемичной отгадкой «Kelch» (энигматы «чаша, сосуд для питья», «чашечка цветка» и «потир, сосуд для христианского богослужения»):

Mich kannst du sehn beim frohen	Ты можешь видеть меня на веселом
Mahle	пиру и в церкви;
Und in der Kirche heil'gem Saale;	Я венчаю гиацинт,
Die Hyazinthe kröne ich,	Я на каждом стебле лилии,
Ich bin an jedem Lilienstabe,	Наполненный дарами Диониса
Gefüllt mit Dionysens Gabe	Я радую и освежаю тебя.
Erfreu' ich und erquick' ich dich	
[Platen].	

Данное имя собственное, отсылающее адресата к сюжетам древнегреческой мифологии и использующееся для номинации бога виноделия, служит, на наш взгляд, ключом к дешифровке характеристики основного из трех энигматов: информация последних строк энигматора однозначно интерпретируются как «предмет, наполненный вином» и подтверждается совокупностью других характеристик.

Такое же ключевое значение для дешифрования энигмата имеют антропонимы «Sokrates» («Сократ») и «Xanthippe» («Ксантиппа») в тексте К. Труммера (энигмат «Pantoffel» («Домашняя туфля»)):

Der Despot	Деспот
... Du wunderst dich noch? Du willst	... Ты все еще удивляешься? Не
mich nicht kennen?	узнаешь меня?
Siehst du den gebeugten Sokrates gehn?	Видишь, как идет сгорбленный
	Сократ?

Er wird mich durch seine Xanthippe	Он уж знает меня благодаря своей
schon kennen,	Ксантиппе, наверняка понимает
Wird meine Zauberkraft schon verstehn	мою волшебную силу.
[Trummer a].	

В первых четырех строфах энигматора дается характеристика загаданного объекта как маленького неприметного существа, обладающего с древних времен значительной властью во всем мире. В пятой строфе данное существо характеризуется с помощью упомянутых имен собственных, представляющих аллюзию на распространенный миф о сварливой и злобной жене древнегреческого философа и о нем как о покорном муже. Декодирование этой аллюзии позволяет адресату интерпретировать описываемое существо как некий символ власти супруги над супругом. В представленном контексте становится очевидным, что речь идет о туфле, которая, согласно старинным немецким обычаям, символизирует господство, а упоминание Сократа и Ксантиппы конкретизирует загаданный объект как домашнюю обувь: атрибут властной жены известен благодаря фразеологизму «unter dem Pantoffel stehen» (дословно «стоять под домашней туфлей», ср. с рус. «быть под каблуком») и лексеме «Pantoffelheld» (дословно «герой домашней туфли», ср. с рус. «подкаблучник»).

В некоторых текстах верная интерпретация аллюзивных имен собственных не имеет значения для декодирования энигмата:

Als Psych' erwidert' Amors Gruß,	Когда Психея впервые оказалась в
Zum ersten Mal in seinem Arm	объятиях Амура, робея от любви,
Von Liebe bang, von Liebe warm,	взволнованная любовью,
Gebar mich beider Wonnekuss.	Меня породил их поцелуй, полный
	блаженства.
Wie Morgen frisch, wie Abend mild,	Как утро свежее, как вечер мягкое,
Durchsichtig, glühend, zart, und fein	Прозрачное, сияющее, нежное и
<...>	прекрасное <...>.

[Deutsches Rätselbuch 1972, S. 155].

В тексте Й. Баггесена энигмат «Erröten» («Румянец») характеризуется как нечто прекрасное, порожденное первым поцелуем Психеи и Амура. Данные антропонимы соотносятся с древнегреческим мифом о любви сына Венеры к прекрасной девушке. При этом даже подробное знание сюжета этого мифа не дает адресату ключи к разгадке. Таким образом, гипотетическая замена аллюзивных имен собственных на нейтральные наименования двух влюбленных не повлияла бы, на наш взгляд, на успешность дешифровки энигмата. Более значимыми характеристиками загаданного объекта, содержащимися в первой и последующих четырех строфах, являются факторы, обуславливающие его возникновение (первые объятия, первый поцелуй, робость, любовное волнение, стыд и др.)

Презентация энигмата «Seehundsfellstreifen beim Schillauf» («Полоски тюленьей шкуры при катании на лыжах») в тексте Р. Ф. Арнольда также осуществляется с участием аллюзивных онимов, не влияющих на упрощение или усложнение процесса дешифрования энигмата:

«Immer höher muss ich steigen»,	«Все выше и выше мне нужно
Rufst du, wie Euphorion,	подниматься»,
	кричишь ты, как Евфорион,
Und des steilsten Gipfels eigen	И мысленно ты уже покорил самую
Machst du dir im Geiste schon. <...>	крутую вершину. <...>
Stets wie Max und Moritz paarig,	Всегда вместе, как Макс и Мориц,
Gleich von Aussehn und Gewicht –	С одинаковой внешностью и весом–
Nennt uns jemand widerhaarig,	Если кто-то назовет нас
Nehmen wir's als Scheltwort nicht.	строптивыми,
	Мы не примем это за упрек.
Man vergleicht uns mit dem Adler,	Нас сравнивают с орлом.
Der empor trug Ganymed <...>	Который уносил ввысь Ганимеда
[Arnold].	<...>

В энигматоре предполагаемый адресат, выражающий стремление подниматься всё выше, сравнивается с Евфорионом, персонажем древнегреческой мифологии, который, имея пару крыльев, пытался взлететь в небо. Кроме того, в характеристиках энигмата присутствуют сравнения с Максом и Морицом, двумя неразлучными озорниками из произведения В. Буша, а также с орлом, который, согласно мифу, уносит на небо похищенного юношу Ганимеда. Поскольку в каждом из сравнительных оборотов эксплицитно указывается на сравниваемый признак («стремление подниматься ввысь» как у Евфориона, «нахождение двух объектов всегда рядом», как в случае с Максом и Морицом, и «движение вверх по направлению к небу», как у орла с Ганимедом), то отсутствие данных аллюзивных онимов не изменило бы интерпретацию адресатом перечисленных характеристик энигмата.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что подобное применение аллюзивных имен собственных не выполняет функцию подсказки или дополнительного кода, а придает тексту образный характер, определенный колорит и, вероятно, эксплицирует желание автора соответствовать литературной моде эпохи на обращение к античным характерам.

В ряде исследуемых текстов имена собственные являются номинативными единицами энигматов. Например, в шараде Ф. фон Матиссона отгадка «Weinbrenner» («Вейнбрэннер») обозначает три энигмата: фамилию немецкого архитектора эпохи классицизма Ф. Вейнбрэннера, вино («Wein» – первая часть слова, обозначающего фамилию) и перевал Бреннер в Восточных Альпах («Brenner» – вторая часть слова, обозначающего фамилию):

Habt ihr mein Zweites überstiegen,	Когда вы перейдете моё второе,
Dann trinkt, in süßen Wonnezügen,	Тогда пейте, в сладостном
Ihr von der Etsch bis zum Vesuve	блаженстве, от Адидже до Везувия
Mein Erstes unverfälscht und rein	Моё первое, настоящее и чистое
In allen Karawanserein.	Во всех караван-сараях.

Wie dies ein Zögling der Vitruve,
 Ein genialer Architekt,
 Mit lorbeerwertem Ruhm bedeckt.
 Den auch mein Ganzes nennt,
 Nebst vielen andern Söhnen
 Der göttlichen Kamönen,
 Im Freundes Kreise,
 Zu Libers Preise,
 Noch oft bekennt [Deutsches
 Rätselbuch 1972, S. 153].

Как это делал ученик Витрувия,
 Гениальный архитектор,
 очень знаменитый.
 Который также называет моё целое,
 Среди многих других сыновей
 Божественных камен,
 В кругу друзей,
 восхваляющий Либра.

Характерными для шарад репрезентантами энигматов выступают языковые единицы, обозначающие части слова, служащего отгадкой: «Erstes» («первое (слово)»), «Zweites» («второе (слово)»), «Ganzes» («целое»). Признаки энигматов-онимов описываются и с помощью аллюзивных имен собственных. Так, характеристика ведущего энигмата «Weinbrenner» («Вейнбреннер») как «ученика Витрувия» (Витрувий – древнеримский архитектор и инженер), на наш взгляд, дополняет основную характеристику «гениальный и очень знаменитый архитектор» и делает декодирование антропонима «Витрувий» необязательным условием для нахождения верного ответа. Другие имена собственные в этом тексте оказывают большее влияние на данный процесс. Например, энигмат «Brenner» («перевал Бреннер в Восточных Альпах») представлен как некий объект, который нужно перейти. Декодирование топонимов «Etsch» («Адидже», река в Северной Италии) и «Vesuv» («Везувий», вулкан на юге Италии) конкретизирует местоположение данного объекта как гору или возвышенность, находящуюся на севере Италии, и может служить средством проверки предположений адресата, появляющихся при поиске ведущего энигмата.

Некоторые из энигматических текстов с энигматами-онимами интерпретируются нами не столько как загадки, сколько вопросы, проверяющие уровень эрудиции адресата. Их энигматоры представляют собой

необразные дефиниции, которые называют энигмата именем нарицательным, закрепленным за данным лицом или объектом в толковых словарях, и содержат его существенные отличительные признаки. Рассмотрим в качестве примера текст М. Брокманна с энигматом «Aar» («Aar» – устаревшее название реки Aare):

Es ist ein Fluss im Schweizerland,	Это река в Швейцарии,
Nach ihm wird eine Stadt benannt;	В честь нее назван город;
Auch gibt's 'nen Vogel, der so heißt,	Есть также птица, которая носит
Er lebt auf Höh'n und Felsen meist	такое же имя, она живет в основном
	в горах и на скалах
Der Schweiz, Tirol und Steiermark,	В Швейцарии, Тироле и Штирии,
Und ist ein Räuber flink und stark	И хищник он быстрый и сильный.

[Brockmann].

Заместительным объектом энигмата выступает нейтральная языковая единица «Fluss» («река»); к основным его характеристикам, также не содержащим метафорической нагрузки, относятся: «местоположение» (Швейцария), «связь имени с именем города» (отсылка к городу Арау, расположенному на загаданной реке), «связь имени с названием птицы» (отсылка к поэтическому наименованию орла «Aar» – «Adler»). Данные характеристики в свою очередь содержат имена собственные, а именно топонимы, которые имеют ключевое значение при декодировании энигмата.

Приведем еще несколько примеров энигматов-онимов, которые представлены подобными нейтральными заместительными объектами в совокупности с неметафоричными характеристиками:

– «Mythen» («Митен», две горы в Швейцарских Альпах) – «Zwei Bergespitzen im Glarner Alpenland» (две горные вершины в Гларнских Альпах) [Birt];

– «Cicero» («Цицерон») – «ein großer Redner bei den Alten» («великий оратор Древнего мира») [Goeking];

– «Cidno» («Сидно») – «Freundin von Sappho» («подруга Сапфо») [Castelli];

– «Zeus» («Зевс») – «ein mächtiger Gott nach alter Erfindung der Griechen» («могущественный бог согласно древним представлениям греков») [Deutsches Rätselbuch 1972, S. 219].

Второй тип интертекстем в авторском энигматическом тексте образуют фразеологические единицы. Данные единицы языка, «формируя этнокогнитивную картину мира», отсылают адресата к «уникальным образам национальной культуры, традициям, стереотипам и ментальным установкам» [Буянова 2017, с. 289]. Классификация фразеологических единиц является предметом научных дискуссий: одни исследователи считают фразеологизмами все устойчивые сочетания, другие причисляют к фразеологическому фонду только определенные единицы. В основе самой распространенной в отечественном языкознании типологии, разработанной В. В. Виноградовым и дополненной Н. М. Шанским, лежит критерий структурно-семантической устойчивости компонентов фразеологической единицы. Согласно данной классификации, к фразеологизмам относятся идиомы, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения (пословицы, поговорки, афоризмы) [Виноградов 1977, Шанский 2021]. Однако при анализе прагматического потенциала фразеологических единиц в исследуемом материале нам представляется целесообразным классифицировать их в зависимости от типа представленности в энигматическом тексте и не делать между ними различия по степени устойчивости.

Большинство фразеологических единиц, выявленных при исследовании, представлены в энигматическом тексте следующим образом: значение одного компонента идентично значению энигмата (обозначим его как ключевой компонент), одни компоненты опускаются, другие включаются в энигматор и используются для характеристики зашифрованного объекта. Ключевой компонент, который чаще всего выражен именем существительным,

репрезентован в энигматоре заместительными объектами энигмата «das» («это»), «Wort» («слово»), «es» («оно, это»), «sie» («она»), «er» («он»), «ich» («я»). Другие компоненты обозначены в энигматоре лексемами из исходного фразеологизма, имеющими некоторые изменения грамматической формы. Продемонстрируем наш вывод несколькими примерами.

1

Gott zum Gruß! Mein Wort ist schwer!	Бог тебе в помощь! Слово мое тяжело!
Wenn es oft auch klein und leer, Froh, wie schon bei vielen Sachen Sollst du hier es heute machen! Hast du dich in ihm erprobt, Wird am Ende es gelobt!	Хотя это часто бывает незначительным и пустым, С радостью, как и во многих вещах Ты должен это сделать сегодня! Если ты испытал себя в нем, То в конце будет похвала!
Schöpfe nun am dunklen Bronnen: Frisch gewagt ist halb gewonnen!	А теперь черпай из темного колодца: Если начал, то наполовину победил!
[Schaefer]	

В тексте Ф. Шефера закодирован энигмат «Anfang» («Начало»), для одной из характеристик которого привлекается фразеологизм «Aller Anfang ist schwer» (дословно «Всякое начало тяжело», рус. «Лиха беда – начало»). Аллюзией на эту пословицу является предложение «Mein Wort ist schwer!» («Слово мое тяжело!»). При сравнении исходного фразеологизма с данным предложением мы видим, что компонент «aller» («всякий») опускается, ключевой компонент замещен словосочетанием «mein Wort» («мое слово»), компоненты «ist» (глагол-связка «быть») и «schwer» («тяжелый») остаются в неизменной форме. Размещение этой аллюзии именно в первой строке можно рассматривать в качестве имплицитного маркера обращенности к адресату (первая строка – начало текста). Следует также отметить, что данный энигматический текст расположен первым в сборнике «Ungeratene Kinder. Rätsel für jeden Tag des Jahres» («Непослушные дети. Загадки на каждый день

года»), что может также служить подсказкой для внимательного адресата. Еще одной опорой для адресата в процессе декодирования энигмата является последнее предложение в энигматоре, а именно цитата из писем Горация, которая содержательно перекликается со значением проанализированной пословицы [Aphorismen].

2

Hast du einmal dich etwas unterwunden, O lieber Mann, und hast du etwa mich darin gefunden: so bist übel dran!	Если ты однажды взялся за что-то, О мой дорогой, и нашел меня в этом: плохи твои дела!
Noch schlimmer aber, wenn du dann mit nassen, vielleicht auch trocknen Augen mich musst lassen [Deutsches Rätselbuch 1972, S. 139].	Но еще хуже, если тебе придется уйти от меня с мокрыми, а может быть, и сухими глазами.

В отличие от текста Ф. Шефера, в котором аллюзия на фразеологизм участвует в кодировании энигмата наряду с другими характеристиками, энигматор текста И. П. Хебеля построен исключительно на обыгрывании значений двух фразеологических единиц: «ein Haar in etwas finden» (дословно «находить волос в чем-либо», «выискивать недостатки») и «Haare lassen müssen» (дословно «быть вынужденным оставить волосы» (намек на вырванные в драке волосы), «пострадать, поплатиться»). Такой способ кодирования энигмата «Haar» («Волос») повышает, по нашему мнению, степень сложности его декодирования, поскольку предполагает обязательное присутствие значения по меньшей мере одного фразеологизма в концептуальной картине мира адресата, а также умение распознавать устойчивое выражение при отсутствии одного или нескольких его компонентов.

3

Für Wasser, Bier und Milch es taugt,	Это пригодно для воды, пива и
Rebekka hat es schon gebraucht;	молока,
In einem deutschen Sprichwort steht,	Ребекке это уже пригодилося;
Wie lange es zu Wasser geht [Goßlar].	В одной немецкой поговорке говорится, как долго это идет к воде.

В тексте С. Гослар (энигмат «Krug» («Кувшин»)) адресат, напротив, получает прямое указание на то, что кодирование энигмата осуществляется посредством фразеологической единицы. Помимо данного указания и аллюзии на поговорку «Der Krug geht solange zum Wasser, bis er bricht» (дословно «кувшин так долго ходит к воде, пока не разобьётся», русский эквивалент «сколько веревочке ни виться, а концу быть») энигматор содержит нейтральную характеристику энигмата как сосуда для определенных жидкостей и аллюзивный антропоним, отсылающий адресата к библейскому сюжету. Согласно одной из глав Ветхого Завета, Ревекку у колодца с водой встретил слуга Авраама, который по поручению своего господина отправился на поиски жены для Исаака. В ответ на просьбу о глотке воды Ревекка напоила из своего кувшина слугу и его верблюда. Таким образом, в данном тексте узнавание и верная интерпретация фразеологизма не является обязательным условием для декодирования энигмата.

Следующий тип анализируемых интертекстем в энигматическом тексте характеризуется отсутствием вербальной представленности каких-либо компонентов фразеологической единицы в энигматоре. Энигмат, значение которого идентично значению ключевого компонента фразеологизма, представляется с помощью аллюзии на данное устойчивое выражение:

... Zuweilen bin ich unsichtbar,	... Иногда я невидим,
Dann hüte dich vor meinen Tücken,	Тогда остерегайся моего коварства,
Wird man an dir mich je gewahr,	Если вдруг меня увидят в тебе, они
Kann man den Spott nicht unterdrücken.	не смогут удержаться от насмешек.

Denn lächerlich stellst du dich dar;	Ведь ты сам себя выставляешь
Auf keine Nachsicht darfst du hoffen	дураком;
... [Müchler].	И не придется тебе надеяться на снисхождение ...

Так, например, в тексте К. Мюхлера репрезентация одного из признаков энигмата («Nagel») («Гвоздь») осуществляется посредством аллюзивного описания фразеологизма «einen Nagel im Kopf haben» (дословно «иметь гвоздь в голове», «быть заносчивым, задаваться»). Такой способ кодирования энигмата усложняет, на наш взгляд, процесс поиска верного ответа, поскольку предполагает высокий уровень знания адресатом единиц фразеологического фонда. В данном тексте, состоящем из 23 строк, адресат, однако, имеет возможность оставить данную характеристику неразгаданной и декодировать энигмат с помощью других характеристик.

В небольшом количестве текстов фразеологизмы фигурируют в роли самих энигматов. Например, в тексте Э. Гирль адресату необходимо разгадать пословицу «Ein Narr macht Zehn» («Один дурак создает десять дураков»):

Das erste und das letzte Wort.	Первое и последнее слово.
Wir sind Zahlwörter, Zahlen auch...	Мы – числительные, а также
Das erste Wort steht einfach und allein,	цифры... Первое слово стоит просто
Zehnmal so viel, wird dann das letzte	и одиноко, в десять раз больше –
sein.	получишь последнее.
Das zweite Wort.	Второе слово.
Wenn also man bezeichnet wird	Если тебя так называют,
Setz' »gut« voran dann lass ich's gelten.	Поставь «хорошо» вперед, тогда это
Im Ernste wär's ein traurig Los	еще можно допустить.
Kaum lässt im Scherz sich so man	Всерьез это была бы печальная
schelten.	участь. Вряд ли можно так себя
Das dritte Wort.	бранить в шутку.
Etwas Gewaltiges fürwahr	Третье слово.

Wenn ich mit anderem mich paar',	Воистину, нечто могучее
Mit Geld und Tugend, Militär	Когда я соединяюсь с другими,
vielleicht	Объедини меня, например, с
Stimm mich zusammen, – Großes wird	деньгами, добродетелью, армией –
erreicht.	будет достигнуто нечто великое.
Das Ganze.	Целое.
Das Ganze ist ein Sprichwort, oft	Целое – это пословица, часто
genannt	упоминаемая
Und meinem Leser sicherlich bekannt?	И наверняка знакомая моему
[Giehr!]	читателю?

Энигматор построен по принципу шарады: каждое слово кодируется как отдельный объект, а в завершение адресат получает характеристику целого объекта. Указание на энигмат как на пословицу дается при этом после репрезентации его составных частей, что может ввести адресата в заблуждение, поскольку в шарадах зашифровывается энигмат, обозначаемый одной лексемой, а не предложением.

К третьему, наиболее редкому типу интертекстем в изучаемых текстах относятся цитаты из литературных произведений, которые включаются в энигматор как средства характеристики энигмата. Например, в тексте И. М. Бергера энигмат «Tabakspfeife» («Курительная трубка») кодируется, в том числе, при помощи цитаты «cerebrum non habet» («не имеет мозга») из басни «Лиса и маска» римского поэта I в. Федра:

... Wohl auch ich dem Kartäuser	... Я также, наверное, похож на
gleiche,	картезианца,
Der sein Momento mori beut	Который приветствует тебя своим
Zum Gruße. Denn ich zeig' dir täglich	momento mori. Ибо я ежедневно
Die Bilder der· Vergänglichkeit...	показываю тебе образы бренности...
Ich gleiche stets Pandorens Büchse.	Я всегда напоминаю ящик Пандоры.
Verschlossen nur hielt sie zurück	Только закрытым он держит

Das Heer der Übel. Drum verschließe	Войско зла. Поэтому закрой меня
Mich fest sonst läuft Gefahr dein	плотно, иначе твоему счастью грозит
Glück...	опасность...
Nicht minder gleich ich jenem Vogel,	Не меньше я похож на ту птицу.
Der, als der Gallier erstieg	Которая, когда галл поднялся на
Das Kapitol, den Römer weckte.	Капитолий, разбудил римлянина.
Denn so, wie ihn, stopft man auch mich.	Ибо меня так же набивают.
Du kennst ja wohl Phäders Fabel,	Ты знаешь наверняка басню Федра,
Wo »cerebrum non habet« spricht	Где "cerebrum non habet" говорит
Der spött'scher Fuchs?	Насмешливая лиса?
So kennest du sprechen	Тогда ты знаешь и меня, ибо в голове
Von mir; denn Hirn hat mein Kopf nicht	моей нет мозгов.

[Berger b].

По сюжету лиса находит театральную трагическую маску, восхищается красотой «этого лица» и сетует на внутреннюю пустоту. Следует отметить, что в энигматоре указан и источник цитаты (Федр), и персонаж (лиса), произносящий эти слова, и завуалированный перевод. Как видим, знание адресатом сюжета данной басни не является ключом к декодированию энигмата. Однако интерпретация энигмата как красивой вещи по аналогии с театральной маской дополняет образ энигмата, создаваемый другими характеристиками. Некоторые из данных характеристик также формируются с помощью интертекстем различного типа, таких как: аллюзивная лексема «Kartäuser» («монах Картезианского ордена») и крылатое выражение «Memento mori» («Помни о смерти») (сравнение быстро исчезающих клубов дыма с быстротечностью, брэнностью человеческой жизни); словосочетание с аллюзивным антропонимом «Pandorens Büchse» («ящик Пандоры») (по аналогии с ящиком Пандоры чашку трубки следует держать закрытой для улучшения процесса курения); аллюзивные лексемы «Vogel» («птица»), «Gallier» («галл»), «Kapitol» («Капитолийский холм»), «Römer» («римлянин») (сравнение процесса начинки гуся перед запеканием с набиванием трубки

табаком). Так как каждая из этих интертекстем сопровождается в энигматоре комментарием, интерпретирующим в более или менее полной степени ее источник и значение, то они скорее выполняют роль средств художественной образности, чем ключей к декодированию энигмата.

Следующим примером служит текст К. Кортума с энигматом «Ein gebratenes junges Huhn» («Жареный цыпленок»):

Ein Vogel federlos,	Птица без перьев,
Liegt nackend da und bloß,	Лежит нагая и неприкрытая,
Der Flügel hat und doch	У нее есть крылья, но она
Nicht hüpfet oder fliegt;	не скачет и не летает;
Der weder schreit noch pfeift,	Не плачет и не свистит,
Und wenn man nach ihm greift,	И если взять ее,
Stäch man ihm gar ein Loch, <...>	то в ней образуется дыра, <...>.

[Deutsches Rätselbuch 1972, S. 122].

Для кодирования энигмата используется цитата «ein Vogel federlos» («птица без перьев») из распространенной загадки о снеге на солнце. Данный текст впервые упоминается на латинском языке в сборнике «Reichenauer Handschrift» («Рукописи из монастыря Райхенау»), датируемом X в., а начиная с XV столетия появляются фольклорные интерпретации этой загадки из Германии и Скандинавии. Для реципиента, который не идентифицирует первую строку разгадываемого энигматического текста как цитату, данная фраза представляется одним из признаков энигмата. Истолкование такого признака будет происходить или согласно стереотипному механизму декодирования метафоры или посредством поиска объекта действительности, соответствующего прямому значению характеристики. Для «посвященного» адресата данная цитата может оказаться ложным ключом в процессе дешифровки, если произойдет ее интерпретация как перифразы лексемы «снег».

Цитата, как уже было упомянуто, может фигурировать в энигматическом тексте в качестве энигмата. Рассмотрим в качестве примера текст Й. Эберсберга.

<p>Ich gebe für hundert Throne nicht; Für ihn nur geb' ich es, für Gott und meine Pflicht. Dass Wirklichkeit ein Ding, kein Traumbilde sei, Dies kündet wohl sehr kurz, doch bündig Nummer drei! Und Vier und Fünf nenn' ich der Ersten Euch die Tugend, Ein gut Gewissen, frommen Sinn, Verstand und Jugend. Der sechste Ton vermag das Werte zu vereinen, Wer darnach redlich zielt, entweicht dem Gemeinen. Der Siebente betrübt, verbietet, raubt, verneint. Wie man ihn spricht und nimmt; oft ist er gut gemeint. Die schönen sieben sang mit Meisterkraft und Klarheit Der Barden Erster. Ja, wir fühlen diese Wahrheit! <...> [Ebersberg b]</p>	<p>Я не отдам ни первого, ни второго за сто тронов; За него одного я отдам, за Бога и долг мой. То, что это реальность, а не мечта, очень кратко, но емко провозглашает номер три! А четыре и пять я назову вам добродетелью первых, Чистая совесть, благочестивый ум, понимание и молодость. Шестой способен объединить все ценности, Тот, кто стремится к этому честно, избегает подлость. Седьмой печалит, запрещает, отнимает, отрицает. Как бы его ни произносили и ни воспринимали, он часто имеет хороший смысл. Прекрасная семерка воспета с мастерством и ясностью Первым из бардов. Да, мы чувствуем эту истину! <...></p>
---	--

В тексте зашифрована цитата из драмы Ф. Шиллера «Мессинская невеста» «Das Leben ist der Güter Höchstes nicht» («Жизнь не является высшим благом»). Данный энигматический текст является шарадой, поскольку каждая

из семи лексем цитаты представлена в энигматоре нейтральным заместительным объектом, обозначающим ее порядковый номер в предложении: «das Leben» («жизнь») – «Eins und Zwei» («один и два», артикль и существительное), «ist» (глагол-связка «быть» в 3-м лице единственного числа) – «Nummer drei» («номер три») и т.д. После описания каждой лексемы следует характеристика полного предложения, именуемого «прекрасной семеркой» («die schönen sieben»). Можно предположить, что эта шарада, изданная в 1827 г., адресована узкому кругу читателей и направлена на проверку знаний текста драмы, которую ставили в Веймарском театре с 1803 г.

2.1.3 Заголовки как маркеры адресованности

При исследовании маркеров адресованности важен анализ заголовков. Как известно, народные загадки не имеют заглавий, а озаглавленные авторские энигматические тексты упоминаются только в одном современном лингвистическом исследовании. Т. В. Струкова отмечает наличие заголовков в некоторых русских детских авторских загадках конца XX в., функцией которых является упрощение процесса декодирования энигмата [Струкова 2019, с. 166]. Таким образом, заголовок – нетипичный паратекстуальный элемент энигматического текста.

Истоки возникновения данного феномена представляется возможным увидеть, обратившись к истории становления европейских энигматических текстов. Важное значение для развития этого типа текстов имеет собрание загадок Симфозия (IV–V вв. н.э.). Исследователи высказывают предположение, что при написании загадок Симфозий опирался на тематику и структурно-композиционные особенности эпиграмм М. В. Марциала (I в. н.э.) [Kelling 2010, Tomasek 2009]. 100 трехстрочных загадок Симфозия написаны гекзаметром, при этом каждый текст имеет заглавие-отгадку, выраженное именем существительным в именительном падеже единственном

или множественном числе. По мнению В. Келлинг, наличие такого рода заголовков подтверждает намерение автора в первую очередь представить поэтическое описание определенного объекта, а не побудить адресата к нахождению ответа. На основании наличия общего паратекстуального элемента у загадок и эпиграмм В. Келлинг рассматривает тексты Симфония как описательные эпиграммы [Kelling 2010]. Т. Томашек отмечает, что подобные загадки-эпиграммы с тематическим заглавием были популярным литературным явлением эпохи раннего Средневековья. Начиная с XVII в. прослеживается тенденция размещения заголовков таких загадок-эпиграмм под текстом в перевернутом виде. Таким образом, делается акцент на проверочно-испытательной функции текста. Считается, что в дальнейшем энигматические тексты практически утрачивают данный паратекстуальный элемент [Tomasek 2009, с. 322]. Результаты анализа исследуемого материала подтверждают мнение Т. Томашека о небольшом количестве озаглавленных авторских энигматических текстов: 113 текстов исследуемого нами энигматического корпуса имеют заглавия, что составляет 10% от их общего числа.

Прежде чем приступить к анализу эмпирического материала, рассмотрим роль заголовка в структуре текста. Исследование заголовка как паратекстуального элемента на материале различных типов текста позволяет ученым выделить несколько его функций: назывную, аттрактивную, содержательную, текстообразующую, интертекстуальную, эстетическую.

Назывная функция реализуется посредством экспликации роли имени текста, которое «создается специально для данного текста и принадлежит только ему одному» [Веселова 1998, с. 4]. Различают два аспекта этой функции: внешний, обращенный к реципиенту, так как заголовок – это «представитель и заместитель текста во внешнем мире», и внутренний, назывной, соответствующий «внутренней заданности текста» [Фатеева 2010, с. 9]. Привлечение внимания реципиента к тексту и его дальнейшая заинтересованность в прочтении текста обеспечивают реализацию

аттрактивной функции [Монина 2018]. Содержательная функция заголовка заключается в его способности передавать основную мысль текста [Бударагина 2006]. Так, И. Р. Гальперин метафорически описывает заголовок как «закрученную пружину, раскрывающую свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин, 1981, с. 133], В. А. Лукин рассматривает данный элемент как «семантическую свертку всего текста» [Лукин 1999, с. 102]. Реализация текстообразующей функции осуществляется посредством способности заголовка выступать в качестве декодирующего элемента соответствующего текста. Считается, что заголовок функционирует как инструмент «познания и интерпретации смысла текста» [Веселова 1998, с. 5]. При этом прочитанный текст способен влиять на переосмысление первичного понимания значения заглавия: полноценное осмысление заглавия достигается только после прочтения текста [Бударагина 2006, Лукин 1999]. Данное взаимодействие заглавия и текста Н. А. Фатеева представляет как осуществление внешней функции организации читательского восприятия и внутренней текстообразующей функции, тесно связанных друг с другом. Частным случаем текстообразующей функции является функция разгадки, которую реализуют заголовки стихотворных произведений. Н. А. Фатеева, ссылаясь на исследование М. Л. Гаспарова, отмечает, что заглавия могут рассматриваться как ключи к загадкам, если стихотворные тексты представляют собой закодированные описания объектов действительности [Фатеева 2010]. Интертекстуальная, или соединительная, функция находит воплощение в способности заголовка функционировать в отрыве от текста, например, в оглавлениях собраний сочинений, сборниках произведений, библиотечных каталогах, т. е. быть ориентиром для адресата среди большого количества текстов, соотносить «свой» текст с другими текстами [Лукин 1999, Фатеева 2010]. Эстетическая функция реализуется заголовком по отношению к «своему» тексту прежде всего в художественной литературе и ее многоликость проявляется в широком диапазоне значений: символическом,

ироническом, эпатирующем, иносказательном, рекламно-интригующем, афористико-резюмирующем и др. [Фатеева 2010].

Анализ представленных функций позволяет рассматривать заголовок как одно из средств адресованности текста. С данной точки зрения заголовок изучается рядом отечественных лингвистов [Монина 2018, Шантарович 2004, Олейник 2017, Поздеева 2011, Лазарева 2006, Веселова 1998, Фатеева 2010, Oleynik 2019]. Заголовок считается сильной позицией текста, ответственной за связь текста с адресатом: он управляет восприятием реципиента, оказывает помощь при вхождении в определенный дискурс и в интерпретационной деятельности [Лазарева 2006, Бударagina 2006, Шантарович 2004]. Кроме того, заголовок рассматривают как загадку, которую автор адресует читателю и разгадать которую возможно при знакомстве с самим текстом [Фатеева 2010].

Заглавие как элемент энигматического текста, по своей природе ориентированного на адресата, выступает, на наш взгляд, дополнительным средством коммуникации автора с читателем. В процессе анализа эмпирического материала нами были выявлены три типа заголовков.

1. Заголовки первого типа представляют собой метафорическое переосмысление закодированных энигматов. Например, в энигматическом тексте К. Тепфера заголовок «Der Jäger» («Охотник») является метафорой энигмата «Blitzableiter» («Молниеотвод»).

Der Jäger	Охотник
Auf dem Anstand steht ein Jägersmann	На охотничьей вышке стоит
wohl viele Tage und Nächte	охотник,
und sieht in die weite Gegend hinaus,	Вероятно, много дней и ночей
ob sie keine Beut' ihm brächte;	И смотрит вдаль,
viel edles Tier kömmt ihm zu Gesicht,	И ждет, появится ли его добыча;
dem Jägersmann ist es das Rechte	Он видит много благородных
nicht.	зверей,

Sein Wild ist an Schnelle dem Adler
gleich,
dem gierigen Tiger an Grimme,
an Bogenbewegung dem
Schlangenleib,
dem Löwen an heulender Stimme;
ein Simson es nimmer erwürgen kann,
doch harrt sein ruhig der Jägersmann.
Und bückt sich nicht und legt sich
nicht
im langen Laufe der Stunden,
bis das Ungeheu'r ihm kömmt zu
Gesicht,
bis sein seltnes Wild er gefunden;
und flattert es endlich in sein Bereich,
erwürgt er's und gräbt's in die Erde
gleich
[Deutsches Rätselbuch 1972, S. 214].

Но не они нужны ему.
Его зверь сравним по скорости с
орлом,
Он свиреп как тигр,
движется, как змея и рычит как лев;
Даже Самсон не смог бы задушить
его,
Но охотник его терпеливо ждет.
На протяжении долгого времени
Он не склоняется и не ложится,
Пока не увидит чудовище,
Пока не найдет своего редкого
зверя;
И когда тот наконец попадет в его
владения,
Он сразу же задушит его и предаст
земле.

Метафорический перенос осуществляется на основании схожести функции, осуществляемой сопоставляемыми объектами: «ловля, остановка движения кого-л., чего-л.». Заглавие «Der Jäger» («Охотник») создает у адресата начальное представление о тексте, вызывает определенный ассоциативный ряд. Кроме того, заглавие «сопровождает» читателя в энигматоре: текст содержит синоним заголовка «Jägersmann» («охотник») и лексические единицы семантического поля «охота», такие как «der Anstand» («охотничья вышка»), «die Beute» («добыча»), «das Wild» («дичь»), «das Tier» («животное»), «erwürgen» («задушить»), «in die Erde graben» («закопать»).

Таким образом, заглавие как метафора энигмата представлено в энигматоре языковыми репрезентантами, которые являются метафорами характеристик энигмата: «охотничья вышка» – местонахождение молниеотвода; «добыча», «животное», «дичь» – молния как цель молниеотвода; «задушить», «закопать» – процесс отражения молнии. Совокупность метафорического заголовка и его репрезентантов в энигматоре служат опорой для адресата в процессе декодирования энигмата. Успешность декодирования в значительной степени зависит от знания адресатом такой особенности кодирования в энигматическом тексте, как олицетворение энигмата и его характеристик.

Интересным представляется тот факт, что сопоставление ряда заголовков такого типа с закодированными в соответствующих текстах энигматами дает возможность интерпретации их метафорической мотивированности без обращения к энигматору. Например, прочтение в первую очередь лексемы, обозначающей энигмат «Hut» («Шляпа»), и её сопоставление с заголовком «Beschützer» («Защитник») позволяют определить, что метафоризация осуществляется на основании функционального сходства. Представленные в таблице 1 заглавия и соответствующие энигматы демонстрируют такую же соотнесенность и представляют собой, на наш взгляд, своеобразный толковый словарь с метафорическими дефинициями, в котором, например, лексическая единица «ключ» определяется как «взломщик», «чтение» – как «путешествие» и т. д.

Таблица 1 – Заголовки как метафоры энигматов

Энигмат	Заголовок
Wald (Лес)	Das Wohnhaus (Жилой дом)
Die 24 Buchstaben (24 буквы)	Die Kinderquäler (Мучители детей)
Eisenbahnnetz (Железнодорожная сеть)	Riesenspinne (Огромный паук)
Das Lesen (Чтение)	Die Wanderung (Путешествие)

Mond und Wolke (Луна и облако)	Der blasse Mann und die Alte (Бледный мужчина и старуха)
Hände (Руки)	Die beiden Schwestern (Две сестры)
Stiefel (Сапоги)	Die Brüder (Братья)
Tageszeiten (Части суток)	Die vier Geschwister (Четверо братьев и сестёр)
Neben (Рядом с кем-л. / чем-л.)	Der Gefährte (Спутник)
Schatten (Тень)	Eigensinniger Kamerad (Своенравный товарищ)
Das Henkerseil (Петля висельника)	Die Natter (Уж)
Schlüssel (Ключ)	Einbrecher (Взломщик)
Wiege (Колыбель)	Vergrößerndes Haus (Увеличивающий дом)
Kerze (Свеча)	Edelfräulein (Благородная девушка)
Kerze (Свеча)	Die schwermütige Tänzerin (Печальная танцовщица)
Kegelbahn (Кегельбан)	Das Wunderspiel (Чудо-игра)
Klavier (Рояль)	Tempel (Храм)
Kälte und Frost (Холод и мороз)	Der Kavalier und die Dame (Кавалер и дама)
Das Herz (Сердце)	Die Uhr (Часы)
Die Zunge (Язык)	Das Wunderbare (Чудесное создание)
Notenzeichen auf dem Notenblatt (Нотный знак на нотном листе)	Das Chamäleon (Хамелеон)

Метафорическая мотивированность некоторых заглавий не поддается интерпретации при первичном сопоставлении с соответствующими закодированными объектами, а эксплицируется исключительно в энигматоре.

Причиной этого являются неочевидные основания сравнения объекта, выбранного для заголовка и закодированного объекта. Неочевидность значения заголовка-метафоры, в свою очередь, может сформировать ложное предпонимание [термин Веселовой] текста и значительно затруднить процесс дешифровки энигмата. В качестве примера рассмотрим энигматический текст К. Тепфера под заголовком «Das Bettelkind» («Маленький попрошайка»), являющимся метафорическим осмыслением энигмата «Das Papier» («Бумага»):

Das Bettelkind

Wenn ich Dir meinen Lebenslauf
 Mit treuen Farben male,
 Beklagst Du wohl mein hartes Los
 Im ird'schen Jammertale.
 Gesindel, kein Honetter, lasst
 An ihm die Finger kleben,
 Hat in der Gosse, schmutzig, nass,
 Das Dasein mir gegeben. <...>
 Ich armes, armes Bettelkind,
 Wie bin ich zu beklagen!
 Man bürdet mir das Ärgste auf,
 Geduldig muss ich's tragen.
 Man gibt mich schwarzen Männern
 preis,
 Man schleppt mich in die Enge,
 Ein ungeschliffner Bengel kneipt
 Halb tot mich im Gedränge. <...>
 Lastträger bin ich lebenslang,
 Unglücklichster von allen –
 Denn ich entgelte meiner Last

Маленький попрошайка

Если я поведаю тебе свою историю
 без прикрас,
 Ты будешь сокрушаться о моей
 тяжелой судьбе в земной юдоли.
 Не почтенный муж,
 А отребье, грязное, мокрое, липкое,
 подарило мне жизнь в сточной
 канаве. <...>
 Я бедный, бедный нищий, меня
 можно только пожалеть!
 На меня взваливают тяжелое бремя,
 и я должен терпеливо его нести.
 Меня отдают черным мужчинам,
 загоняют меня в угол,
 Неотесанная палка бьет меня до
 полусмерти в толпе. <...>
 Я несу груз всю свою жизнь, самый
 несчастный на свете –

Missfallen und Gefallen.	Ибо мое бремя дарует мне или
Missfällt sie, schließt mit Feuertod	недовольство, или благосклонность.
Mein trauriges Verhängnis;	Если оно вызывает недовольство,
Gefällt sie, schickt man mich zum Lohn	Моя судьба – погибнуть в огне;
Gebunden ins Gefängnis [Töpfer].	Если оно приходится по вкусу, в награду за это меня связывают и отправляют в тюрьму.

Заголовок «Das Bettelkind» («Маленький попрошайка») может вызывать у адресата ассоциации, вербализуемые лексемами семантического поля «Бедность»: «нищенствовать», «бедствовать», «просить милостыню», «нужда», «голод», «грязь», «холод», «бездомный». Данные ассоциации не имеют очевидного сходства с характеристиками энигмата «Das Papier» («Бумага») и способствуют созданию ложного предпонимания энигматора. Затрудняет процесс декодирования энигмата также тот факт, что содержание энигматора переключается с вызванными заголовком ассоциациями: характеристики энигмата представлены в форме повествования о тяжелой судьбе ребенка, которое в действительности является метафорическим описанием процесса производства бумаги из ветхого тряпья и ее применения в книгопечатании. Так, например, указание на рождение энигмата от «грязного, мокрого, липкого отребья» и на его избиение «до полусмерти в толпе» – это метафора процесса обработки старой одежды путем вываривания в воде с добавлением извести, толчения деревянными пестами и погружение полученного листа бумаги в емкость с клеем. «Бремя, вызывающее или недовольство или благосклонность» – метафорическое описание произведений, которые писали на бумаге; упоминание «гибели в огне» и «отправки в тюрьму в связанном виде» – образная характеристика процесса сжигания неудобных издателю текстов и отправки книг в переплете в книжный магазин или библиотеку. Таким образом, основанием для сравнения бумаги с маленьким нищим служит сходство объектов по внешним признакам на

начальном этапе их существования и по признаку «зависимость от окружающих».

В таблице 2 приведены примеры заглавий, метафорическая мотивированность которых эксплицируется при анализе характеристик энигмата в энигматоре.

Таблица 2 – Метафорическая мотивированность заголовков

Энигмат	Заголовок	Метафорическая мотивированность
Pantoffel (Туфля)	Der Despot (Деспот)	Перенос на основании сходства оказываемого воздействия: физическая боль, вызываемая ношением тесной обуви, сравнивается с последствиями жестоких поступков деспота
Würfel im Spiel (Игральные кости)	Die Kobolde (Кобольды)	Перенос на основании внешнего сходства и совершаемых действий: вид игральных костей и звуки при их падении на стол уподобляются причудливой внешности и характерным действиям мифологических существ – кобольдов
Krautroulade (Голубец)	Zweiter Adam (Второй Адам)	Перенос на основании сходства внешнего вида: единственной одеждой Адама был лист; мясная начинка голубца так же «одета» в один лист

Wind (Ветер)	Bestrafter Grobian (Наказанный грубиян)	Перенос на основании сходства эмоциональной оценки совершаемого действия: порыв ветра, направленность воздушных потоков в лицо уподобляются невежливым действиям грубияна. Прекращение ветра сравнивается с наказанием в качестве прекращения существования грубияна или его удаления с места действия
Poesiealbum (Популярный среди детей и молодежи альбом, в который друзья записывают стихи на память)	Das Haus des Friedens (Дом мира и покоя)	Перенос на основании сходства функций предметов: поэтический альбом сравнивается с ломом в значении очага, предназначением которого является сохранение традиций, добра, любви и защита от ненависти и врагов
Fuchs (Лиса)	Das militärische Universalgenie (Военный гений)	Перенос на основании сходства действий, совершаемых сравниваемыми объектами: действия лисы уподобляются действиям военных разных войск (пехотинца, минера, фуражира, артиллериста)

Stecknadel und Nähnadel (Булавка и швейная игла)	Die Missgeburt (Уродец)	Перенос на основании внешнего сходства: внешний вид булавки (имеет головку, не имеет ушка) и иглы (имеет ушко, не имеет головку) сравнивается с внешностью младенца с физическими изъянами
Der Nessel, die Nessel (Грубая ткань, крапива)	Mutter und Sohn (Мать и сын)	Перенос на основании сходства вида связи между объектами в заголовке и между двумя энигматами: крапива и произведенная из нее ткань сравниваются с матерью и сыном

2. Заголовки второго типа – это заголовки, ведущей функцией которых является передача основного содержания энигматора. Например, в энигматическом тексте Г. Лотца заголовок «Die Tanzgesellschaft» («Танцевальное общество») можно рассматривать как «семантическую свертку» [термин В. А. Лукина] описания поведения членов танцевального общества в танцевальном зале, что, в свою очередь, представляет метафорическую характеристику игры в бильярд. Таким образом, данный заголовок – это метафора процесса, в который включен закодированный объект «Das Billard» («Стол для бильярда»):

Die Tanzgesellschaft
Eine grüne Flur bin ich,
Wo die Tänzerinnen streben,
Bei den Touren boshaft sich
Derbe Püffe abzugeben;

Танцевальное общество
Я – зеленое поле,
На котором танцовщицы во время танцев
стремятся грубо толкнуть друг друга;

Parabel (Притча)	Жизнеописание супружеской пары (луны и солнца), которая несчастна из-за неверности обоих и тщеславия супруги	Mond und Sonne (Луна и солнце)
Sinnlose Schlächtereі (Бессмысленная резня)	Описание обезглавливания животных мясником, что является метафоризацией процесса образования нового слова в логогрифе путем удаления первой буквы («головой») изначального слова	Sau – au (Свинья – стонущий звук «ау»), Kuh – uh (Корова – стонущий звук «уу»), Kalb – Alb (Теленок – злой дух Мара), Stier – Tier (Бык – животное)
Beträchtlicher Unterschied (Существенное различие)	Описание взаимоотношений влюбленного мужчины, выражающего свое восхищение в стихах, и легкомысленной женщины, считающей его письма ненормальными. Существенное различие наблюдается и между персонажами, и между значением энигматов-омофонов.	Per Vers (В стихах), pervers (извращенный, ненормальный) (слова-омофоны)
Wie sich die Zeiten ändern (Как меняются времена)	Описание изменения взглядов взрослеющего человека на луну (первый закодированный слог в	Mond (луна) + Schein (видимость, иллюзия) =

	шараде) и иллюзии (второй закодированный слог в шараде)	Mondschein (Лунный свет)
--	---	-----------------------------

Как следует из таблицы 3, часть заголовков имеет семантическую связь с энigmatami соответствующих текстов, подобную той, которая описана на примере энigmatического текста Г. Лотца. Так, заголовок «Der Wettlauf» («Забег») – это метафора работы часового механизма, частью которого являются стрелки – закодированный в тексте объект; заглавие «Das Opfer» («Жертва») – олицетворение рыбы, которая стала добычей закодированного объекта (рыбака). Подобные заголовки, как и заголовки-метафоры энigmatов, способны, на наш взгляд, выполнять функцию вспомогательного средства при декодировании энigmatата.

3. Заголовки третьего типа – это заголовки-посвящения, эксплицирующие обращенность автора к конкретному лицу. Такие заголовки состоят из предлога «an» (указывает на адресата) и лексемы, обозначающей адресата энigmatического текста. В случае если адресат – конкретная личность, после предлога «an» следует имя собственное в полной или сокращенной форме: «An Agathe», «An Ida», «An Eugenia», «An Siegfried», «An Hulda», «An Bilhilde», «An Benno», «An Fr. v. G.». Заголовок также может содержать указание на повод посвящения текста данному лицу («An Hrn. L. v. S. zum Geburtstage» («Господину Л. ф. С. на день рождения»)) или лексему, которая обозначает род адресованного текста («Billet an Betty» («Записка для Бетти»)). В некоторых заголовках данного типа обозначающая адресата лексема характеризует его социальную роль («An den jüngst vermählten Ritter N.» («Недавно женившемуся рыцарю Н.»)) или род отношений между ним и автором («An die Geliebte» («Возлюбленной»)). Отсутствие семантической связи данных заголовков с соответствующими энigmatаторами и энigmatатами позволяет сделать вывод о том, что они не оказывают влияния на процесс дешифровки энigmatата адресатом. Можно предположить, что исключением мог бы быть тот конкретный адресат, которому изначально предназначался

энигматический текст и который обладал знаниями, влияющими на поиск энигмата.

В исследуемом материале выявлен лишь один энигматический текст, заголовок-посвящение которого может служить опорой для адресата в процессе дешифровки энигмата. В шараде В. Узенера с заголовком «An die Geliebte» («Возлюбленной») (упомянутый одноименный текст принадлежит другому автору) зашифрованы энигматы «lieb» («любимый, дорогой») и «Haber» (устаревшее написание лексемы «Hafer» («овес»)), которые образуют ведущий энигмат «Liebhaber» («Возлюбленный»):

An die Geliebte	Возлюбленной
Das Ganze bin ich Dir,	Целое слово – это я для тебя,
Die Erste bist Du mir,	Первый слог – это ты для меня,
Die Letzten frisst ein Tier	Последние слоги едят животные.
[Usener].	

Заголовок служит ключом к пониманию закодированного описания энигмата «lieb» («любимый, дорогой») во второй строке, поскольку обращение адресанта к некой возлюбленной подразумевает, что она ему дорога и любима им. Если предположить, что адресат текста, т. е. возлюбленная, отвечает адресанту взаимностью, то для декодирования ведущего энигмата «Liebhaber» («Возлюбленный») заголовок также представляет собой ключевую подсказку. Таким образом, прослеживается тесная семантическая связь между заголовком, энигматором и энигматом. При этом можно предположить, что данный энигматический текст был озаглавлен именно с целью создания опоры для адресата в процессе поиска энигматов, а не для указания конкретного адресата, как в других текстах с заголовками-посвящениями.

2.2 Прагматика субъектной структуры авторского энигматического текста

Исследование способов реализации прагматического потенциала рассмотренных средств адресованности на внутритекстовом, межтекстовом и паратекстовом уровнях сопряжено с исследованием субъектной структуры авторского энигматического текста. Как уже упоминалось, исследователи таких текстов отмечают наличие трех типов субъектов речи, выполняющих функцию загадывания: нарратор, повествующий о загаданном объекте от первого лица; скрытый нарратор, не эксплицирующий свое присутствие при повествовании и сам энигмат в роли загадывающего лица [см. подробнее 1.1.3]. Анализ эмпирического материала позволяет выделить такие же типы загадывающих субъектов речи. Кроме того, для исследуемых текстов характерно разнообразие вербального взаимодействия субъекта речи, энигмата и адресата. Следовательно, критерием для выделения типов субъектной структуры энигматического текста для нас является субъект речи, загадывающий энигмат. Количественная представленность текстов с различными типами субъектной структуры продемонстрирована в таблице 4:

Таблица 4 – Соотношение текстов с различными субъектами речи

Тексты с нарратором- энигматом	Тексты с эксплицитным нарратором	Тексты с имплицитным нарратором	Полисубъектные тексты
508	341	165	13

2.2.1 Энигмат как субъект речи

Как следует из таблицы 4 с количественным распределением исследуемого материала по типам субъектной структуры, в самую многочисленную группу данной классификации входят тексты, субъектом речи в которых выступает энигмат – персонифицированный загаданный

объект действительности или абстрактное понятие. Преобладание подобных текстов именно среди авторских загадок отмечали В. Келлинг и Т. С. Кузнецова [см. подробнее 1.1.3]. Опираясь на терминологический аппарат нарратологии, мы характеризуем данный субъект речи как диегетического нарратора, «повествующего о самом себе как о фигуре в диегесисе», являющегося и субъектом повествования, и объектом повествуемой истории [Шмид 2008, с. 46]. Поскольку энигмат в большинстве текстов – это неодушевленный объект, то речь идет об антропоморфном нарраторе. Еще один термин нарратологии, необходимый для анализа субъектно-адресатных отношений авторского энигматического текста, – это «наррататор», который трактуется как «адресат фиктивного нарратора, та инстанция, к которой нарратор обращает свой рассказ» [Шмид 2008, с. 54]. В исследуемых текстах актуализируются различные роли нарратора и наррататора, а также разная степень их вербальной коммуникации. Исходя из этого, представляем возможным выделить четыре подтипа субъектной структуры текстов, субъектом речи в которых является нарратор-энигмат.

В качестве примера первого подтипа рассмотрим энигматический текст Ф. Гюля, субъектом речи в котором выступает энигмат «Bassgeige» («Контрабас»):

Mein Kopf ist klein, mein Hals ist lang und groß mein Rumpf; zu Sprung und Gang taugt aber nicht mein dünner Fuß, weshalb man stets mich tragen muss. Gestreichelt in die Kreuz und Quer, schnarch ich und brumm ich wie ein Bär. Kann dann auch aus dem ff singen, dass mir die Sehnen fast zerspringen.	Моя голова – маленькая, шея – длинная, тело – большое; но моя узкая ступня не годится для прыжков и ходьбы, поэтому меня всегда нужно носить. Если меня гладят вдоль и поперек, я храплю и рычу, как медведь. Я могу также петь с такой силой, что сухожилия почти разрываются.
--	---

Doch zahnlos, kann ich niemand	Но у меня нет зубов, я не могу
beißen:	никого укусить:
Nun rat, wie mich die Leute heißen	А теперь отгадай, как меня
	называют.

[Deutsches Rätselbuch 1972, S. 241].

Персонифицированный энигмат эксплицирован посредством личного местоимения первого лица единственного числа в именительном, винительном и дательном падежах («ich», «mich», «mir»), притяжательного местоимения «mein» и модального глагола «können» в форме первого лица единственного числа «kann». За исключением последней строки текст представляет собой монолог нарратора-энигмата, в котором он описывает себя как объект повествования. В результате метафоризации названия частей контрабаса представлены в тексте как части человеческого тела (головка с колковыми механизмами – «Kopf» (голова), гриф – «Hals» (шея), корпус – «Rumpf» (туловище, тело), шпиль – «Fuß», струны – «Sehnen» (сухожилия)), а издаваемые им басовые звуки со специфически окрашенным тембром репрезентируются как звуки храпа, рычания и умение громко петь. Актуализация роли загадывающего загадку у нарратора и отгадывающего ее у нарратора осуществляется посредством побудительного предложения «Nun rat, wie mich die Leute heißen» («А теперь отгадай, как меня называют»), в котором нарратор обращается к адресату с призывом назвать описанный закодированный энигмат. Наречие «nun» («теперь»), указывающее на связь предшествующего действия с происходящим в момент речи, мы рассматриваем как индикатор имплицитного «присутствия» нарратора при монологе-самопрезентации нарратора.

В ряде текстов нарратор-энигмат проявляет себя в роли загадывающего загадку уже в первой строке, настраивая тем самым адресата на интеллектуальный поиск. Далее, как и в предыдущем примере, следует монолог-самопредставление объекта повествования. Рассмотрим в качестве примера энигматический текст И. П. Хебеля:

Wer kann mir meinen Namen sagen:	Кто может назвать мне мое имя:
Bald bin ich blau, bald rot, bald grün.	Я бываю то синим, то красным, то
Wem ich zuteilgeworden bin,	зеленым.
der darf mich in dem Knopfloch tragen.	Тот, кому я достался, может носить
Ich ziere fürstlich Gewand,	меня в петлице.
doch trägt mich auch der Bauer auf	Я украшаю княжеское одеяние,
dem Land [Hebel].	Но крестьянин в деревне тоже носит
	меня.

Энигматор состоит из вопросительного предложения, эксплицирующего обращение к неопределенному числу адресатов с целью побуждения к разгадыванию, и самопрезентации энигмата «Knopf» («Пуговица»). Пунктуационный знак «двоеточие» после вопроса-обращения можно интерпретировать как дополнительный сигнал адресованности: нарратор дает понять, что после его незавершенного обращения последует определенная информация, связанная с начальным высказыванием. Следует отметить, что данный текст является примером неметафорического кодирования энигмата: нарратор-энигмат перечисляет свои характеристики, не прибегая к средствам образности. Такой способ кодирования может вызвать трудности у адресата, поскольку в большинстве случаев декодирование энигмата происходит одновременно с декодированием его метафорических характеристик.

Роли загадывающего и отгадывающего загадку актуализируются не только при помощи призыва к отгадыванию, но и путем включения в текст подсказок нарратора. Это явление демонстрируют энигматические тексты К. Кортума (энигмат «Du» («Ты»)) и И. П. Хебеля (энигмат «Sand» («Песок»)):

Zur Zeit der deutschen Sitte	В стародавние времена
War ich fast allgemein,	я был всем известен,
Auch fand der kluge Römer	И умный римлянин не думал,
Mich nicht zu schlecht und klein.	что я слишком плох и мал.
	<...> И в бедных хижинах

<...> Auch in den niedern Hütten
 Bin ich noch wohl bekannt:
 Versuch's du nur zu raten,
 Ich habe mich genannt [Kortum].

Меня по-прежнему хорошо знают:
 Ты попробуй отгадать загадку,
 Я себя назвал.

Dem Schlitten nütz ich nichts,
 es geht durch mich der Wagen,
 und fehl ich mancher Uhr,
 so kann sie nicht mehr sagen,
 was ihr Besitzer sich von ihr verspricht.
 Man denkt an mich beim Hochgericht.
 Nun ratet, was ihr wollt.
 Ein Rad? Das bin ich nicht [Deutsches
 Rätselbuch 1972, S. 141].

Саням от меня пользы нет,
 Но повозка по мне пройдет,
 И если меня нет в некоторых часах,
 Они не могут сказать хозяину то,
 Что он от них ждет.
 Обо мне думают на уголовном суде.
 А теперь гадайте, как хотите.
 Колесо? Нет, я не колесо.

Оба текста представляют собой монолог-самопредставление нарратора-энигмата и обращение к наррататору, которое, помимо призыва к отгадыванию, содержит вспомогательную информацию об энигмате. Так, в тексте К. Кортума, нарратор-энигмат сообщает адресату, что он уже назвал себя. Действительно, в тексте содержится лексема «du» («ты»), причем, согласно грамматическим нормам, местоимение 2-го лица единственного числа не употребляется с глаголом в повелительном наклонении и предположительно включено в текст намеренно как подсказка. Данное указание имплицитно побуждает адресата повторно обратиться к тексту и предпринять попытку найти там ответ. В тексте И. П. Хебеля подсказка представляет собой упоминание самого очевидного из возможных ответов и отрицание его правильности. Нарратор, таким образом, дает понять адресату, что он был на неверном пути, побуждает его к дальнейшему поиску. Кроме того, энигматор содержит имплицитную подсказку, выраженную аллюзивной лексемой «Hochgericht» («уголовный суд») [подробнее см. Новикова 2022].

В таких видах энигматических текстов, как палиндром, логогриф, шарада, анаграмма, взаимодействие энигмата-нарратора с адресатом обусловлено спецификой организации этих текстов. Актуализация роли загадывающего загадку у нарратора и отгадывающего ее у нарратора осуществляется посредством руководства к способу чтения буквенного состава лексемы, обозначающей энигмат или энигматы. Данное руководство при этом чаще всего «встроено» в речь нарратора-энигмата в роли описывающего себя как объект повествования. Рассмотрим несколько примеров.

Wer mich besitzt, der sieht mich nicht,	Кто мной владеет, не видит меня,
Denn immer schließt er sein Gesicht;	Так как он всегда закрывает свое
Wer mich erblickt, erhält mich nicht,	лицо; Кто видит меня, не владеет
Es trübt ihm Wehmut sein Gesicht;	мной, Тоска омрачает его лицо;
Doch, Leser, lieset man mich	Но, читатель, если прочитать меня
umgekehrt,	наоборот, тогда мной могут
So lab' ich Esel, Ochsen, Lamm und	подкрепиться осел, бык, ягненок и
Pferd [Pöschl].	лошадь.

В энигматоре палиндрома Г. Э. Пешля (энигматы «Sarg» («Гроб»); «Gras» («Трава»)) можно выделить три части:

- 1) самопрезентация энигмата «Sarg» («Гроб»);
- 2) прямое обращение к читателю («Doch, Leser» («Но, читатель»)) и указание на способ чтения обозначающей первый энигмат лексемы для получения лексемы второго энигмата («lieset man mich umgekehrt» («если прочитать меня наоборот»));
- 3) самоописание нарратора в качестве второго энигмата.

Ich habe Augen und kann nicht sehen,	У меня есть глаза, но я не вижу,
Ich habe Füße und kann nicht gehen,	У меня есть ноги, но я не могу
Ich habe Ohren und kann nicht hören,	ходить,
Ich kann Getränk und Speis' entbehren,	У меня есть уши, но я не слышу,

Ich scheu' nicht Kälte und nicht Hitze.   Я могу обходиться без пищи и воды,
 Nimm mir ein Zeichen von der Spitze,   Я не боюсь ни холода, ни жары.
 Setz' es geschickt darauf ans Ende,   Возьми мою первую букву и поставь
 Und lese nochmals mich behände,   ее в конец, и прочитай меня еще раз,
 Berg' ich in gar zu kleinem Raum   Во мне, в совсем небольшом
 In meinem Inneren – einen Baum   пространстве, таится дерево.
 [Drechsel].

Логогриф И. Дрекслея также можно условно разделить на три части. Текст начинается и заканчивается самопредставлением энигматов «Leiche» («Труп») и «Eichel» («Желудь»), в которых нарратор выступает в роли говорящего о себе как об объекте повествования. Разделяющее данные монологи обращение к адресату, которое содержит инструкцию по порядку чтения буквенного состава обозначающей первый энигмат лексемы, актуализирует роль загадывающего лица у нарратора и отгадывающего у наррататора.

Обобщая изложенное, можно представить данный подтип субъектной структуры первого типа с помощью схемы (рисунок 1).

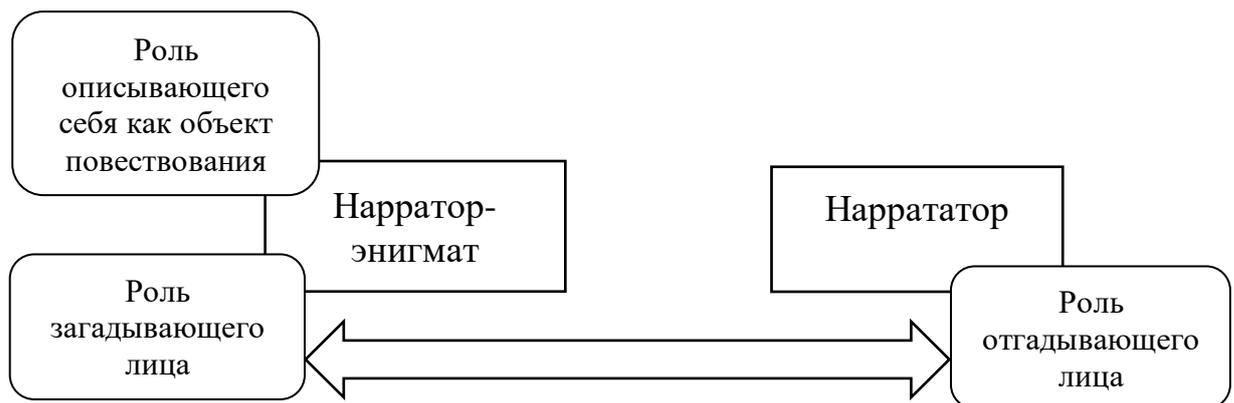

Рисунок 1 – Субъектная структура текстов с нарратором-энигматом.

Подтип 1

Второй подтип субъектной структуры с нарратором-энигматом характеризуется двуплановым взаимодействием нарратора и наррататора. В текстах со структурой первого подтипа языковую репрезентацию получает

роль наррататора как отгадывающего лица. В текстах со структурой второго подтипа, помимо этого, вербализуется его роль как объекта повествования. В качестве примера рассмотрим энигматический текст К. А. Кортума (энигмат «Mond» («Луна»)):

Nicht Misanthrop, von Menschen doch entfernt;	Не мизантроп, но все же далек от людей;
Nicht Ehemann, doch nächtlich oft gehöret <...>	Не супруг, но часто присутствую по ночам <...>
Lauf' ohne Füße leicht und schnell daher;	Легко и быстро исчезаю, не имея ног;
Du säh'st mich nie, wenn jenes Ding nicht wär, Vor diesem war ich in der Götter Reih.	Ты бы никогда не увидел меня, если бы не существовало того, перед кем я находился в черед богов.
Vier Wochen geb' ich dir; nun rate, wer ich sey? [Cortum]	Я даю тебе четыре недели; ну-ка отгадай, кто я?

В этом тексте самопрезентация наррататора-энигмата происходит при участии наррататора: наррататор обращается к адресату, вовлекая его в характеристику своей связи с солнцем и влияния времени своего обращения вокруг Земли на формирование календаря («Du säh'st mich nie, wenn jenes Ding nicht wär» («Ты бы никогда не увидел меня, если бы не существовало того»); «Vier Wochen geb' ich dir» («Я даю тебе четыре недели»)). Прямое обращение наррататора-энигмата к наррататору в данном фрагменте эксплицирует, таким образом, их взаимодействие в роли объектов повествования, находящихся в одном фиктивном пространстве. Экспликация ролей загадывающего и отгадывающего лица осуществляется посредством заключительного предложения, содержащего призыв к отгадыванию: «Nun rate, wer ich sey?» («Ну-ка отгадай, кто я?»).

Схематично данный подтип анализируемой субъектной структуры мы изображаем следующим образом:

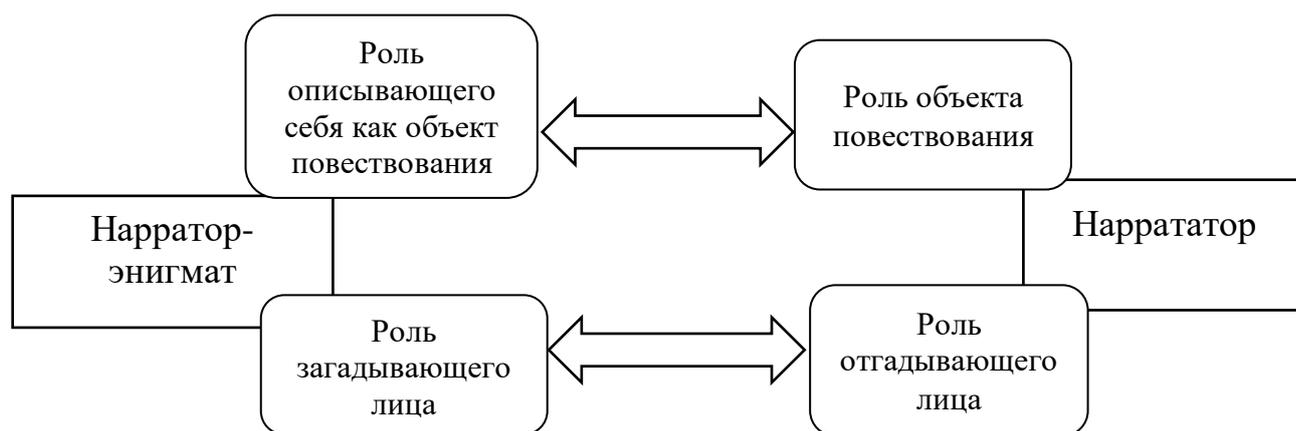

Рисунок 2 – Субъектная структура текстов с нарратором-энигматом.

Подтип 2

Отличием третьего подтипа субъектной структуры текстов с нарратором-энигматом является отсутствие вербальной экспликации ролей загадывающего и отгадывающего загадку у нарратора и наррататора. В текстах актуализируется их взаимодействие только в качестве объектов повествования. Так, в энигматическом тексте И. Г. Тиле (энигмат «Laus» («Вошь»)) самопредставление нарратора-энигмата осуществляется посредством характеристики его взаимодействия с наррататором: перед нами метафорическое описание того, как вши мешают человеку, и указание на гребень как средство борьбы с ними:

Tief im Wald des Bergs verkrochen,

Stör ich stündlich deine Ruh.

Verbannen nicht, nicht unterjochen,

Vertilgen kannst mich du.

Nur schwerlich ohne Rechen

Wirst du mein Häufgen schwächen

[Thiele].

Глубоко в лесу на вершине горы,

Я ежечасно нарушаю твой покой.

Ты не можешь меня ни прогнать,

ни покорить, ни уничтожить.

Едва ли у тебя получится

ослабить мою мощь без граблей.

Усилению прагматического воздействия в текстах с подобной субъектной структурой способствует номинация адресатов в прямом обращении к ним:

<p>Gesteht's! Ihr liebt mich, holde Schönen! Nur mich zu haben wünscht ihr nicht. Ihr, stärkeren Geschlechts, harrt lange mein voll Sehnen; und komm ich, euern Wunsch zu krönen, verbannt ihr mich aus eurem Angesicht. Umsonst – was ihr beginnt, mein Bleiben zu verwehren beschleunigt nur mein Wiederkehren [Deutsches Rätselbuch 1972, S. 150].</p>	<p>Признайтесь! Вы любите меня, милые красавицы! Только обладать мной вы не желаете. А вы, представители сильного пола, жаждете получить меня; и когда я наконец являюсь к вам, вы гоните меня со своего лица. Напрасно – то, что вы делаете для моего изгнания, лишь ускоряет мое возвращение.</p>
---	---

В энигматическом тексте Ф. Гауга (энигмат «Bart» («Борода»)) осуществляется конкретизация наррататоров посредством обращения к ним как к «милым красавицам» («holde Schönen») и к «представителям сильного пола» («Ihr, stärkeren Geschlechts»). Таким образом, самопрезентация наррататора-энигмата в роли объекта повествования реализуется через его взаимодействие с наррататорами в роли лиц женского и мужского пола.

В тексте И. Г. Тиле («Tisch» («Стол»)) конкретизация адресата вербализуется в обращении к нему как к «корыстному простофилю» («Du eigennütziger Tropf»), что отражает негодование энигмата своим создателем в изображаемом в тексте фиктивном пространстве:

<p>Kein einzig Glied zur Freude, Kein Maul zur Schnabelweide, Zum Denken keinen Kopf, Du eigennütziger Tropf! Nur einen dürren Rücken, Mit Lasten ihn zu drücken, Nur Füße gabst du mir,</p>	<p>Ни одной части тела для удовольствия, ни рта для лакомства, ни головы для мыслей, не дал ты мне, корыстный простофиля! Только костлявую спину, чтоб неимоверно нагружать ее,</p>
--	---

Zu stehn, zu harren dir [Thiele d].   только ноги, чтоб стоять и ожидать
тебя.

Такого рода номинация нарраторов в роли объектов повествования может служить подсказкой в процессе декодирования энигмата, поскольку рассмотрение энигмата с перспективы лица определенного пола или с определенными чертами характера подразумевает более узкий круг возможных ответов.

Проиллюстрируем данный подтип субъектной структуры первого типа (рисунок 3).

Рисунок 3 – Субъектная структура текстов с нарратором-энигматом.

Подтип 3

В энигматических текстах четвертого подтипа субъектной структуры присутствуют языковые средства экспликации нарратора-энигмата исключительно в роли объекта повествования:

Nach einer Frucht bin ich benannt	Меня назвали в честь фрукта,
Die als wohlschmeckend ist bekannt;	который, как известно, приятен на
Doch hat mich niemand je verzehrt.	вкус;
Bei Hofe bin ich sehr geehrt;	Но никто никогда не ел меня.
Man hat das Kreuz auf mich gestellt,	При дворе меня очень почитают;
So werd' ich zum Symbol der Welt	На меня возложили крест,
[Schulze].	Так я стал символом мира.

Ich zog da aus,	Я вышел оттуда,
-----------------	-----------------

2) нарратор-энигмат актуализирован в роли описывающего себя как объект повествования и в роли загадывающего лица; взаимодействие с наррататором осуществляется в обеих ролях;

3) нарратор-энигмат актуализирован в роли описывающего себя как объект повествования и взаимодействует с наррататором в такой же роли;

4) нарратор-энигмат актуализирован в роли описывающего себя как объект повествования; взаимодействие с наррататором отсутствует.

2.2.2 Эксплицитный нарратор как субъект речи

Субъектом речи в рассматриваемой группе текстов выступает созданный автором нарратор, в разной степени взаимодействующий с адресатом. Мы называем этот тип субъекта речи эксплицитным нарратором, поскольку он обнаруживает свое присутствие в текстах через личные местоимения 1-го лица единственного и множественного числа, глаголы в форме 1-го лица и адресованные читателю побудительные и вопросительные предложения, упоминающие энигмата в третьем лице. Наличие такого рода нарратора увеличивает количество участников художественной коммуникации в энигматоре и, соответственно, количество подтипов субъектной структуры.

Первый подтип данной субъектной структуры характеризуется экспликацией роли нарратора как загадывающего лица посредством клишированных формул:

- «ich kenne/weiß («я знаю») + заместительный объект энигмата»;
- «ich habe gesehen («я видел») + заместительный объект энигмата»;
- «mein Wort ist/nennt («мое слово это/называет») + заместительный объект энигмата».

Рассмотрим два энигматических текста, содержащих такие клишированные формулы:

<p>Ich kenn' ein schön gebautes Haus, Da gehen täglich ein und aus Viel fleiß'ge, brave Leute, Zu sammeln süße Beute [Schulze b].</p>	<p>Я знаю прекрасно построенный дом, там каждый день приходят и уходят Много трудолюбивых, добрых людей, чтобы собрать сладкие трофеи.</p>
--	---

<p>Fünzig Schwestern nennt mein Wort, Die mit Tieren und Tritonen In des Meeres Abgrund wohnen, Mit Delphinen spielen dort, Von dem Vater, der bekannt, Sind die Kinder so genannt [Castelli c].</p>	<p>Пятьдесят сестер мое слово зовет, Которые со зверями и тритонами Обитают в пучине морской, Играют там с дельфинами, Отцом известным так названы эти дети.</p>
---	---

Данные формулы имплицитно указывают на то, что нарратор обращается к реципиенту, от которого ждет декодирования загаданного им объекта. Однако, как следует из приведенных примеров, в энigmatорах отсутствует вербальная актуализация какой-либо роли наррататора. То есть в них представлен монолог наррататора, в котором дается описание признаков энigmatа. В обоих примерах для номинации энigmatа используются характеризующие заместительные объекты: в тексте Ф. Э. Шульце энigmat «Bienenkorb» («Улей») замещается метафорой «ein schön gebautes Haus» («прекрасно построенный дом»), в тексте И. Ф. Кастелли энigmat «Nereiden» («Нереиды») обозначен необразной перефразой «fünzig Schwestern» («пятьдесят сестер»).

Подобный подтип субъектной структуры второго типа проиллюстрируем с помощью схемы (рисунок 5).

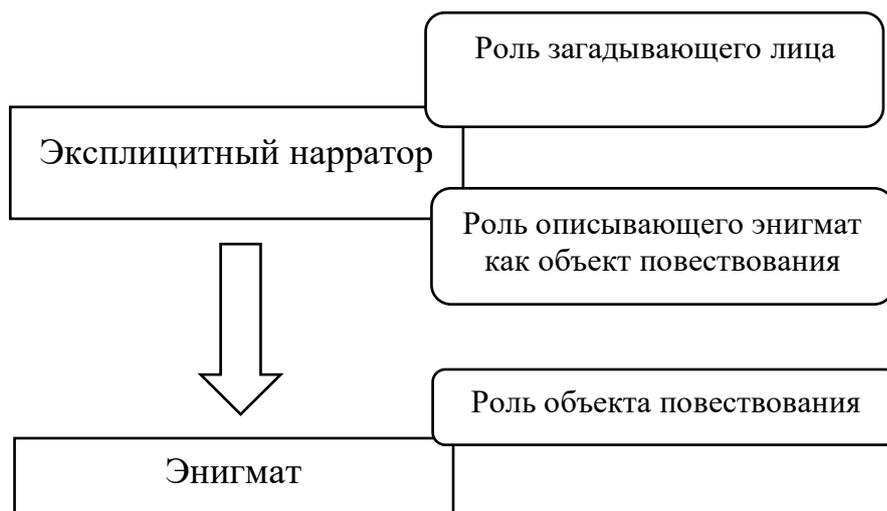

Рисунок 5 – Субъектная структура текстов с эксплицитным нарратором. Подтип 1

Отличие следующего подтипа субъектной структуры состоит в смене роли эксплицитного нарратора. В ряде текстов нарратор выступает как описывающий себя в качестве объекта повествования, взаимодействующего с энигматом в определенной фиктивной ситуации. При этом маркеры вовлечения нарратора в той или иной роли в фиктивную коммуникацию отсутствуют, как и в текстах предыдущего подтипа. Приведем в качестве примера тексты Х. Тирша и Э. Бушора:

Nach einem Regen ging ich aus,	После дождя я вышел на улицу,
Am Wege fand ich da ein Haus –	У дороги я нашел дом –
Doch keine Herberg gab es mir;	Но не дал он мне приюта;
Kein Fenster hat's, nur eine Tür;	Нет окон, только дверь;
Es saß schon ein Bewohner drin,	В нем уже был жилец,
Das Ausgeh'n kam ihm nicht in Sinn	Который и не думал выходить.

[Thiersch].

Eigensinniger Kamerad
 Ich zog einst nach Rom
 Zu Sankt Peters Dom.

Своенравный товарищ
 Однажды я поехал в Рим.
 В собор Святого Петра.

Mein treuer Begleiter	Мой верный спутник
(Gleichen Rangs und Geschlechts!)	(Того же звания и пола!)
Ging nachmittags links	После обеда шел слева,
Und vormittags rechts [Buschor].	А до обеда – справа.

В энигматоре текста Х. Тирша (энигмат «Schneckenhaus» («раковина улитки»)) вербализация взаимодействия нарратора и энигмата осуществляется посредством описания нарратором своей встречи как некоего лица, совершающего прогулку, с домом, в котором ему не оказали радушного приема. Дом в данном случае представляет метафоричный характеризующий заместительный объект энигмата. В тексте Э. Бушора (энигмат «Schatten» («тень»)) выявляется самопрезентация нарратора как путешественника, чьим сопровождающим выступает «верный спутник того же звания и пола». Энигмат «Schatten» («тень»), таким образом, представлен в тексте развернутой метафорой, характеризующей такие его признаки, как «близкое сходство со своим источником» и «нахождение в непосредственной близости к своему источнику».

В некоторых текстах отмечается наличие прямого обращения нарратора к энигмату, т. е. повествование о нем ведется не в третьем лице, как в предыдущих двух примерах. Рассмотрим энигматические тексты И. Г. Мозера, К. Э. Шмидта и Р. Хагенбаха:

Du Heilige, die kein Kalender nennt.	О, святая, которой нет названия в
Für die mein Herz in heißer Liebe	календаре. К которой мое сердце
brennt <...>	пылает горячей любовью <...>
Wie selig wär' in deinem Schoß zu	Как блаженно было бы покоиться в
ruhn,	твоих объятьях,
Wie brächtest Frieden du ins arme	Ты могла бы принести мир бедному
Herz <...>	сердцу <...>
Wie wäre, zeigtest du dich unverhüllt,	Если бы ты явила себя такой, какая
	ты есть,

Рисунок 6 – Субъектная структура текстов с эксплицитным нарратором. Подтип 2

Для третьего подтипа характерно наличие маркеров экспликации нарратора в роли отгадывающего лица. Взаимодействие нарратора с наррататором в данной роли вербализуется главным образом посредством обращения нарратора к адресату с призывом отгадать представленный им объект действительности. Рассмотрим несколько текстов с подобной субъектной структурой.

1

Hundert kleine Kügelchen
hängen im Sonnenscheine,
jedes ist ein Krügelchen,
voll von süßem Weine.
Und nun rat, mein Klügelchen,
was ich da wohl meine [Deutsches
Rätselbuch 1972, S. 239].

Сотни маленьких шариков
висят в лучах солнца,
Каждый из них – кувшинчик,
полный сладкого вина.
А теперь отгадай, мой умный,
что я имею в виду?

2

Nenne nur, wenn du es weißt,
Wie man oft ein Fässchen heißt,
Oben recht gut zugedeckt,

Назови-ка это, если ты знаешь,
как часто называют бочонок,
довольно хорошо закрытый сверху,

Drein man manchen Vorrat steckt;
 Öfters so die Wanne auch
 Wird benannt nach Landesbrauch
 [Castelli e].

в котором хранят запасы;
 А в некоторых регионах чаще так
 называют ванну.

3

Messer und Gabel und Gabel und
 Messer
 Du Rätsellöser, besser
 Als Oedip in der Fabel,
 Sag an! Was für ein Messer
 Sieht aus wie eine Gabel?
 Und nochmals schwing den Säbel
 Du Rätseleisenfresser,
 Und sag welch eine Gabel
 Wird nur gebraucht als Messer?
 [Deutsches Rätselbuch 1972, S. 251]

Нож и вилка и вилка и нож
 Ты, кто разгадывает загадки, ответь
 лучше, чем это когда-то сделал
 Эдип!
 Какой нож выглядит как вилка?
 И еще раз подними саблю,
 ты, боец с загадками,
 и скажи, какая вилка
 используется только как нож?

4

Es ist kein Haus, doch baut man es,
 man isst es nicht, doch kaut man es,
 wenn man's nicht kaut, verbrennt man
 es.
 Ihr kennt es; sagt: wie nennt man es?
 [Güll]

Это не дом, но его строят,
 его не едят, но его жуют,
 если его не жуют, то его сжигают.
 Вы знаете это; скажите:
 Как это называется?

Как следует из примеров, обращение к адресату не имеет фиксированной позиции в энигматоре: в текстах Ф. Гюля (1 – энигмат «Weintraube» («Виноград»); 4 – энигмат «Tabak» («Табак»)) призыв назвать загаданное завершает презентацию энигмата; в загадке И. Ф. Кастелли (2 – энигмат «Tiene» («Бадья»)) обращение предваряет характеристику энигмата, сразу вовлекая адресата в поиск верного ответа; энигматор загадки Ф. Brentano (3 – энигмат «Stimmgabel» («Метроном»)) представляет собой

переплетение обращений к наррататору и призывов к отгадыванию с характеристиками энigmat. Наряду с призывом назвать верный ответ обращение к адресату может содержать другой вид интенции. Например, в примере 4 наррататор эксплицирует поддержку наррататору, заверяя его в том, что он знает правильное решение: «Ihr kennt es» («Вы это знаете»).

Средства номинации адресата также демонстрируют разнообразие: в текстах 2 и 4 вербализация наррататора осуществляется нейтральным способом, а именно посредством личных местоимений второго лица единственного числа «du» («ты») и множественного числа «ihr» («вы»), в то время как в двух других примерах для этого применяются эмоционально окрашенные языковые единицы. Наррататор в тексте Ф. Гюля обозначается диминутивом «mein Klügelchen» («мой умный»), что, с одной стороны, объясняется стремлением к соблюдению стихотворного размера и рифмы («Kügelchen» – «Krügelchen» – «Klügelchen»), с другой стороны, данные лексемы конкретизируют образ адресата как личности, способной к размышлению («Klügelchen» от глагола «klügeln» («размышлять, ломать голову»)). В тексте Ф. Brentano номинация адресата осуществляется с помощью лексем «Rätsellöser» («отгадывающий загадки») и «Rätselisenfresser» («боец с загадками»). В первом случае, как и в предыдущем примере, происходит конкретизация наррататора, эксплицируется обращение наррататора именно к тому, кто отгадывает загадки. Кроме того, призыв ответить лучше, чем когда-то ответил Эдип («Du Rätsellöser, besser als Oedip in der Fabel, sag an!»), может быть интерпретирован как имплицитная надежда адресанта на выдающиеся способности адресата и/или как указание на сложность загадки. Второе наименование наррататора эксплицирует насмешливую неуверенность наррататора в его умении декодировать загаданный объект («Rätselisenfresser» от «der Eisenfresser» – уничиж. «наглый хвостун, особенно в военной сфере»).

Контекстуальное сопоставление двух наименований наррататора является основанием для предположения об ироничном отношении наррататора

к интеллектуальным возможностям адресата. Сложность загадки, в свою очередь, обусловлена игрой слов в энигматоре: уже в самом заголовке нарратору предлагается сочетание двух лексем, которые в первую очередь вызывают ассоциации со столовыми приборами («Messer und Gabel» («Нож и вилка»)). Характеристика энигмата также происходит с их помощью. Для успешного декодирования энигмата нарратору необходимо интерпретировать данные лексемы не как столовые приборы, а обратиться к значению менее употребимой языковой единицы «der Messer» («измерительный прибор»), являющейся омонимом лексемы «das Messer» («нож»). Такой же способ усложнения процесса дешифровки используется в энигматическом тексте 4. Характеристика энигмата «Es ist kein Haus, doch baut man es» («Это не дом, но его строят») содержит языковую единицу, служащую для обозначения двух омонимов: «bauen» («строить») и «bauen» («выращивать, возделывать»). Поскольку в характеристике упоминается дом, то можно предположить, что в первую очередь лексема «bauen» будет интерпретироваться как обозначающая «возводить дом», и данная интерпретация будет ложным шагом в процессе декодирования энигмата.

Актуализация роли энигмата как объекта повествования реализуется в текстах с подобной структурой посредством того, что нарратор дает информацию об энигмате в третьем лице. Для номинации энигмата используются языковые единицы, обозначающие нейтральные или характеризующие заместительные объекты энигмата. Так, в приведенных примерах некоторые заместительные объекты являются метафорами энигматов, содержащими их определенные характеристики: энигмат «Weintraube» («Виноград») обозначается как «Kügelchen» («шарик», характеристика формы) и «Krügelchen» («кувшинчик», характеристика формы и функции) (текст 1); энигмат «Stimmgabel» («Метроном») – как «Messer» («измерительный прибор», характеристика функции) и «Gabel» («вилка», характеристика формы) (текст 3). Примером неметафоричного характеризующего заместительного объекта является номинация энигмата

«Tiene» («Бадья») (текст 2) с помощью синонимов обозначающей его языковой единицы: «Fässchen» («бочонок») и «Wanne» («ванна»). Нейтральный заместительный объект представлен в тексте 4 в качестве личного местоимения 3 лица единственного числа «es» («оно, это»), которое соотносится в изучаемых текстах не только с именами существительными среднего рода, но и с таковыми мужского, женского рода и во множественном числе.

Проиллюстрируем описанный подтип субъектной структуры второго типа схемой (рисунок 7).

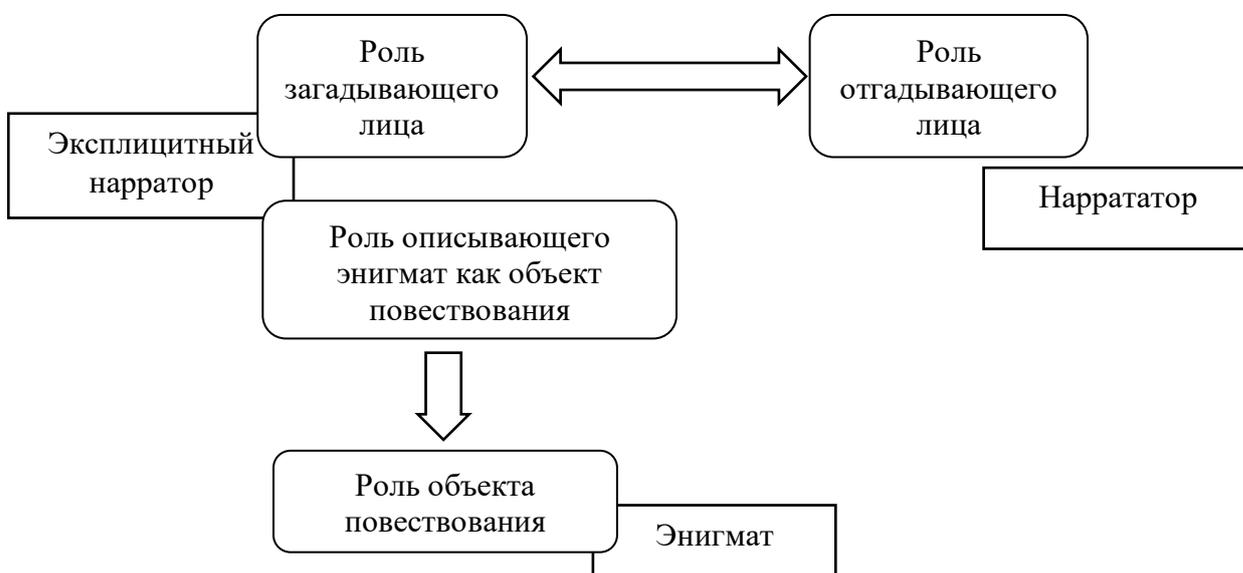

Рисунок 7 – Субъектная структура текстов с эксплицитным нарратором.

Подтип 3

Отличием следующего подтипа субъектной структуры от предыдущего является наличие в энигматоре актуализации двух ролей наррататора: роли отгадывающего лица и роли объекта повествования. То есть нарратор в роли загадывающего лица не только призывает адресата к ответу, но и вовлекает его во взаимодействие с энигматом в созданном фиктивном пространстве. Степень данного вовлечения может быть разной: от однократного упоминания связи энигмата с адресатом до многократного описания их взаимодействия. Рассмотрим данные особенности на примере энигматических текстов Ю. Кернера и Ф. Шефера.

Kennst du den seltenen Kristall,
er deutet strahlend himmelwärts,
rund ist er wie das blaue All <...>

wenn Lieb und Leiden dir's zerbricht,
zerfließet er in Strahlen ganz [Flog
Vogel federlos 1967, S. 34].

Hoch zwischen zwei klaren und
herrlichen Seen,
da wohnt es <...>
Nie sahst du es reiten, nie führt es die
Zügel, doch hat's ein Sattel, trägt's
goldene Bügel <...>
Zuweilen auch läuft es, oft gehst du
ihm nach <...>
Kannst du's nicht erraten? Hör doch,
wie man lacht!
Lang hast in der Kindheit du's selbst
schon gemacht! [Deutsches Rätselbuch
1972, S. 257]

Знаешь ли ты редкий кристалл,
Излучая свет, он устремлен в небо,
круглый, как голубая вселенная
<...>

когда любовь и страдание
разрушают у тебя это сияние,
кристалл полностью растворяется в
потоках воды.

Высоко между двумя чистыми и
прекрасными озерами,
там живет это <...>
Ты никогда не видел это верхом, это
никогда не держит поводья, но у
него есть седло и золотые стремяна
<...> Иногда это бежит, часто ты
следуешь за ним <...>
Разве ты не можешь отгадать, что
это? Послушай, как смеются вокруг!
Ты сам делал это длинным в
детстве!

В тексте Ю. Кернера (энигмат «das Auge» («Глаз»)) актуализация роли наррататора как отгадывающего лица происходит с помощью вопроса наррататора «Kennst du den seltenen Kristall» («Знаешь ли ты редкий кристалл»), в котором присутствует нейтральное наименование адресата «du» («ты») и характеризующий заместительный объект энигмата «der seltene Kristall» («редкий кристалл»). Роль наррататора как объекта повествования эксплицируется в строках «wenn Lieb und Leiden dir's zerbricht, zerfließet er in Strahlen ganz» («Когда любовь и страдание разрушают у тебя это сияние,

кристалл полностью растворяется в потоках воды»). Нарратор помещает энигмат и адресата в общее фиктивное пространство и посредством прямого обращения к адресату указывает на его связь с загаданным объектом. Таким же образом актуализируется роль наррататора как объекта повествования в тексте Ф. Шефера (энигмат «Nase» («Нос»)), в котором энигмат несколько раз характеризуется посредством описания его взаимодействия с адресатом. Следует отметить, что в двух случаях нарратор ожидает от адресата распознавания фразеологических единиц, используемых для характеристики энигмата: «oft gehst du ihm nach» («часто ты следуешь за ним») (фразеологизм «immer der Nase nach» («идти прямо»)); «Lang hast in der Kindheit du's selbst schon gemacht!» («Ты сам делал это длинным в детстве!») (фразеологизм «jemandem eine lange Nase machen» («высмеивать, дразнить кого-л»)). То есть для декодирования ситуаций взаимодействия с энигматом адресату необходимо в первую очередь декодировать фразеологические единицы.

Данный подтип анализируемой субъектной структуры представим в виде схемы (рисунок 8).

Рисунок 8 – Субъектная структура текстов с эксплицитным нарратором.

Подтип 4

Пятому подтипу субъектной структуры анализируемых текстов присуща актуализация роли наррататора только в качестве объекта повествования, взаимодействующего с энигматом в роли объекта

повествования и с нарратором в роли загадывающего лица. Рассмотрим тексты К. Э. Шмидта и Ф. Шиллера:

Am Fenster hält's; im Weine wird's zu Gift.	На окне это держит; в вине это становится ядом.
Doch wird ein schwarzer Freund zum Beistand ihm gegeben, So hüte dich! Das Kind der Hölle trifft Dir Leib und Leben! [Schmidt b]	Но если ему дается в помощь черный друг, Берегись! Дитя ада попадет в твое тело и твою жизнь!
Es führt dich meilenweit von dannen Und bleibt doch stets an seinem Ort <...>	Это уводит тебя в дальние дали. И все же всегда остается на своем месте <...>
Und durch das größte aller Meere Trägt es dich mit Gedankenflug; Ihm ist ein Augenblick genug [Flog Vogel federlos 1967, S. 21].	И через самые необъятные моря Это несет тебя со скоростью мысли; Для этого ему достаточно мгновения.

В энигматоре текста К. Э. Шмидта нарратор предостерегает адресата от смертельного воздействия энигмата («Blei» («Свинец»)) в случае сопровождения последнего «черным другом» (метафора лексемы «порох»). Для номинации энигмата используются два заместительных объекта: нейтральный «es» («это») и характеризующий «das Kind der Hölle» («дитя ада»); присутствие нарратора вербализуется с помощью нейтральной лексической единицы «du» («ты») в винительном и дательном падежах.

Энигматор текста Ф. Шиллера представляет описание нарратором взаимодействия нарратора и энигмата «Das Sehrohr» («Подзорная труба»), речь нарратора при этом обращена к нарратору. Вербализация обоих объектов повествования осуществляется с помощью средств нейтральной номинации: энигмат обозначен лексемой «es» («это»), нарратор – местоимением «du» («ты») в винительном падеже.

Описанный подтип субъектной структуры схематично представлен на рисунке 9.

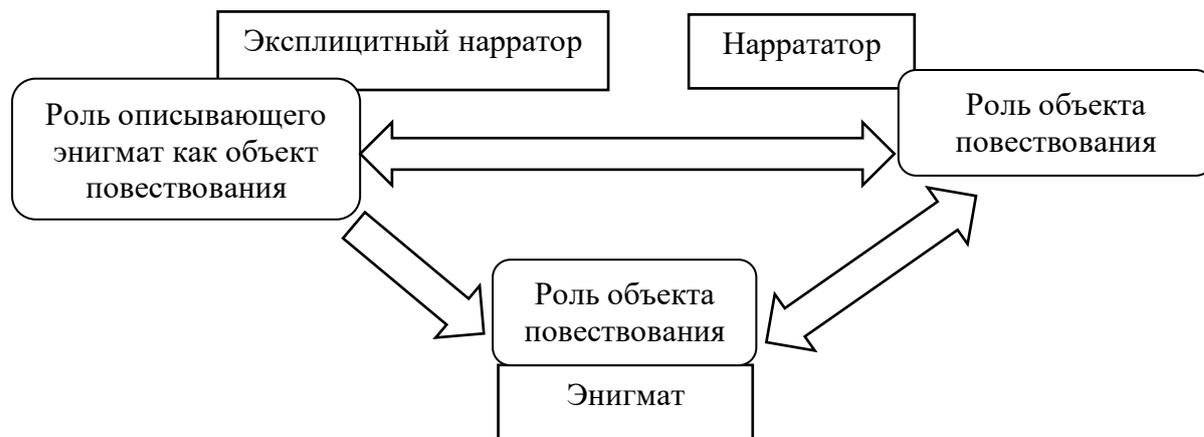

Рисунок 9 – Субъектная структура текстов с эксплицитным нарратором. Подтип 5

Шестой подтип субъектной структуры текстов с эксплицитным нарратором отличается от пятого изменением роли нарратора: он взаимодействует с энигматом и с нарратором в качестве действующего лица в общем фиктивном пространстве. То есть в энигматорах текстов с данным подтипом субъектной структуры присутствуют маркеры вербализации трех объектов повествования: нарратора, энигмата и нарратора. Приведем в качестве примера текст Ф. Штольце.

Es ist ein Dach, schön ausgespannt,	Это прекрасная крыша,
Ist eine Wölbung allbekannt,	Это всем известный свод,
Und ist oft blau, oft schwarz, oft rot,	Это часто синее, часто черное, часто
Und eine Zuflucht in der Not.	красное, и убежище в беде.
Ich habe auf des Montblanc Höhn	Я видел его самого над собой
Ihn selbst noch über mir gesehn;	на высотах Монблана;
Da war er schwarz, und Ungestüm	Тогда он был черным, и с него
Schoss Hagel da herab von ihm <...>	неистово срывался град <...>
Vergiss ihn nie in Glück und Leid!	Не забывай его ни в радости, ни в
Er ist ein Trost in trüber Zeit! [Stoltze]	горе!

Он – утешение во время мрачных
времен!

В энигматоре данного текста нарратор сообщает о том, что он видел энигмат «Regenschirm» («Зонт») в горах, характеризует энигмата и описывает обстоятельства их встречи. В заключение он обращается к нарратору и призывает при любых обстоятельствах брать с собой описываемый объект. Особое внимание при анализе данного текста заслуживают заместительные объекты энигмата. В первых четырех строках энигмат представлен семантически нейтральным местоимением «es» («это») и именной частью составного сказуемого «ein Dach» («крыша»), впоследствии его номинация осуществляется с помощью личного местоимения мужского рода «er» («он») в именительном, винительном и дательном падежах. Поскольку данное местоимение соответствует грамматическому роду лексемы, обозначающей энигмат (der Regenschirm, артикль «der» – маркер мужского рода имен существительных), считаем данный заместительный объект характеризующим. Можно предположить, что подобная смена заместительных объектов энигмата в рамках одного энигматора служит имплицитным индикатором актуализации роли нарратора в качестве загадывающего лица.

В ряде энигматических текстов экспликация ролей нарратора и наррататора в качестве объектов повествования происходит посредством личного местоимения «wir» («мы»), имеющим значение инклюзивности, т. е. выражающим сопричастность и нарратора, и наррататора к описываемому в энигматоре. Например, в тексте И. В. фон Гете (энигмат «Die Zähne» («Зубы»)) нарратор не обращается напрямую к нарратору, но вовлекает его во взаимодействие с энигматом с помощью инклюзивного «мы». Сам энигмат представлен в энигматоре метафоричным характеризующим заместительным объектом «die besten Freunde» («лучшие друзья»):

Die besten Freunde, die wir haben,   Лучшие друзья, которые у нас есть,

sie kommen nur mit Schmerzen an,
 und was sie uns für Weh getan,
 ist fast so groß als ihre Gaben.
 Und wenn sie wieder Abschied
 nehmen,
 muss man zu Schmerzen sich
 bequemen
 [Flog Vogel federlos 1967, S. 19].

приходят только с болью,
 и та боль, которую они нам
 причиняют,
 почти так же велика, как их дары.
 И когда они снова прощаются с
 нами,
 мы должны быть готовы к боли.

Обобщая изложенное, проиллюстрируем данный подтип субъектной структуры с помощью схемы (рисунок 10).

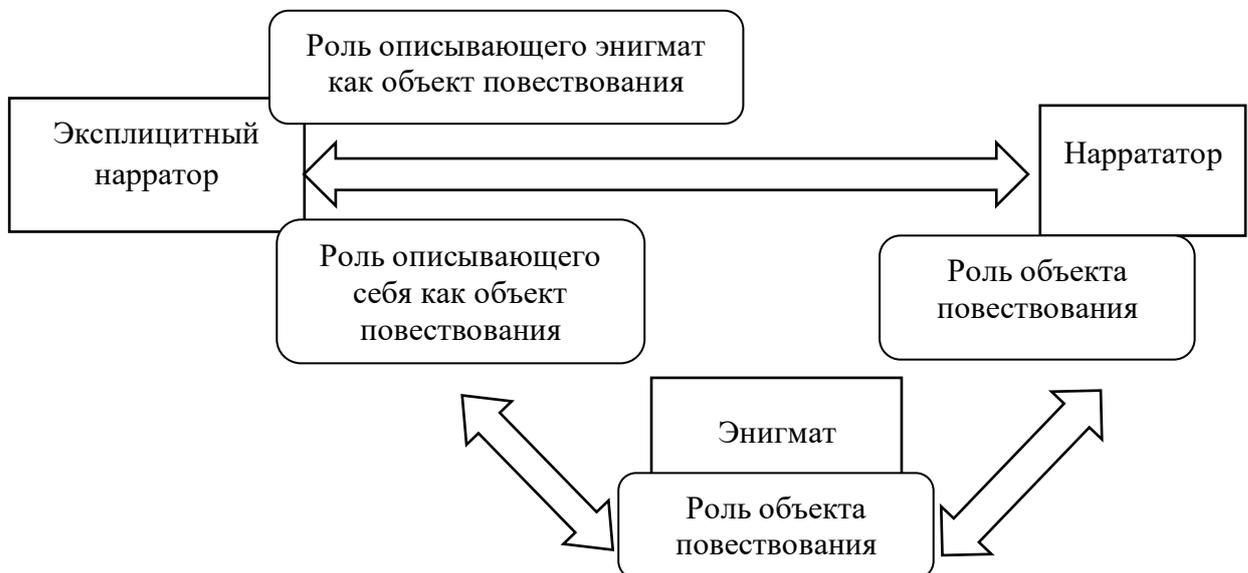

Рисунок 10 – Субъектная структура текстов с эксплицитным нарратором. Подтип б

Таким образом, анализ энигматических текстов, субъектом речи в которых выступает эксплицитный нарратор, позволяет выделить шесть подтипов субъектной структуры данных текстов:

- 1) эксплицитный нарратор актуализирован в роли загадывающего лица, повествующего об энигмате;
- 2) эксплицитный нарратор актуализирован в роли описывающего себя как объект повествования, при этом он взаимодействует с энигматом в роли объекта повествования;

3) эксплицитный нарратор повествует об энигмате и в роли загадывающего лица взаимодействует с наррататором в роли отгадывающего лица;

4) взаимодействие эксплицитного нарратора и наррататора осуществляется в ролях загадывающего лица и отгадывающего лица; наррататор представлен также в качестве объекта повествования;

5) эксплицитный нарратор описывает энигмат, при этом актуализируется взаимодействие наррататора и энигмата как объектов повествования.

6) эксплицитный нарратор, наррататор и энигмат актуализированы в роли взаимодействующих друг с другом объектов повествования.

Общим для всех подтипов является реализация роли нарратора как лица, описывающего энигмат в качестве объекта повествования.

2.2.3 Имплицитный нарратор как субъект речи

Главной характеристикой третьей крупной группы энигматических текстов в аспекте субъектной структуры является отсутствие языковых маркеров самопрезентации субъекта речи и его взаимодействия с наррататором, что позволяет говорить о повествовании от лица имплицитного нарратора. Тексты представляют собой презентацию энигмата через описание его внешних и внутренних характеристик, рода деятельности или характера взаимодействия с другими объектами действительности. Номинация энигмата осуществляется как посредством нейтральных, так и характеризующих заместительных объектов. Характеризующие заместительные объекты энигматов выражены, как правило, лексемами, представляющими метафорическое осмысление закодированных объектов действительности. Например, в тексте Ф. Рюкерта энигмат «Schreibkiel» («Перо для письма») актуализируется в энигматоре посредством олицетворения «ein unvernünftiges

Geschöpf» («неразумное создание»), что позволяет представить характеристики обычного канцелярского предмета как путешествие некоего существа:

Es geht ein unvernünftiges Geschöpf,	По гладким равнинам бродит
Geführt von kund'ger Hand auf glatten	неразумное создание,
Flächen...	ведомое знающей рукой...
Und wenn's auf seinem Gange durstig	И если во время своего пути оно
wird,	чувствует жажду,
Tränkt man dazwischen es an trüben	Его поят в мутных ручьях.
Bächen [Rückert].	

Рассмотрим другие примеры подобных репрезентантов энигмата: энигмат «der Nebel» («Туман») представлен в энигматоре лексемой «ein Vorhang» («занавес»); энигмат «Bienenzüchter» («Пчеловод») фигурирует в энигматоре как «ein Vater» («отец»); заместительный объект энигмата «Dampflokomotive» (Паровой локомотив) – «Drachen» («дракон»); энигмат «Kerze» («Свеча») актуализирован в энигматоре словосочетанием «ein zartschlankes Fräulein» («нежная хрупкая девушка»); у энигмата «Blitz» («Молния») два заместительных объекта: «eine Schlange» («змея») и «Ungeheuer» («чудовище»); энигмат «Zähne» («Зубы») вербализуется в энигматоре словосочетанием «32 Kameraden» («32 товарища»). Заместительные объекты такого рода являются сжатой репрезентацией одного или нескольких признаков энигмата и в зависимости от сложности построения метафоры затрудняют или упрощают процесс декодирования энигмата. Так, например, репрезентант энигмата «ein Vater» («отец») актуализирует ряд возможных характеристик искомого объекта: «старшинство», «главенство», «ответственность», «наличие потомства», «наличие теплых чувств к потомству» и др. Заместительный объект «32 Kameraden» («32 товарища»), напротив, сужает выбор репрезентируемых потенциальных признаков энигмата.

В ряде текстов в качестве заместительных объектов энигмата используются личные местоимения третьего лица. В случае совпадения грамматического рода и числа обозначающей энигмат лексемы и соответствующего репрезентанта в энигматоре можно предположить, что речь идет о характеризующих заместительных объектах, облегчающих процесс декодирования энигмата. Например, энигматы «Nadel» («Игла») и «Die Sonne» («Солнце») (грамматический род – женский) представлены в энигматоре местоимением «sie» («она»), энигматы «Fluss» («Река») и «Schlaf» («Сон») (грамматический род – мужской) – местоимением «er» («он»). Личное местоимение «es» («оно, это») в качестве репрезентанта энигмата в энигматоре мы рассматриваем как нейтральный заместительный объект, поскольку оно, как уже отмечалось, может обозначать объект любого грамматического рода и числа. Например, данным местоимением представлены в энигматоре энигматы «Das Bett» («Кровать») (грамматический род – средний), «Eine Kerze» («Свеча») (грамматический род – женский), «Rittersporn» («Живокость») (грамматический род – мужской).

Нейтральным заместительным объектом энигмата в текстах с описываемой субъектной структурой выступает также лексема «das Ding» («вещь, предмет»), используемая для обозначения неопределенного объекта и не несущая какую-либо смысловую нагрузку. Например, в тексте К. Кортума данной лексемой замещается энигмат «Muttermilch» («Грудное молоко»):

Ohne dieses Ding ward selten	Без этой вещи редко становился великим
Künstler, Held, Gelehrter, groß.	Художник, герой, ученый.
Ihnen gab das Frauenzimmer,	Женщина дала им возможность величия,
(Nicht aus eigenen Kräften bloß,)	(Но не собственными силами) <...>.
Ihre Größe <...> [Kortum d].	

В редких случаях отмечается отсутствие какого-либо наименования энигмата в энигматоре, что обусловлено, на наш взгляд, особенностями синтаксической структуры текста. Так, в текстах Ф. Шлейермахера (энигматы «Modérn» («Современный») и «Módern» («Гнить, разлагаться»)) и И. В. фон

Гете (энигмат «Teufel» («Черт»)) энигматоры состоят исключительно из эллиптических конструкций, в которых отсутствуют подлежащее и сказуемое:

Als Jambus erfreulich,	Как ямб прекрасно,
Als Trochäus abscheulich	Как трохей – отвратительно.

[Schleiermacher].

Dem frommen Manne nötig wie dem bösen,	Необходим как благочестивому, так и нечестивому,
dem ein Plastron, asketisch zu rapieren,	кому пластрон для аскетичного фехтования,
Kumpan dem andern, Tolles zu vollführen,	кому товарищ для безумств,
und beides nur, um Zeus zu amüsieren	и в обеих ролях только для того, чтобы позабавить Зевса.

[Goethe].

Исходя из изложенного, мы полагаем, что выбор того или иного способа номинации энигмата может зависеть как от намерения автора усложнить или упростить процесс дешифрования для адресата, так и от особенностей его метафорического мышления, а также определяться сюжетной линией энигматора.

Тип субъектной структуры изученной группы энигматических текстов представим в виде схемы (рисунок 11).

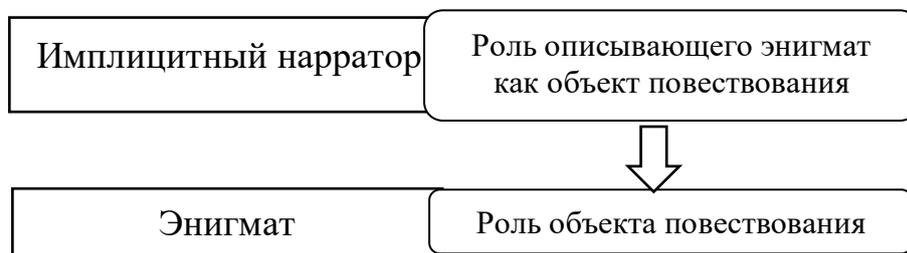

Рисунок 11 – Субъектная структура текстов с имплицитным нарратором

Таким образом, данные тексты не отличаются разнообразием субъектной структуры, как тексты с эксплицитно представленными субъектами речи, и поэтому не несут значительной прагматической нагрузки.

2.2.4 Полисубъектность авторского энигматического текста

Исследование субъектной структуры энигматических текстов показывает, что организация некоторых энигматоров выходит за рамки вышеописанных типов. Рассмотрим текст Э. Мёрике (энигмат «Spinnrocken» («Прялка»)):

<p>Ich bin eine dürre Königin, Trag' auf dem Haupt eine zierliche Kron'... Meine Frauen müssen mich schön frisieren, Erzählen mir Märlein ohne Zahl, Sie lassen kein einzig Haar an mir, Doch siehst du mich nimmer kahl. Spazieren fahr ich frank und frei, Das geht so rasch, das geht so fein, Nur komm ich nicht vom Platz dabei – Sagt, Leute, was mag das sein? [Deutsches Rätselbuch 1972, S. 236].</p>	<p>Я – тощая королева, ношу на голове изящную корону... Фрейлины должны делать мне красивую прическу, Они рассказывают мне бесчисленные сказки. Они не оставляют ни одного волоса на моей голове, Но ты никогда не увидишь меня без волос. Я вольна выезжать на прогулку, и она прекрасно проходит, Но при этом я не могу сойти со своего места – Скажите, друзья, что это может быть?</p>
--	---

В энигматоре данного текста присутствуют языковые маркеры двух субъектов речи: нарратора-энигмата и эксплицитного нарратора. Энигматор можно условно разделить на две части: первая часть представляет собой метафорическое самопредставление энигмата-нарратора с вовлечением в него

наррататора в роли объекта повествования, вторая часть – обращение эксплицитного наррататора к наррататору с просьбой отгадать представленный в первой части энигмат. Подтверждением наличия второго наррататора в тексте является пунктуационный знак (тире), разделяющий тема-рематический комплекс, и репрезентация энигмата посредством заместительного объекта, выраженного указательным местоимением «das» («это»). Данный заместительный объект указывает на то, что фраза «Sagt, Leute, was mag das sein?» («Скажите, друзья, что это может быть?») не принадлежит наррататору-энигмату.

В тексте Ф. Гауга (энигмат «Lots Frau» («Жена Лота»)) энигматор также состоит из двух частей, но, в отличие от предыдущего примера, принадлежность реплик тому или иному субъекту речи представляется более очевидной:

Wer spricht:	Кто говорит:
Kein Grab – mein Körper deckt mich.	Могилы нет – мое тело покрывает меня.
Wenn ihr mich liebt, so leckt mich?	Если вы меня любите, лизните меня?

[Deutsches Rätselbuch 1972, S. 151].

Вопросительное предложение «Wer spricht» («Кто говорит») и пунктуационные знаки (двоеточие и вопросительный знак) вербализуют присутствие наррататора в роли загадывающего лица и наррататора в роли отгадывающего лица. Далее эксплицитный наррататор «передает слово» наррататору-энигмату, который вовлекает в самопрезентацию наррататора в роли объекта повествования. Аллюзия на глыбовую соль-лизунец и через нее на соляной столп, в который, согласно Книге Бытия, была превращена жена Лота, усиливает прагматический потенциал текста, поскольку эксплицирует представление автора об определенном образовательном уровне адресата.

Подобное построение энигматора находим и в тексте И. Г. Тиле (энигмат «Tür» («Дверь»)):

Ei, was ist das?	Ах, что это?
Schiebst mich immer	Постоянно толкаешь меня туда, где я
Wo ich nicht soll sein,	не должен быть,
Tief ins Zimmer.	Вглубь комнаты.
Springst dann, ob es dich gereute,	А потом быстро отпрыгиваешь
Schnell zur Seite,	в сторону, как будто бы жалеешь о
Rückst mich wieder in mein Plätzchen	своем поступке, и возвращаешь меня
ein [Thiele c].	на место.

Энигматор начинается с вопросительного предложения, содержащего междометие с семантикой удивления «Ei, was ist das?» («Ах, что это?»). Постановка вопроса, как правило, подразумевает наличие адресата и его ответную реакцию. Согласно грамматической структуре предложения вопрос касается объекта в 3-м лице, т. е. энигмата, репрезентантом которого является указательное местоимение «das» («это»). Прагматическая нагрузка междометия «ei» («ах») в данном контексте заключается в том, что выражающий удивление субъект речи настраивает адресата на декодирование необычного объекта. Таким образом, мы рассматриваем это предложение как языковую реализацию роли нарратора в качестве загадывающего лица и роли нарратора в качестве отгадывающего лица. Вторая часть энигматора, как и в тексте о жене Лота, содержит самопредставление энигмата с вовлечением в него нарратора в роли объекта повествования.

Представим субъектную структуру данных энигматических текстов в виде схемы (рисунок 12).

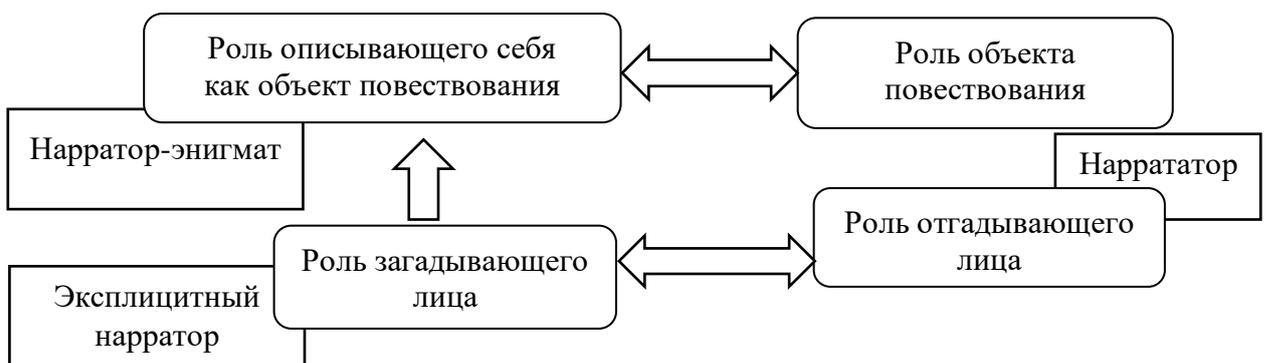

Рисунок 12 – Полисубъектные тексты

В энигматорах некоторых текстов кодирование энигмата происходит в форме диалога:

Gespräch zwischen A. und B.	Разговор между А. и Б.
A. Dir schneid mein Antlitz Fratzengebärden, Doch zürnst du nicht.	А. Мое лицо строит тебе гримасы, Но ты не сердишься.
B. Mein Messer droht, dein Mörder zu werden, Doch zagst du nicht [Thiele b].	Б. Мой нож грозит стать твоим убийцей, Но ты не робеешь.

Текст И. Г. Тиле (энигмат «*Barbier*» («Цирюльник»)) с заголовком «*Gespräch zwischen A. und B.*» («Разговор между А. и Б.») представляет собой беседу двух лиц, обозначенных первыми буквами алфавита, которые, являясь субъектами речи в данном тексте, служат нейтральными заместительными объектами энигмата и его собеседника. Таким образом, обозначение «В» относится к цирюльнику, за именем «А» стоит его клиент. Содержательное наполнение их разговора – это метафорическое описание деятельности энигмата. Актуализация какой-либо роли адресата в их речи отсутствует. Имплицитным маркером присутствия нарратора можно считать заголовок, который в языкознании принято рассматривать как одно из средств выражения адресованности текста.

Посредством диалогичного энигматора также закодированы энигматы шарады И. Ф. Кастелли «*Ehemann*» («Супруг»), «*Ehe*» («Брак»), «*Mann*» («Мужчина»):

In einem Gespräche	В разговоре
<i>Mutter:</i> Kind! du musst einmal das Erste doch wählen!	<i>Мать:</i> Дитя! Ты должна хоть раз выбрать первое!
<i>Tochter:</i>	<i>Дочь:</i>

Mutter! wär' nur nicht das Zweite dabei.

Mutter:

Kann dir das Erst' aus Erfahrung empfehlen.

Tochter:

Blieb dir das Zweite auch immer getreu? <...>

Mutter:

Willst du das Erste denn ewiglich fliehen?

Tochter:

Bis ich das Ganze vollkommen einst find' [Deutsches Rätselbuch 1972, S. 196].

Мама! Если бы не было в этом второго.

Мать:

Могу посоветовать тебе первое по опыту.

Дочь:

А второе всегда оставалось тебе верным? <...>

Мать:

Так неужели ты всегда будешь чуждаться первого?

Дочь:

Пока однажды не найду совершенное целое.

Субъектами речи в данном тексте являются вымышленные персонажи «Mutter» («мать») и «Tochter» («дочь»), содержательно связанные с энigmatami. Реплики субъектов речи не только содержат характеристики энigmatов, но и эксплицируют отношение говорящих к загаданным объектам. Подобная организация энigmatатора может быть интерпретирована, на наш взгляд, стремлением автора упростить поиск верного решения, так как погружение адресата в разговор именно матери и дочери уже направляет ход мыслей в определенное русло, позволяет взглянуть на обсуждаемое с позиции определенной социальной роли. В качестве заместительных объектов выбраны субстантивированные порядковые числительные «das Erste» («первое») и «das Zweite» («второе») для энigmatов «Ehe» («Брак») и «Mann» («Мужчина») и субстантивированное прилагательное «das Ganze» («целое») для энigmat «Ehemann» («Супруг»). Репрезентанты энigmatов такого рода являются типичными для шарад и представляют собой усеченный вариант словосочетаний «первое слово», «второе слово», «целое слово».

Проанализированные в этом параграфе примеры демонстрируют нетипичный способ воплощения субъектной речи в авторском энигматическом тексте, который, на наш взгляд, расширяет спектр средств прагматического воздействия на адресата.

Выводы

1. Анализ 1027 авторских энигматических текстов свидетельствует о том, что их прагматический потенциал реализуется посредством лексико-грамматических, интертекстуальных и паратекстуальных маркеров адресованности. К лексико-грамматическим маркерам мы относим:

- вокативные конструкции (нейтральные, эмоциональные и сюжетные);
- высказывания с побудительной модальностью (императивные, интеррогативные, повествовательные конструкции);
- повествовательные высказывания с различными коммуникативными интенциями.

Данные маркеры адресованности реализуют в энигматическом тексте ряд функций: контактоустанавливающую, апеллятивную, экспрессивную, аттрактивную, функцию вспомогательного средства при декодировании энигмата.

Интертекстуальными маркерами адресованности выступают аллюзивные онимы, фразеологические единицы и цитаты. Имена собственные функционируют в энигматоре как средство для характеристики энигмата, а также выступают в роли номинативных единиц энигмата. Фразеологические единицы характеризуются различной степенью представленности в энигматоре: компонент фразеологизма, обозначающий энигмат, может быть вербализирован в энигматоре заместительным объектом и сопровождаться другими компонентами фразеологической единицы, а может присутствовать только в качестве аллюзии на весь фразеологизм. Данные интертекстемы

различаются степенью значимости в процессе декодирования энигмата и могут служить лишь средством художественной выразительности.

Паратекстовыми средствами выражения адресованности являются заголовки. Нами выделены три типа заголовков: заголовок как метафора энигмата, классический заголовок, заголовок-обращение. Заголовок, будучи нетипичным для авторского энигматического текста элементом, указывает на связь данного типа текста с эпиграммой; демонстрирует различную степень семантической связности с энигматором и энигматом; выполняет различные функции (функцию вспомогательного средства при декодировании энигмата; функцию средства усложнения процесса декодирования энигмата; фатическую функцию; функцию семантического сжатия энигматора).

Наличие в энигматических текстах нескольких перечисленных маркеров адресованности способствует усилению прагматического воздействия на адресата.

2. Прагматический потенциал авторских энигматических текстов эксплицируется и посредством их субъектной структуры. Ряд выявленных средств выражения адресованности выполняет функцию идентификации субъекта речи и коммуникативных ролей субъектов «энигматической коммуникации» (нарратора, наррататора и энигмата), а именно роли загадывающего и отгадывающего лица, роли описывающего энигмат как объект повествования и роли объекта повествования. Критерием классификации текстов по типу их субъектной структуры выступает субъект речи. В каждом типе субъектной организации определяются различные подтипы в зависимости от вербальной актуализации взаимодействия нарратора, адресата и энигмата. Таким образом, нами выделены четыре группы текстов:

1) тексты, в которых субъектом речи является нарратор-энигмат (4 подтипа субъектной структуры);

2) тексты, субъектом речи которых выступает эксплицитный нарратор (6 подтипов субъектной структуры);

- 3) тексты с имплицитным нарратором в качестве субъекта речи;
- 4) тексты с несколькими субъектами речи.

Выбор определенного субъекта речи автором энигматического текста мы рассматриваем как средство выражения адресованности. Так, в текстах первой, второй и четвертой групп отмечается более выраженная актуализация средств адресованности, поскольку усложнение субъектной структуры ведет к более разностороннему и интенсивному воздействию на адресата. Тексты с имплицитным нарратором обладают меньшей степенью экспликации прагматического потенциала.

3. Анализ специфики экспликации прагматического потенциала посредством маркеров выражения адресованности и субъектной структуры позволяет определить следующие интенции автора энигматического текста: «поддержка», «вовлечение в игру», «предоставление подсказок», «вовлечение в фиктивную коммуникацию с энигматом», «введение в заблуждение», «проверка эрудиции», «испытание когнитивных способностей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Энигматический текст рассматривается нами как единство загадывающей части (энигматора) и отгадки, обозначающей энигмат (загаданный объект), который представлен в энигматоре заместительным объектом, обладающим общими с энигматом признаками. Несмотря на присущее этому типу текста нарушение постулата ясности, он соответствует языковым нормам. «Внутренняя конфликтность» данных текстов [Сендерович 2008] заключается в том, что в энигматоре одновременно происходит скрывание и раскрытие информации о загаданном объекте, в нем содержится вопрос, включающий в себя ответ в зашифрованной форме. К энигматическим текстам относят народные и авторские загадки, энигматы которых – это объекты действительности и абстрактные понятия, а также тексты, эксплицирующие рефлексию над спецификой языковых единиц: палиндромы, шарады, логографы, анаграммы, загадки с омонимичными отгадками.

Значимой характеристикой энигматического текста считается его полифункциональность. Сменяемость одних функций в качестве основных обусловлена историко-культурным контекстом, другие функции актуализируются вне зависимости от временных и локальных рамок. На ранних этапах развития человеческого общества энигматические тексты как ритуализованная составляющая общественных мероприятий и семейных событий способствовали структурированию окружающего человека хаоса, а также служили индикатором «свой – чужой», определяя право индивида принадлежать к группе. Представление об этом типе текста как о «шлифовальном станке разума» [Weber-Kellermann 1953] объясняется присущей ему многоаспектной дидактической функцией, которая проявляется в различные периоды по-разному. Данные тексты выступают средством обучения тайной речи, способом трансляции и передачи знаний, развивают образное мышление, поэтическое восприятие окружающего мира, умение анализировать и сопоставлять несоизмеримые на первый взгляд объекты. Они

служат средством языковой структуризации и категоризации мира, а также реализуют метаязыковую функцию благодаря тому, что актуализируют «внимание носителя языка к свойствам языковых единиц» [Шумарина 2011, с. 22], проявляемое в разных видах языковой игры. Играя с формой и значением языковых единиц и приглашая в игру загадывающего и его адресата, энигматические тексты представляют собой интеллектуально-развлекательный тренинг, сопровождающийся духом соперничества и противоборства. Данные функции свидетельствуют об антропоцентричной сущности энигматических текстов: они обращены к человеку и являются отражением познания человеком окружающей действительности.

Специфика реализации прагматического потенциала энигматического текста определяется в первую очередь тем, имеет ли текст народное происхождение или принадлежит определенному автору. Релевантными в прагматическом аспекте представляются такие отличия авторских текстов, как стихотворная форма, большой объем, динамичный сюжет, расширенная концептосфера, суженный круг адресатов, локальное распространение.

Особенности актуализации прагматического воздействия авторского энигматического текста возможно исследовать при обращении к средствам выражения адресованности, понимаемой нами вслед за О. П. Воробьевой как свойство текста, с помощью которого объективируются предположения об определенных характеристиках потенциального адресата [Воробьева 1993]. В результате анализа энигматических текстов немецкоязычных авторов второй половины XVIII – первой половины XX в. были выявлены внутритекстовые (лексико-грамматические), межтекстовые (интертекстуальные) и паратекстовые средства выражения ориентации на адресата.

Ключевыми лексико-грамматическими маркерами адресованности являются вокативные конструкции, отличающиеся друг от друга функциональным потенциалом. Реализация назывной и контактоустанавливающей функции характерна для всех видов вокативов: нейтральных, эмоциональных и сюжетных. Эмоциональные вокативы

эксплицируют также положительное отношение адресанта к адресату. Сюжетные вокативные конструкции служат для обращения к адресату в роли актанта фиктивной ситуации, посредством которой кодируется энигмат. Такие вокативы демонстрируют содержательную соотнесенность с энигматом и призваны упростить его декодирование. Ориентация на адресата также актуализируется посредством повествовательных, императивных и интеррогативных высказываний с побудительной модальностью и с модальностью содействия. Данные высказывания эксплицируют призыв к разгадыванию, указание на способ нахождения энигмата, уверенность и предположение о способностях адресата найти ответ, желание подсказать адресату.

Адресованность реализуется также посредством следующих видов интертекстем: онимов, фразеологических единиц и цитат. Имена собственные будучи самой многочисленной группой интертекстем, отражают богатую аллюзивную палитру исследуемых энигматических текстов, демонстрируя при этом различную степень значимости в процессе нахождения энигмата. Выявленные онимы служат для номинации мифологических существ, библейских персонажей, исторических личностей и деятелей искусства разных эпох, географических объектов, объектов культурного наследия. Фразеологические единицы и цитаты в зависимости от степени эксплицитной представленности в энигматоре или функционируют как дополнительные закодированные знаки, узнавание и декодирование которых является ключом к декодированию энигмата, или выполняют роль средств художественной образности. Включение в энигматические тексты описанных интертекстем свидетельствует об ориентации автора на адресата с достаточно высоким образовательным уровнем, знания и компетенции которого сравнимы в значительной степени с его собственными.

Паратекстовыми маркерами обращенности к адресату выступают заголовки, которые считаются нехарактерным структурным элементом энигматического текста. Заголовки в исследуемых текстах отличаются

полифункциональностью: заглавия, которые являются метафорами энигматов, выступают в роли подсказки или, напротив, дополнительной загадки; классические заглавия выполняют роль семантической свертки энигматора; заголовки-посвящения актуализируют интенцию адресанта в обращении к определенному лицу.

Прагматический потенциал авторских энигматических текстов также объективируется посредством их субъектной организации. С помощью лексико-грамматических средств актуализации адресованности было выявлено несколько типов загадывающих субъектов речи и идентифицированы их роли и роли адресатов во внутритекстовой коммуникации. Субъектом речи может выступать нарратор-энигмат, эксплицитный нарратор, имплицитный нарратор, а некоторым текстам присуще наличие нескольких субъектов речи. Тексты с различными типами субъектной структуры также отличаются друг от друга видами и степенью экспликации взаимодействия нарратора и адресата, что обусловлено вербальной актуализацией их коммуникативных ролей. Для субъектов речи характерна актуализация роли загадывающего лица, для адресата – роли отгадывающего лица. В качестве объекта повествования, вовлекаемого в фиктивную ситуацию вокруг загаданного объекта, вербализуется и субъект речи и адресат. Тексты с эксплицитным нарратором и нарратором-энигматом, обладающие комплексной субъектной структурой, демонстрируют более выраженную реализацию средств адресованности и, следовательно, ярко выраженную коммуникативно-прагматическую направленность.

Ключевое прагматическое воздействие авторского энигматического текста, эксплицируемое средствами выражения адресованности и субъектной организацией, связано с процессом декодирования энигмата и выражается двумя многоаспектными интенциями автора: «затруднение поиска энигмата» и «упрощение поиска энигмата». Реализация данных интенций напрямую зависит от знаний и опыта адресата, а также от степени совпадения языковых картин мира автора и адресата.

Перспектива исследования видится в сопоставительном изучении авторских энигматических текстов в диахроническом аспекте на материале разных языков. Значимым представляется также исследование механизмов языковой игры, реализуемой в структуре авторского энигматического текста в аспекте когнитивной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрашитова, М.О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.О. Абдрашитова. – Томск, 2012. – 182 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов // Известия Уральского государственного университета. – Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 6 (85), ч. 2. – С. 169–180.
3. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В.П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
4. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / И.В. Арнольд, науч. ред. П.Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. языка и литературы – 1981. – № 4. – С. 356–367.
6. Барабанова, Н.В. О логической структуре некоторых загадок / Н.В. Барабанова, Г.Л. Пермяков // Паремиологические исследования: сб. ст. – М.: Наука, 1984. – С. 96–104.
7. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: [Б. и.], 1986. – 445 с.
8. Белоглазова, Е.В. Лингвистические аспекты адресованности англоязычной детской литературы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Белоглазова. – СПб., 2001. – 195 с.
9. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / С.П. Белокурова. – 2005. – Режим доступа: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=%DD%CF%C8%C3%D0%C0%CC%CC%C0&bukv=%DD> (дата обращения: 07.07.2023).

10. Бирр-Цуркан, Л.Ф. Загадка как тип текста в истории немецкого языка (на примере народных и литературных загадок средневерхненемецкого периода) / Л.Ф. Бирр-Цуркан // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете: сб. науч. ст.* – СПб., 2014. – Вып. IV. – С. 61–72.
11. Блинова, Е.А. История средств адресации в немецком и русском языках: на материале формул приветствия и прощания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.А. Блинова. – М., 2014. – 192 с.
12. Бобылев, Б.Г. Стилистический анализ художественного и публицистического текста / Б.Г. Бобылев. – Алма-Ата: Мектеп, 1987. – 102 с.
13. Богданова, К.В. Передача особенностей интертекстуальных включений при переводе с английского языка на русский (на материале названий эпизодов англоязычных мультипликационных телесериалов) / К.В. Богданова // *Вестник СПбГУ. – Язык и литература.* – 2018. – Т. 15, вып. 3. – С. 412–423.
14. Борисенко, Е.С. Соотношение понятий «аллюзия» и «фразеологизм» в современном языкознании / Е.С. Борисенко // *STUDIA LINGUISTICA.* – 2017. – №26. – С. 33–40.
15. Бударagina, Е.И. Средства создания образа адресата в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.И. Бударagina. – М., 2006. – 174 с.
16. Бударagina, Е.И. Отбор автором информации, представленной в тексте, как средство адресованности художественного текста / Е.И. Бударagina // *Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. молодых ученых.* – Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2007. – Вып. 6. – С. 38–43.
17. Буянова, Л.Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков / Л.Ю. Буянова // *Вестник РУДН. – Сер.: Русский и*

- иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 285–298.
18. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 191 с.
19. Великоредчанина, Л.С. Фразеологизм как интертекстема в современном англоязычном художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.С. Великоредчанина. – Ростов н/Д, 2016. – 244 с.
20. Венгранович, М.А. Категория адресованности в коммуникативной организации фольклорного текста / М.А. Венгранович // Поволжский педагогический вестник. – 2020. – Т. 8, № 1(26). – С. 82–87.
21. Веселова, Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: Антология и поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08 / Н.А. Веселова. – Тверь, 1998. – 24 с.
22. Веселовский, А.Н. Мерлин и Соломон / А.Н. Веселовский. – М.: Эксмо, 2001. – 864 с.
23. Викулова, Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05 / Л.Г. Викулова. – Иркутск, 2001. – 363 с.
24. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
25. Волкова, М.В. Загадка и кроссворд как типы текста: семантический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.В. Волкова. – Смоленск, 2011. – 167 с.
26. Волоцкая, З.М. Лексика болгарских загадок (опыт составления семантического словаря загадок) / З.М. Волоцкая // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. – М.: Наука, 1983. – С. 187–204.
27. Вольвак, Н.П. Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе: монография / Н.П. Вольвак. – Южно-Сахалинск: Изд-во Сахалин. гос. ун-та, 2004. – 168 с.

28. Воробьева, О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: одноязычная и межъязыковая коммуникация: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / О.П. Воробьева. – М., 1993. – 381 с.
29. Ворончихина, И.А. Типология сигналов адресованности в текстах детского детектива (на материале англоязычных и русскоязычных произведений) / И.А. Ворончихина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 1. – С. 146–153.
30. Вьюгин, В.Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки / В.Ю. Вьюгин. – СПб.: РХГИ, 2004. – 467 с.
31. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
32. Гаспаров, М.Л. Петербургский цикл Бенедикта Лившица: поэтика загадки / М.Л. Гаспаров // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1984. – Вып. 664. ТЗС XVIII. – С. 93–105.
33. Голяяд, Н.И. Специфика холо-партитивных отношений в английской загадке / Н.И. Голяяд // Инновации в науке: сб. ст. по материалам XXXV Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2014. – № 7(32). – С. 73–78.
34. Головачева, А.В. К вопросу о прагматике загадки / А.В. Головачева // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. – М.: Индрик, 1994. – С. 195–213.
35. Гончарова, Е.А. Интерпретация текста. Немецкий язык / Е.А. Гончарова, И.П. Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 368 с.
36. Горкин, А.П. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / А.П. Горкин. – М.: Росмэн, 2006. – 584 с.
37. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 217–237.

38. Грушевская, Е.С. Адресатность в политическом дискурсе: ценности, стратегии, способы выражения: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Е.С. Грушевская. – Майкоп, 2019. – 342 с.
39. Двинятина, Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Т.М. Двинятина. – СПб., 2015. – 441 с.
40. Декатова, К.И. Структурно-семантические особенности фразеологизмов-интертекстем / К.И. Декатова // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – №5(39). – 2015. – С. 59–62.
41. Демин, А.С. Женские загадки в древнерусской литературе XI–XIV вв. / А.С. Демин // О художественности древнерусской литературы: очерки древнерусского мировидения от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 100–104.
42. Денисова, Е.А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.А. Денисова. – М., 2008. – 226 с.
43. Дзюба, Е.В. Лингвокогнитивная природа русской народной загадки / Е.В. Дзюба // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. – С. 168–172.
44. Дмитриев, Л.А. Памятники литературы Древней Руси / Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. – М.: Художественная литература, 1982. – 688 с.
45. Дунев, А.И. Авторские интенции в орфографическом словаре / А.И. Дунев // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016. – № 14. – С. 115–123.
46. Елизаренкова, Т.Я. О ведийской загадке типа brahmodya / Т.Я. Елизаренкова, В.Н. Топоров // Паремнологические исследования: сб. ст. – М.: Наука, 1984 – С. 14–46.

47. Еремина, Е.С. Фразеологическая единица как интертекстема в современной американской поэзии / Е.С. Еремина, Н.А. Лаврова // Преподаватель XXI век. – 2020. – №2-2. – С. 334–339.
48. Жирова, И.Г. Фразеологический дискурс и его трансляторные возможности / И.Г. Жирова // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – 2020. – № 3(31). – С. 113–122.
49. Журинский, А.Н. Семантическая структура загадки / А.Н. Журинский. – М.: Наука, 1989. – С. 128.
50. Исаева, Л.А. Лингвистический анализ художественного текста: проблемы интерпретации скрытых смыслов / Л.А. Исаева. – Краснодар: КубГУ, 1999. – 127 с.
51. Казанцева, Е.А. Окказионализмы как вид энигматического кодирования / Е.А. Казанцева // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2006. – № 4 (42). – С. 72–77.
52. Каминская, Т.Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.10 / Т.Л. Каминская. – СПб., 2009. – 284 с.
53. Караджев, Б.И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ / Б.И. Караджев // Вестник РУДН. – Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – 2014. – № 3. – С. 40–46.
54. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
55. Карасик, В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения / В.И. Карасик // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 144–153.
56. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
57. Катермина, В.В. Лингвокультурологический аспект русских загадок с компонентом «имя собственное» / В.В. Катермина // Русский язык за рубежом. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 79–84.

58. Кенгес-Маранда, Э. Логика загадок / Э. Кенгес-Маранда; пер. Н. Кузьминой // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка. – М.: Наука, 1978. – С. 249–282.
59. Ковшова, М.Л. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования / М.Л. Ковшова, О.С. Орлова // Тульский научный вестник. – Сер.: История. Языкознание. –2020. – Вып. № 4 (4). – С. 70–79.
60. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры / М.Л. Ковшова. – М.: Ленанд, 2019. – 400 с.
61. Кожина, М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка / М.Н. Кожина // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвистические особенности. – М.: Наука, 1989. – С. 3–27.
62. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
63. Комлева, Е.В. К вопросу о соотношении текстовых категорий адресованности и апеллятивности (на материале современного немецкого языка) / Е.В. Комлева // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4 (29). – С. 105–109.
64. Комлева, Е.В. Функционально-семантическая категория апеллятивности как фактор текстообразования: на материале современного немецкого языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Комлева. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2015. – 440 с.
65. Кондрашова, С.С. Английская загадка / С.С. Кондрашева, И.В. Палашевская // Жанры речи. – 2017. – № 1(15). – С. 66–71.

66. Кондрашова, С.С. Языковая картина мира в английской загадке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.С. Кондрашева. – Волгоград, 2017. – 198 с.
67. Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. – М.: Просвещение, 1972. – 110 с.
68. Кузнецова, А.В. Художественный текст в аспекте лингвопоэтики / А.В. Кузнецова. – Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2023. – 230 с.
69. Кузнецова, Т.С. Загадки Эксетерского кодекса в фольклорно-литературном контексте Средневековья: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Т.С. Кузнецова. – Челябинск, 2008. – 225 с.
70. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – М.: URSS, 2017. – 272 с.
71. Кургузова, Н.В. Композиционная роль загадки в произведениях древнерусской литературы («Сказание и Соломоне и Китоврасе» и «Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле») / Н.В. Кургузова // Ученые записки Орловского государственного университета. – Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – С.143–148.
72. Лазарева, Э.А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия / Э.А. Лазарева // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 40. – С. 158–166.
73. Левин, Ю.И. Семантическая структура загадки / Ю.И. Левин // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка. – М.: Наука, 1978. – С. 283–314.
74. Левченко, М.Н. Загадка как тип текста / М.Н. Левченко // Вестник МГОУ. – Сер.: Лингвистика. – 2011. – №2. – С. 82–89.
75. Лекомцева, М.И. Семиотические аспекты "индексальной" загадки / М.И. Лекомцева // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. – М.: Индрик, 1994. – Т. 1. – С. 214–225.

76. Логинов, А.В. Категория интеррогативности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.В. Логинов. – М.: Московский. пед. гос. ун-т, 2015. – 500 с.
77. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы теории и элементы анализа: учеб. для филол. спец. вузов / В.А. Лукин. – М.: Ось-89, 1999. – 191 с.
78. Лучинская, Е.Н. Имена-культуреми в художественном дискурсе / Е.Н. Лучинская // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы X Междунар. науч. конф., посвященной юбилею профессора Р.Ю. Намитоковой. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2016. – С. 137–140.
79. Лушникова, Г.И. Языковая игра в английских загадках-шутках / Г.И. Лушникова, Н.В. Потапова // Вестник КемГУ – № 4 (48). – Кемерово, 2011. – С. 191–195.
80. Мечковская, Н.Б. Язык и религия лекции по филологии и истории религий / Н.Б. Мечковская. – М.: ФАИР, 1998. – 352 с.
81. Митрофанова, В.В. Русские народные сказки / В.В. Митрофанова. – Л.: Наука, 1978. – 181 с.
82. Митрофанова, Т.А. Средства имплицитной передачи обращенности в различных сферах человеческого общения / Т.А. Митрофанова // Вестник ТГУ. – 2008. – Вып. 12 (68). – С. 192–198.
83. Мони́на, Т.С. Атрактивная функция газетного заголовка / Т.С. Мони́на // Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологии: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Перо, 2018. – С. 22–28.
84. Морохин, В.Н. Малые жанры русского фольклора / В.Н. Морохин. – М.: Высшая школа, 1986. – 284 с.
85. Мухтаруллина, А.Р. Когнитивно-семантическая структура текста загадки (на материале английского, русского и башкирского языков) / А.Р. Мухтаруллина, Г.Р. Туктарова // Перспективы науки и образования:

- международный электронный научный журнал. – 2017. – № 6 (30). – С. 126–132.
86. Нефедов, С.Т. Интертекстуальные измерения авторского предисловия / С.Т. Нефедов // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. – Вып. IV: Текст и текстовые единицы: сб. науч. ст. – СПб.: СПбГУ, 2014. – С. 32–48.
87. Нечай, Ю.П. Языковые средства экспликации иронии в художественных текстах Э.М. Ремарка: лингвопрагматический аспект / Ю.П. Нечай, М.О. Олейник // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 1 (172). – С. 52–57.
88. Николаева, Т.М. О «единстве ономастики» и/или о новой ветви «антропонимики» / Николаева Т.М. // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2009. – №3. – С. 3– 8.
89. Николаева, Т.М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика / Т.М. Николаева // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. – М.: Индрик, 1994. – Т. 1.– С. 143– 178.
90. Новикова, К.А. Маркеры интертекстуальности как средство выражения адресованности немецкоязычных авторских энигматических текстов конца XVIII – начала XX в. / К.А. Новикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – С. 3604–3609.
91. Оглоблин, А.К. Типы яванских загадок (К вопросу о соотношении формы и значения) / А.К. Оглоблин // Паремнологические исследования: сб. ст. – М.: Наука, 1984. – С. 81–95.
92. Олейник, М.А. Адресатный план и динамическая языковая картина мира: монография / М.А. Олейник. – СПб.; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 164 с.
93. Олейник, М.А. Adressatenorientiertheit in den deutschsprachigen Texten des XVI. Jahrhunderts / М.А. Олейник // Германистика в современном

- научном пространстве: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. – С. 203–210.
94. Олизько, Н.С. Интертекстуальный анализ художественного произведения: учеб. пособие / Н.С. Олизько. – Челябинск, 2008. – 147 с.
95. Орлова, О.С. Принцип непрямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.С. Орлова. – М., 2020. – 305 с.
96. Падучева, Е.В. Семантические исследования / Е.В. Падучева. – М.: ЯСК, 2010. – 479 с.
97. Панасенко, Т.А. Элементы языковой игры в энигматических текстах в разносистемных языках / Т.А. Панасенко // Мова. – 2012. – № 18. – С. 211–214.
98. Паршин, П.Б. Интертекстуальность [Электронный ресурс] / П.Б. Паршин, Н.А. Фатеева // Энциклопедия Кругосвет. – Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html (дата обращения: 08.01.2021).
99. Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г.Л. Пермяков // Языковая природа афоризма (очерки и изречения): пособие / сост. Е.Е. Иванов. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. – С. 297–320.
100. Подъяпольская, О.Ю. Типология адресованности в текстах эпистолярного жанра (на материале писем Ф. Кафки): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Челябинск, 2004. – 193 с.
101. Поздеева, Т.В. Отношения адресант – адресат в политическом газетном дискурсе: концепция взаимодействия и взаимокорреляции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.В. Поздеева. – Краснодар, 2011. – 166 с.
102. Полонский, А.В. Категориальная и функциональная сущность адресатности: на материале русского языка в сопоставлении с польским:

- дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.В. Полонский. – Белгород, 1999. – 451 с.
103. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/2562512.html> (дата обращения: 08.01.2023).
104. Романова, Н.Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Л. Романова. – СПб., 1997. – 202 с.
105. Рыбникова, М.А. Загадки / М.А. Рыбникова. – Л.: Academia, 1932. – 488 с.
106. Санников, В.З. О парных речевых актах русского языка / В.З. Санников // Известия российской академии наук. – 2019. – Т. 78, № 5. – С. 17–36.
107. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
108. Седакова, И.А. Загадка / И.А. Седакова, С.М. Толстая // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 233–237.
109. Селиванова, Е.А. Энигматический дискурс: вербализация и когниция / Е.А. Селиванова. – Черкассы: Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. – 224 с.
110. Семененко, Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н.Н. Семененко. – Белгород, 2011. – 417 с.
111. Семененко, Н.Н. Проблема описания функционально-категориального статуса загадок как паремического жанра / Н.Н. Семененко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 127. – С. 129–136.

112. Сендерович, С.Я. Морфология загадки / С.Я. Сендерович. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 208 с.
113. Сибирцева, В.Г. Языковая картина мира в русской загадке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.Г. Сибирцева. – Н. Новгород, 2003. – 143 с.
114. Сидоренко, К.П. От крылатого слова к интертекстеме (межуровневая проекция) / К.П. Сидоренко // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ЭЛПИС, 2005. – С. 143–145.
115. Сидорова, М.Ю. Субъектная структура текстов о «новой реальности» / М.Ю. Сидорова // Филология и человек. – 2022. – № 2. – С. 19–37.
116. Солдаева, А.А. Интертекстуальность русской традиционной загадки: лингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Солдаева. – СПб., 2018. – 224 с.
117. Солдаева, А.А. К вопросу о применении методов интертекстуального анализа при описании русской фольклорной загадки / А.А. Солдаева // ФИЛОЛОГОС. – 2016. – № 3 (30). – С. 60–64.
118. Струкова, Т.В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Т.В. Струкова. – Орел, 2019. – 477с.
119. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
120. Теля, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Теля. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
121. Титова, Н.Г. Изоморфизм и алломорфизм лингвистического абсурда в русском и английском энигматическом тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.Н. Титова. – Казань, 2010. – 260 с.

122. Титова, Н.Г. Окказиональное «словотворчество» в русской и английской народной загадке / Н.Н. Титова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 17 (198). – С. 22–128.
123. Токмашев, Д.М. Ономастика как маркер интертекстуальности (на примере шорских эпических имен) / Д.М. Токмашев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6 (17). – С. 196–200.
124. Топоров, В.Н. Исследования по этимологии и семантике. / В.Н. Топоров. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т.1 – 816 с.
125. Тороп, П.Х. Проблема интекста / П.Х. Тороп // Труды по знаковым системам XIV. Текст в тексте. Ученые записки Тартуского госуниверситета. – Вып. 567. – Тарту, 1981. – С. 33–44.
126. Тунин, А.Е. Новогреческие загадки в сопоставлении с балканославянскими: семантика и структура: дис. ... канд. филол. наук / А.Е. Тунин. – М., 2012. – 299 с.
127. Тюпа, В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса / В.И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
128. Устиева, И.С. Калмыцкие народные загадки: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / И.С. Устиева. – Элиста, 2011. – 170 с.
129. Файзуллина, Н.И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Н.И. Файзуллина. – Казань, 2019. – 339 с.
130. Фатеева, Н.А. Синтез целого: на пути к новой поэтике / Н.А. Фатеева. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 352 с.
131. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
132. Федорова, Л.Л. Об определении функций речевых актов [Электронный ресурс] / Л.Л. Федорова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. конф. «Диалог-2003». – М.: Российский НИИ искусственного интеллекта, 2003 – С. 151–156. –

- Режим доступа: <https://www.dialog-21.ru/media/2623/fedorova.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
133. Филиппов, В.С. Коммуникативная природа загадки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.С. Филиппов. – Орел, 2000. – 137 с.
134. Филиппова, С.Г. Интертекстуальные включения как сигналы адресованности в художественном тексте / С.Г. Филиппова // *STUDIA LINGUISTICA XVI. Язык. Текст. Культура: сб.* – СПб.: Борей Арт, 2007. – С. 227–231.
135. Фокина, М.А. Фразеологические единицы в повествовательном дискурсе: на материале русской художественной прозы XIX–XX веков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / М.А. Фокина. – Орел, 2008. – 467 с.
136. Фролова, О.Е. Кодирование и декодирование действительности в жанре загадки (антропоморфные мотивы) / О.Е. Фролова // *Материалы IV Всероссийского конгресса фольклористов: сб. науч. ст.: в 3 т.* – Тула, 2018. – Т. 3. – С. 204–210.
137. Хейзинга, Й. *Homo Ludens. В тени завтрашнего дня* / Й. Хейзинга. – М.: АСТ, 2004. – 539 с.
138. Цаллагова, И.А. Лингвистические особенности осетинской загадки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / И.А. Цаллагова. – Владикавказ, 2010. – 171 с.
139. Цивьян, Т.В. Отгадка в загадке: разгадка загадки? / Т.В. Цивьян // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст.* – М.: Индик, 1994. – Т.1 – С. 178–194.
140. Чаплыгина, И.Д. Семантика и структура Ты-категории как показателя антропоцентрической природы языка / И.Д. Чаплыгина // *Вестник КРАУНЦ.* – 2003. – № 1. – С. 16–25.
141. Чаплыгина, И.Д. Средства адресованности: Ты-категория в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / И.Д. Чаплыгина. – М., 2002. – 518 с.

142. Чернявская, В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: на материале немецкого языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / В.Е. Чернявская. – СПб., 2000. – 449 с.
143. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.
144. Четыркина, И.В. Перформативность речевых практик как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / И.В. Четыркина. – Краснодар, 2006. – 287 с.
145. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: URSS, 2021. – 272 с.
146. Шантарович, С.А. Фактор адресата в литературоведческих исследованиях текста / С.А. Шантарович // Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ БГУ, 2004. – Вып. 6. – С. 3–7.
147. Шестеркина, Н.В. Языческий субстрат как вербально-концептуальная константа мифорелигиозного сознания русского и немецкого языковых сообществ (на материале фольклорных текстов): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Н.В. Шестеркина. – Саранск, 2018. – 576 с.
148. Шмелева, Е.Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.
149. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 430 с.
150. Шумарина, Т.Ф. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Т.Ф. Шумарина. – М., 2011. – 802 с.

151. Щирова, И.А. Об особенностях реализации категории адресованности в художественном тексте / И.А. Щирова // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и гуманитарная практика: материалы конф. – Симферополь: [Б. и.], 2017. – С. 117–122.
152. Эко, У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста / У. Эко / пер. с англ. и итал. С. Серебряного. – СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 502 с.
153. Юдин, А.В. Ономастикон восточнославянских загадок / А.В. Юдин. – М.: ОГИ, 2007. – 120 с.
154. Янович, Е.И. Лингвистическая структура текста славянских загадок в сравнительно-сопоставительном плане / Е.И. Янович // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства. – Витебск, 1997. – С. 531–534.
155. Adamzik, K. Textlinguistik. Grundlagen, Kontroversen, Perspektiven. / K. Adamzik. – De Gruyter, 2016. – 407 S.
156. Arbeiter, B. Rätsel deutscher Dichter / B. Arbeiter. – Potsdam: Voggenreiter, 1939. – 123 S.
157. Archiv Friedrich Schiller [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.friedrich-schiller-archiv.de/gedichte/raetsel-aus-turandot/> (дата обращения: 09.09.2023).
158. Aphorismen [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.aphorismen.de/zitat/3636> (дата обращения: 08.01.2023).
159. Beaugrande, R.A. Einführung in die Textlinguistik / R.A. Beaugrande, W.U. Dressler. – Walter de Gruyter, 2011. – 303 S.
160. Bernher, J.C. Neunhundert und neun Räthsel bestehend aus Wort-, Silben- und Buchstaben-Rätseln [Электронный ресурс] / J.C. Bernher. – Druck und Verlag von Georg Kranz, München, 1863. – 284 S. – Режим доступа: <https://books.google.at/books?id=QMtIAQAAMAAJ&printsec=frontcover>

&hl=ru&source=gbs_atb#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 09.09.2022).

161. Burger, H. *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen* / H. Burger. – Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH & Co, 2003. – 224 S.
162. Dundes, A. *Toward a Structural Definition of the Riddle* / A. Dundes, R.A. Georges // *Journal of American Folklore*. – 1963. – №76. – P. 111–118.
163. Evans, D. *Riddling and the Structure of Context* / D. Evans // *The Journal of American Folklore*. – 1976. – Vol. 89, No. 352. – P. 166–188.
164. Fix, U. *Aspekte der Intertextualität* / U. Fix // *Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Halbband I*. – Berlin; New York: de Gruyter, 2000. – S. 449–457.
165. Fix, U. *Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene* / U. Fix. – Berlin: Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. – 507 S.
166. Gabriel, G. *Logik und Rhetorik der Erkenntnis* / G. Gabriel. – Brill | mentis, 2013. – 150 S.
167. Gamper, M. *Kurz & knapp: Zur Mediengeschichte kleiner Formen vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart* / M. Gamper, R. Mayer. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2017. – 398 S.
168. Gottsched, J. *Versuch einer Critischen Dichtkunst* / J. Gottsched. – Darmstadt, 1962. – 808 S.
169. Grzybek, P. *Zur Psychosemiotik des Rätsels* / P. Grzybek, W. Eismann // *Semiotische Studien zum Rätsel*. – Studienverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1987. – S. 247–264.
170. Hain, M. *Rätsel* / M. Hain. – Stuttgart, 1966. – 62 S.
171. Heinemann, W. *Zur Eingrenzung des Intertextualitätsbegriffs aus textlinguistischer Sicht* / W. Heinemann // *Textbeziehungen: Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität*. – Stauffenburg Linguistik, 1997. – S. 21–38.

172. Heinz, M. Typologie der bildlichen Redewendungen aus lexikographischer Sicht, dargestellt am Beispiel des Petit Robert / M. Heinz // EUROPHRAS 92. Tendenzen der Phraseologieforschung. Studien zur Phraseologie und Parömiologie. – Bochum, 1994. – S. 281–301.
173. Kaivola-Bregenhøj, A. The Riddle: Form and Performance / A. Kaivola-Bregenhøj // Humanities. – 2018. – №7(2). – 49 p.
174. Kelling, V. Aenigmata Symphosii. Die Affinität von Rätsel und Epigramm / V. Kelling // Graeco-Latina Brunensia. – 2010. – Vol. 15, iss. 2. – S. 101–115.
175. Kirstein, R. Der mitdenkende Leser. Überlegungen zum antiken Rätselepigramm / R. Kirstein // Hermes 136. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 2008. – S. 466–483.
176. Lasclo, R. Germanische Rätseltradition / R. Lasclo. – Marburg: Tectum Verlag, 2001. – 123 S.
177. Löwenthal, F. Studien zum germanischen Rätsel [Электронный ресурс] / F. Löwenthal. – Heidelberg, 1914. – Режим доступа: https://archive.org/stream/studienzumgerman00loew/studienzumgerman00loew_djvu.txt (дата обращения: 20.05.2021).
178. Mainberger, S. Die Kunst des Aufzählens: Elemente zu einer Poetik des Enumerativen / S. Mainberger. – Walter de Gruyter, 2011. – 373 S.
179. Oleynik, M. Kapitelüberschriften in literarischen Texten des 16. Jahrhunderts: konstitutive Merkmale und pragmatische Funktion / M. Oleynik // Textgliederungsprinzipien. Ihre Kennzeichnungsformen und Funktionen in Texten vom 8. bis 18. Jahrhundert. Berliner Sprachwissenschaftliche Studien. – Berlin: Weidler Verlag, 2019. – S. 211–220.
180. Petsch, R. Neue Beiträge zur Kenntnis des Volksrätsels / R. Petsch. – Mayer&Müller, 1899. – 152 S.
181. Röhrich, L. Gesammelte Schriften zur Volkslied- und Volksballadenforschung / L. Röhrich. – Waxmann, 2002. – 511 S.

182. Schitteck, C. Die Sprach- und Erkenntnisformen der Rätsel / C. Schitteck. – Stuttgart: M und P, Verlag für Wissenschaft und Forschung, 1991. – 189 S.
183. Schönfeldt, A. Zur Analyse des Rätsels / A. Schönfeldt // Zeitschrift für deutsche Philologie. – 1978. – № 97. – S. 60–73.
184. Schrott, A. Dunkle Rede, helle Köpfe: Historische Dialogforschung in der Romanistik / A. Schrott // Elmar Eggert, Jörg Kilian (eds.): Historische Mündlichkeit. Beiträge zur Geschichte der gesprochenen Sprache. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. – S. 77–100.
185. Schupp, V. Nachwort / V. Schupp // Deutsches Rätselbuch / hrsg. von Schupp V. – Reclam Stuttgart, 1972. – S. 365–432.
186. Schupp, V. Rätsel / V. Schupp // Kleine literarische Formen in Einzeldarstellungen. – Stuttgart: Reclam, 2002. – S. 191–210.
187. Scott, Ch. On defining the Riddle: The Problem of Structural Unit / Ch. Scott // Genre 2. – 1969. – P. 129–142.
188. Taylor, A. Problems in the study of riddles / A. Taylor // Southern folklore quarterly, 2. – 1938. – P. 1–9.
189. Tomasek, T. Das deutsche Rätsel im Mittelalter / T. Tomasek. – Tübingen: Niemeyer, 1994. – 353 S.
190. Tomasek, T. Epigramm und Rätsel. Zum Verhältnis zweier Sprachspiele / T. Tomasek // Mittelalterliche Poetik in Theorie und Praxis. Festschrift für Fritz Peter Knapp zum 65. Geburtstag. – Berlin, 2009. – S. 317–323.
191. Weber-Kellermann, I. Über das Volksrätsel / I. Weber-Kellermann // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Veröffentlichungen der Kommission für Volkskunde, Bd. 2, Beiträge zur sprachlichen Volksüberlieferung. – Berlin: Akademie, 1953. – S. 106–120.
192. Weise, G. Zur Spezifik der Intertextualität in literarischen Texten / G. Weise // Textbeziehungen: Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. – Stauffenburg Linguistik, 1997. – S. 39–48.

193. Williamson, C. *The Old English Riddles of the Exeter Book* / C. Williamson. – Chapel Hill, 1977. – 484 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

194. Adelsheim, C.J. von [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/003.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
195. Adelsheim, C.J. von [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/824.htm> (дата обращения: 26.02.2022).
196. Arnold, R.F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/802.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
197. Baggesen, J. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/04/433.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
198. Berger, J.M. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/633.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
199. Berger, J.M. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/033.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
200. Bernher, J.C. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/281.htm> (дата обращения: 26.09.2022).
201. Bertermann, K.E. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/731.htm> (дата обращения: 29.08.2022).

202. Birt, Th. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/11/278.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
203. Brentano, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/092.htm> (дата обращения: 26.01.2022).
204. Brentano, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/327.htm> (дата обращения: 20.07.2022).
205. Brockmann, M. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/Brockmann.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
206. Buschor, E. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/10/092.htm>] (дата обращения: 26.07.2022).
207. Castelli, I.F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/04/101.htm> (дата обращения: 16.02.2022).
208. Castelli, I.F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/04/750.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
209. Castelli, I.F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetsel/Gedichte/05/293.htm> (дата обращения: 10.07.2020).
210. Castelli, I.F. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/371.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
211. Castelli, I.F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/357.htm> (дата обращения: 26.07.2022).

212. Castelli, I.F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/09/028.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
213. Castelli, I.F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/09/285.htm> (дата обращения: 23.07.2022).
214. Castelli, I.F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/09/439.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
215. Deutsches Rätselbuch / hrsg. von Schupp V. – Reclam Stuttgart, 1972. – 467 S.
216. Drechsel, J. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/802.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
217. Ebersberg, J.S. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/229.htm> (дата обращения: 06.06.2022).
218. Ebersberg, J.S. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/368.htm> (дата обращения: 06.06.2022).
219. Fechner, B.Th. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/118.htm> (дата обращения: 06.06.2022).
220. Flog Vogel federlos. Deutsche Rätseldichtung / hrsg. von J. Perfahl. – Winkler Verlag, 1967. – 61 S.
221. Focking, Th. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetsel/Gedichte/06/374.htm> (дата обращения: 10.07.2021).

222. Franz, A. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/926.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
223. Giehl, E. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/Giehl-Emilia.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
224. Goecking, L.von [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/971.htm> (дата обращения: 26.07.2023).
225. Goethe, J.W. von [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/975.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
226. Goßlar, S. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/09/864.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
227. Güll, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/025.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
228. Güll, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/729.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
229. Hagenbach, R. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/217.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
230. Haug, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/221.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
231. Haug, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/213.htm> (дата обращения: 26.07.2022).

232. Naug, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/617.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
233. Hebel, P. J. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/453.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
234. Hebel, J.P. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetsel/Gedichte/00/518.htm> (дата обращения: 10.07.2022).
235. Hebel, J.P. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/547.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
236. Hebel, J.P. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/748.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
237. Hebel, P.J. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/043.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
238. J.R. aus O...heim [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/997.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
239. Janitschka Jak., Janitschka Joh. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/167.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
240. Jordan, W. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/508.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
241. Kind, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/302.htm> (дата обращения: 26.07.2022).

242. Körner, Th. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/967.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
243. Kortum, С.А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/115.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
244. Kortum, С.А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/151.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
245. Kortum, С.А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/315.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
246. Kortum, С.А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/660.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
247. Lohbauer, С.Ph. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: von <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/979.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
248. Lotz, G. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/383.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
249. Lotz, G. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/453.htm> b (дата обращения: 26.07.2022).
250. Löwenstein, А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/413.htm> (дата обращения: 26.07.2021).
251. Meyer, J. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/786.htm> (дата обращения: 26.12.2021).

252. Meynier, J.H. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/176.htm> (дата обращения: 26.12.2021).
253. Moser, I.G. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/879.htm> (дата обращения: 26.12.2021).
254. Moser, I.G. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/08/992.htm> b (дата обращения: 21.01.2022).
255. Mühler, K. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/10/304.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
256. Neumann, A. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/213.htm> (дата обращения: 26.12.2021).
257. Neumann, A. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/396.htm> (дата обращения: 26.12.2021).
258. Platen, A. Graf von. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/241.htm> (дата обращения: 16.01.2023).
259. Pöschl, H.E. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/07/119.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
260. Rückert, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/441.htm> (дата обращения: 16.05.2022).
261. Rumpf, E. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/886.htm> (дата обращения: 26.12.2021).

262. Schaefer, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/140.htm> (дата обращения: 26.04.2022).
263. Schiller, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/032.htm> (дата обращения: 26.12.2021).
264. Schiller, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/287.htm> (дата обращения: 26.12.2021).
265. Schleiermacher, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/Schleiermacher.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
266. Schmidt, K.E [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/769.htm> (дата обращения: 20.11.2022).
267. Schmidt, K.E [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/996.htm> (дата обращения: 04.11.2022).
268. Schulze, F.E. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/08/311.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
269. Schulze, F.E. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/08/493.htm> (дата обращения: 22.03.2022).
270. Stoltze, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/013.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
271. Sutermeister, O. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/157.htm> (дата обращения: 26.12.2021).

272. Thamm, P. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/11/592.htm> (дата обращения: 26.12.2021).
273. Thiele, J.G. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/08/052.htm> (дата обращения: 26.12.2021).
274. Thiele, J.G. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/08/075.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
275. Thiele, J.G. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/08/137.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
276. Thiele, J.G. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/315.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
277. Thiersch, H. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/041.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
278. Thiersch, H. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetsel/Gedichte/02/310.htm> (дата обращения: 10.07.2022).
279. Töpfer, C. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/04/639.htm> (дата обращения: 22.07.2022).
280. Treitschke, F. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetsel/Gedichte/05/687.htm> (дата обращения: 10.07.2022).
281. Trummer, C. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/382.htm> (дата обращения: 02.07.2021).

282. Trummer, C. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/465.htm> (дата обращения: 26.12.2023).
283. Trummer, C. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/651.htm> (дата обращения: 26.12.2021).
284. Trummer, C. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/538.htm> (дата обращения: 26.12.2021).
285. Uhse, E. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.deutschestextarchiv.de/book/view/uhse_poet_1719?p=89 (дата обращения: 26.07.2022).
286. Usener, W. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/442.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
287. Wöbbe, E. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/385.htm> (дата обращения: 26.07.2022).
288. Wolf, J.H. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/06/434.htm> (дата обращения: 26.01.2023).